

александр болдачев

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

и философия абсолютного релятивизма

- относительность идеального и материального
- иерархия темпоральных систем
- творчество и нисходящая причинность
- темпоральность жизни и разума
- множественность уровневых реальностей
- трансреальное сознание

александр болдачев

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

и философия абсолютного релятивизма

МОСКВА

ББК 87.21

Болдачев Александр Владимирович

Темпоральность и философия абсолютного релятивизма.

М.: ЛЕНАНД, 2011. — 224 с.

В настоящей книге с позиции философского релятивизма и нового темпорального взгляда на мироздание предлагаются оригинальные решения главных философских проблем: отношения материального и идеального, восходящей и нисходящей причинности, сущности эволюции и творчества, жизни и разума. Основной целью книги является демонстрация единства Мира во всех его проявлениях: единства бытия и мышления, жизни и духовного роста, единства всех форм познания — науки, искусства, религии, философии, мистики. Главный же вывод книги звучит следующим образом: понять единство Мира возможно только с трансреальной точки зрения, то есть только выйдя за пределы любой фиксированной реальности, любой концепции, любой логики.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами философии — от философии естествознания до философии мистики.

Редактор М. В. Куренная

Корректор П. А. Захаров

Формат 60×90/16. Печ. л. 14. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-0364-9

© А. В. Болдачев, 2011

9888 ID 121355

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ЧАСТЬ I. АБСОЛЮТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ.....	12
ФИЛОСОФСКОЕ ПОЗНАНИЕ.....	12
Предмет философии.....	12
Рациональность философии.....	14
Критерий истинности в философии.....	15
Единая философская система.....	16
Смысл философского познания.....	17
Первый вывод.....	18
РЕЛЯТИВИЗМ.....	18
Совмещение картинок.....	18
О сущности релятивизма.....	19
Начало релятивизма.....	19
Релятивизм и объективное познание.....	20
Релятивизм и научное мировоззрение.....	21
Релятивизм и рациональность.....	21
Субъективная «объективность».....	22
Объективный антропоцентризм и релятивный антиантропоцентризм.....	23
Подвижное Я.....	24
Сложная психо-логическая задачка.....	24
Решение познавательной задачки.....	25
Назойливый релятивизм.....	27
Релятивизм и субъективность.....	27
Релятивизм и этика.....	28
Релятивизм и плюрализм.....	29
Разновидности релятивизма.....	29
ОБЪЕКТ, СУБЪЕКТ.....	31
Начало отсчета.....	31
Субъект и объект в философии.....	31
Субъекты и их объектные действительности.....	32
Субъект и сознание.....	33
Объект и кантовская <i>вещь-в-себе</i>	34
Познание объекта.....	35
Пустотность объекта и субъекта.....	36
Объект и предмет в философии.....	37
УРОВНЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	39
Тавтологичность выражения «объективная реальность».....	39

Пустотность реальности.....	40
Реальное место реальности.....	41
Уровни реальности.....	43
Платонова пещера.....	44
Множественность и относительность реальностей.....	46
К ОСНОВНОМУ ВОПРОСУ ФИЛОСОФИИ.....	48
Постановка вопроса.....	48
Бытие и сознание.....	48
Идеальное и материальное.....	50
Ноумены и феномены.....	52
Относительность ноуменального и феноменального.....	52
Основные выводы и постановка проблемы.....	53
ЧАСТЬ II. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ.....	55
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ.....	55
Размеры во времени.....	55
Хрональность и темпоральность.....	55
Темпоральность и характерное время процесса.....	57
Пространственные объекты.....	57
Темпоральные объекты.....	58
Темпорально-пространственные объекты.....	59
Объектность кристалла и мелодии.....	59
Темпоральность и хрональность.....	61
Темпоральность и хрональные границы.....	62
Темпоральная структурность.....	62
Темпоральные системы.....	64
Мелодия как темпоральная система.....	65
Биологический организм	
как пространственно-темпоральная система.....	65
Неполнота «плоского» описания.....	66
Исключительная темпоральность темпоральных систем.....	66
Относительность темпоральных и пространственных систем.....	67
ОПИСАНИЕ ЧЕРЕЗ СОСТОЯНИЕ.....	70
Детерминистская логика состояний и темпоральность.....	70
Описание биологического организма через состояния.....	71
Проблемы описания темпоральных объектов через состояние.....	73
Состояние мелодии.....	74
Вариант строгого введения понятия «темпоральный объект».....	75
Детерминизм и описание через состояния.....	77
ИЕРАРХИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СИСТЕМ.....	77
Темпоральный мир.....	77

Матрешечная пространственная иерархия.....	78
Переход.....	78
Процесс.....	79
Формальность темпоральной иерархии.....	80
Темпоральная система-действие.....	80
Результат как системообразующий фактор системы-действия.....	81
Особенность события-результата.....	82
Вариативность реализации действия.....	82
Система-действие и теория функциональных систем Анохина.....	83
Деятельность.....	84
Пространственное отображение деятельности.....	84
Творящая система.....	85
К иерархической логике.....	86
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ПРИЧИННОСТЬ.....	86
Постановка проблемы причинности.....	86
Система и причинные отношения.....	87
Причинность в темпоральной системе.....	88
Время и причинные отношения.....	89
Системообразующий фактор как причина.....	90
Причинность в системе-действии.....	91
Причина позже следствия.....	92
Классическая причинность как хрональная последовательность.....	94
Дурная бесконечность причинно-следственных цепочек.....	95
Вариативность действия.....	96
Кошмар случайности первопричины.....	96
Одноуровневость линейного детерминизма.....	98
Иерархия темпоральных систем и детерминизм.....	100
Философское обобщение.....	101
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИОНИЗМ.....	102
Постановка проблемы эволюционных новаций.....	102
Новации и классический детерминизм.....	105
Внутренняя логика новационной цепочки.....	105
Цепочка новаций и причинность.....	106
Новации и случайность.....	106
Эмерджентность и прочие номогенезы.....	108
Скрытая сложность.....	109
Распределенные во времени системы.....	109
Преобразование темпоральной сложности в пространственную.....	110
Идея и творчество.....	111
Появление биологической клетки как преобразование темпоральной сложности в пространственную.....	112

От темпоральной сложности клетки к многоклеточным организмам	
От кустаря к фабрике	
Традиционные преобразования сложности и новация	
Темпоральность и информация	
Инволюция и трансреальные философские концепции	
Инволюция и обеднение темпорального содержания	
Формирование темпоральной сложности	
Непрогрессивность новаций	
Инволюция и деволуция радиотехники	
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И РАЗУМА	
Проблема фиксации понятий «жизнь» и «разум»	
Темпоральность жизни и разума	
Нежизненность живого организма и неразумность разумного	
Начальная локализация жизни и разума	
Жизнь есть целенаправленная деятельность	
Разум творящий	
ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ	
От натурфилософии к онтологии	
Проблема начала онтологии	
Релятивизм и начала онтологии	
Начало онтологии и начало Мира	
Исходные моменты темпоральной онтологии	
Пространственная и темпоральная сложность	
Универсум событий (1)	
Универсум событий (2)	
Начала темпоральной онтологии	
Логика первого различения	
Деление действительности на феноменальную и ноуменальную	
Время и пространство	
Пространство-время элементарного и абсолютного субъектов	
Неточечность <i>сейчас</i>	
Темпоральная онтология и релятивизм	
Пространство-время и реальность	
Множественность реальностей	
Сложный субъект	
Субъектная действительность и уровни реальности	
Уровень субъекта и различение тел	
Событийное единство Мира	
Событийное единство ноуменов и феноменов	

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ.....	168
Мир идей и <i>вещь-в-себе</i>	168
Темпоральность познания.....	170
Формы познания.....	171
Творение.....	174
Темпоральная философия.....	174
Трансреальная онтология.....	176
ЧАСТЬ III. ТРАНСРЕАЛЬНОЕ.....	178
МИР.....	178
Эволюция и абсолют.....	178
Эманация.....	178
Сознание.....	178
Пространство мыслей.....	178
Объективная реальность.....	179
Первичность и финальность Сознания.....	179
Идеальность.....	179
Единство мира в сознании.....	180
Время.....	180
Ощущение времени.....	181
Жизнь и цель.....	181
Инволюция силы.....	181
Внутри времени.....	182
ПОТОК ЖИЗНИ.....	182
Событие.....	182
Уровни событий.....	182
Все случается.....	183
Реальность.....	184
Случайность человека.....	184
Изменять мир.....	185
Поток времени.....	185
Сознательность, определенность.....	185
Счастье и страдание.....	186
Бороться или работать.....	186
Сейчас.....	186
Любовь.....	187
Страх перед будущим.....	187
Страх из прошлого.....	187
Теория.....	188
Осознание связанности.....	188
Мир и человек.....	189

Творить будущее.....	189
Цель жизни.....	189
Переселение душ.....	190
Деятельный процесс.....	191
Сознательность.....	191
Закон.....	192
Социум человекoв.....	192
Человек социума.....	193
Я.....	194
Два момента Я.....	194
Случайная ноша.....	194
Настоящее.....	194
Я и одиночество.....	195
Душа.....	195
Темпоральное Я.....	195
Музыка.....	196
Жизнь после смерти.....	196
Надежность.....	198
Несвобода от прошлого и будущего.....	198
Память.....	199
Свобода.....	199
Индивидуальность.....	199
Абсолютное рабство.....	200
Свобода – это не.....	200
Любовь.....	200
ПОЗНАНИЕ.....	202
Мышление.....	202
Знание.....	202
Молчание.....	202
Медитация.....	203
Феномен – субъект – ноумен.....	203
Ум.....	203
Индивидуальный разум.....	203
Поиск смысла.....	204
Мировой разум.....	204
Мышление и смерть.....	204
Мысль не признак.....	206
Немысль.....	206
Рассудочное мышление.....	207
Истина.....	207
Инволюция Истины.....	207

Пустота.....	208
Истина и действие.....	208
Знание.....	208
Абсолют, знание, понимание.....	208
Понимание.....	209
Понимание события.....	209
Субъект и смысл.....	210
Новые мысли.....	210
Познание Единого методом тождества.....	211
Относительность реальностей.....	211
Конечное число личностей.....	212
ТВОРЧЕСТВО.....	212
Человек и события.....	212
От производства к творчеству.....	212
Гениальный взгляд.....	213
Творение.....	213
Творчество – это инволюция.....	213
В своем уме.....	214
Гениальность.....	214
Духовность и творчество.....	215
ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....	215
<i>Отрицательная определенность.....</i>	<i>215</i>
Астральное тело.....	215
Медитация.....	215
Йога.....	216
Отказ от реальности.....	216
Религия.....	217
Этапы роста.....	217
Надсоциумный уровень.....	218
Восхождение и уровень реальности.....	218
Изменение.....	218
Духовность.....	218
Уровень человека.....	220
Свобода.....	220
Человек и время.....	220
Просветление и эволюция.....	221
Взгляд снизу.....	221
Путь.....	222
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	223

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга состоит из трех частей: объемного философского введения, основной части и философско-художественного заключения.

Философское введение представляет круг идей, где стало возможным зарождение темпоральной концепции, подводит читателя к необходимости формулирования новой релятивистско-иерархической логики, без которой нельзя понять главные концепты темпоральной философии, такие, как относительность темпоральности и пространственности, иерархия темпоральных систем, нисходящая причинность, инволюционная сущность эволюции и др.

Философско-художественное заключение составлено из коротких текстов, возникших по ходу работы над теорией темпоральности, при обдумывании ее связи с древними этико-философскими, мировоззренческими системами. Оказалось, что релятивистско-темпоральный взгляд на Мир, на так называемую «объективную реальность» во многом совпадает с представлениями буддизма, суфизма, Веданты, Каббалы и других философских концепций, которые я предложил называть трансреальными (чтобы не смущать читателей словом «эзотерика»).

Основную же часть книги составляет изложение и развитие темпоральной концепции, предложенной в предыдущей моей книге «Новации». Правда, там термин «темпоральность» еще не использовался, а обсуждался формализм распределенных во времени систем. Понятие «темпоральность», понимаемое как распределенность, протяженность во времени, необходимо всплыло в «Новациях» при анализе главной проблемы эволюции – проблемы спонтанного возникновения новой сложности. Из понимания, что решение этой проблемы невозможно на уровне линейной, одноуровневой логики, детерминистского мышления, появилось представление о некоей «скрытой переменной», о наличии у всех объектов и Мира в целом дополнительного измерения, которое я и поименовал темпоральностью.

Часто приходилось отвечать на вопрос, а возможно ли и надо ли в наше время вообще вводить новые понятия, множить сущности – с намеком на

бритву Оккама. В науке этот принцип обладает некоторой осмысленностью, целесообразностью – ведь наука, по своей сути, требует сведения исходных принципов к минимуму. В философии ситуация похожая. Но только в рамках отдельной теории, концепции, направления. А не глобально. Физиком следует считать любого, кто может, используя имеющиеся концепты, сущности, описать нечто новое. Философом (настоящим) будет считаться лишь тот, кто ввел новый концепт, новую сущность. Кому нужны переписчики Платона, Гегеля? Или мы должны были указать Канту на недостаточные основания для введения понятия *вещь-в-себе*, а Хайдеггеру – для введения понятия *дазайн*? Философия интересна только тогда, когда чье-то мышление переходит на другой уровень, когда открывается новая точка зрения, новый способ помыслить Мир. И только наличие этого нового дает нам право называть человека философом, а не преподавателем философии. В отличие от естественных наук, в философии основной целью является как раз «внедрение новых сущностей». Движение философии в целом идет в сторону расширения понимания, увеличения числа точек зрения и уровней мышления, а никак не в сторону его унификации и урезания.

Хотя, с другой стороны, концепция темпоральности и не вводит принципиально новых сущностей. Ее можно рассматривать как закономерное развитие, обобщение и формализацию множества философских направлений, пытавшихся для объяснения эволюции, творчества ввести понятия «нисходящая причинность», «эмержентность», «энтелехия» и пр. Более того, представление о нелокальности объектов во времени хорошо вписывается в представления как современной физики, так и многих трансреальных философских концепций.

Хочу выразить благодарность всем, кто участвовал в многочисленных интернетовских дискуссиях на тему темпоральности, а также в обсуждении моего доклада на Российском междисциплинарном семинаре по темпорологии под руководством А.П.Левича.

АБСОЛЮТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

ФИЛОСОФСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Предмет философии

Прежде всего, философия – это некий инструмент (форма, метод, способ) познания. Занимаясь философией, человек стремится расширить свое понимание, умножить знания. Философия стоит в одном ряду с такими познавательными деятельностями, как наука, искусство, религия. Очевидно, что для выявления отличий философского познания от научного, эстетического, религиозного в первую очередь следует выделить предмет этого познания – что изучаем-то? Ответ на этот вопрос довольно прост – надо только понаблюдать за познающим, попытаться понять, на что направлен его познавательный интерес. К примеру, ученый сосредотачивает свое внимание на типичных свойствах и отношениях наполняющих мир объектов: от элементарных частиц до галактик, от вируса до человеческого организма. Поэт, художник, композитор изучают свои эмоции – не закат, не росу на цветке, а именно свое эстетическое отношение к этим объектам, – «вглядываются» в свои чувства. И результат этого изучения фиксируют в текстах, картинах, мелодиях. А что же познает философ, когда сидит с закрытыми глазами в кресле, покусывая карандаш? Что в этот момент ему дано в качестве предмета изучения? Ну, конечно же, его мысли. Мысли и только мысли. Его не интересует нечто конкретное – электрон или закат. Предметом его внимания являются лишь мысли об этом конкретном. Его интересует, как он может мыслить электрон или закат, что общего между мыслями об электроне и закате, как мысли могут соединяться, порождая новые мысли.

Итак, *предметом философского познания является мышление познающего субъекта* (философа). Но именно философское мышление, не обыденное – последним интересуется скорее психология. Философ вглядывается в свое, особенное, философское мышление. То есть предметом философии является познающее мышление в его чистом, беспредметном виде. Основная цель философа – познать, а как мы вообще можем познавать?

Такое представление о предмете философии не является общепризнанным. Вернее, следует сказать так: большинство философов признает, понимает, что предмет философии лежит внутри самой философии. В подтверждение приведу несколько цитат: «Люди, философствуя, ищут знание ради самого знания, а не ради какой-то практической пользы» (Аристотель); «Познай самого себя» (Сократ); «...философию нельзя постигнуть и опреде-

лить обходным путем как что-то другое, чем она сама... Она сама есть, только когда мы философствуем, как наше собственное, как человеческое дело» (Хайдеггер); «Философия является частью жизни и опытом жизни, опытом жизни духа в глубинах философского познания» (Бердяев).

Однако, когда от философов желают получить ответ на простой вопрос о предмете философии, они пускаются философствовать. И всплывают тезисы о «наиболее общих законах мира», о «предельных основаниях бытия» и т.д., и т.п. Ведь и вправду, нельзя же ожидать от философа чистосердечного признания в том, что он ничего другого не исследует, кроме как свое мышление, что он ни о чем другом не говорит, кроме как о своих мыслях. Кому он такой нужен – копающийся в своей голове и не познающий глубинные или возвышенные «истины»?

Кстати, поэты и художники таким комплексом не страдают. У них все наоборот: чем личностнее, субъективнее их творчество, тем ценнее оно для них и для окружающих. Тут можно заметить, что значимость результата философского и художественного познания зависит не от масштаба предмета изучения, а от глобальности инструментов – мышления и чувств. Хотя тут я что-то напутал – ведь у философов инструмент и предмет совпадают. Так что можно сказать просто: о величии философа и художника судят по масштабу их мышления и чувства. А о чем они пишут – дело десятое.

Итак, все рассуждения о мире, о бытии, о сущности и существовании суть лишь формы мысли, элементы философского мышления. И именно мысли и только мысли следует рассматривать как вышеупомянутые «общие законы» и «предельные основания». Только законы и основания не Мира, а законы и основания мышления философа о Мире.

Свое философское мышление философ может мыслить по-разному, в различных формах с различных сторон. Когда он мыслит его *объектно*, то есть пытается разобраться, что, где и как располагается в его мыслительном мире – у него получается онтология. Когда он мыслит *категориально*, то есть выделяет и соотносит объекты в своем мышлении – мы говорим, что философ занимается гносеологическими проблемами. Если же философ абстрагируется от «что» и «как», то есть мыслит *формально-структурно* – тогда он становится логиком. Повторю кратко: *онтология – это объектное описание философского мышления; гносеология – категориальное описание; логика – структурно-формальное.*

Обращая свое познавательное внимание на другие виды познавательного мышления, философия приобретает разделы: философия науки, философия искусства, философия религии, философия мистического познания и т.п. В каждом из них можно помыслить свои специфические онтологию, гносеологию, логику.

Рациональность философии

Итак, познавательный интерес и философа, и художника направлен не на внешние предметы, а на нечто в себе самих: на мысли в первом случае, эмоции – во втором. Поэты и философы могут творить в темноте. Однако различие предметов и одновременно инструментов познания – мышления и чувства – порождает и различие способов оформления итогов познания. Свои иррациональные эмоции художник запечатлевает в иррациональных формах – в не поддающихся логическому анализу сочетаниях слов, звуков, красок. Ну а философ, исследуя закономерности своего мышления, старается зафиксировать их (насколько это возможно) в логически строгом тексте. Можно сказать, что целью философского познания является поиск и фиксация рациональной составляющей познавательного мышления – или поиск закономерностей познавательной деятельности. А основным результатом/продуктом философского познания является рациональный текст – логичное изложение зафиксированных закономерностей познавательного мышления, в идеальном случае – логическая система (теория). Именно в этом пункте философия расходится с искусством и стыкуется с наукой – к продуктам науки и философии безусловно предъявляется требование рациональности.

Однако философия – не наука. Этот вывод однозначно следует из определения философии как мышления мышления. Сам философ, конечно, может сколь угодно беззаветно верить в научность и объективность своего познания. Ведь для него его текст строго отображает закономерности данного ему в изучение предмета. Все как в науке. Кроме одного. Этот предмет – познавательное мышление философа – недоступен для изучения никому, кроме него самого. И как бы ни уверял нас философ, что его тексты объективно описывают предмет, проверить это невозможно. Остается только верить, что он действительно думает как пишет (или пишет как думает). В строгих терминах это можно выразить так: философские знания не поддаются ни верификации (проверке), ни фальсификации (опровержению). Ведь понятно, что глупо отрицать истинность некоторого философского тезиса, всегда имеющего форму «я думаю так-то и так-то», на основании того лишь, что другой философ думает иначе. Все мы по-разному думаем и по-разному высказываемся о своих мыслях.

Из вышеприведенных соображений можно сделать два противоположных вывода: (1) в философии вообще не может идти речи об истинности или (2) любое философское высказывание истинно по определению, то есть по факту своего произнесения (что мне больше нравится). Да-да, именно любое, пусть даже самое глупое и нелепое – ну что ж поделаешь, если у философствующего может быть глупый и нелепый предмет: его мышление. Тут уж точно – что вижу, о том и пою. Ведь ясно: если под истинностью (в

самой упрощенной трактовке) понимать соответствие суждения предмету, то суждение философа о своей мысли всегда будет соответствовать мысли (не будем рассматривать вариант профессиональной нечистоплотности). Тут еще важно не путать истинность философского высказывания с логической истинностью отдельных суждений в теории, которые, безусловно, могут быть ложными из-за элементарных логических ошибок.

Критерий истинности в философии

Все философы обязательно имеют свои концепции, теории или, по крайней мере, позиционируют себя в рамках какого-либо философского направления. Поэтому любая новая теория изначально ну никак не может быть воспринята коллегами (если она действительно новая). Посудите сами: если философ считает правильным какое-то мышление (естественно, свое или чужое, вычитанное из книжек, но совпадающее со своим) – с какой стати он будет присваивать статус правильного другому мышлению, заведомо отличному от его? Поэтому в философии не может идти и речи о наличии хоть какой-то объективной экспертной оценки. Нет, конечно, различить профессионально выполненный философский текст и неряшливое графоманство возможно. Но указать, однозначный критерий истинности?.. Здесь в философии все так же, как в искусстве – мнение специалиста (коллеги по цеху) не имеет никакого значения, оно по определению отрицательное. (На одной из встреч со зрителями Андрей Тарковский на вопрос о том, как он относится к творчеству такого-то режиссера, честно ответил: «А как я могу относиться? – Ведь он снимает не так, как я...»)

Так что же, нет никакого критерия? Есть. И он такой же, как в искусстве: массовое признание. К примеру, безусловным критерием «правильности», «истинности» являлись очереди в кассы на ретроспективный показ фильмов Тарковского или стотысячные тиражи сборников Бродского. В философии то же самое: мы признаем философами не тех, кто сумел в своих текстах соблюсти какие-то формальные правила, строго выдержал логику изложения и точно использовал термины, а тех, чьи произведения заставили и по-прежнему заставляют думать, чье мышление оказалось созвучным мышлению читателей. Вот так – только статистика, с которой можно не соглашаться, но против которой не существует никаких аргументов, кроме «а я не понимаю», «это не мое». И эти аргументы лишь подтверждают сказанное: только статистика.

Ну да, есть еще логика. Здесь действительно можно спорить: выдвигать аргументы, формально соотносить фрагменты текста. Можно показать, что автор сначала под таким-то термином подразумевает одно, а потом другое и т.д. Хотя, конечно, это все вторичные моменты – точно так же как, скажем,

неидеальный русский язык у Достоевского и отдельные логические нестыковки у Платона или Гегеля нисколько не умаляют их значимости как гениальных писателя и философов. А самое главное – не уменьшают количества их читателей. Первично – признание масс, то есть совпадение пониманий автора и читателей.

Итак, никаких объективных критериев истинности философских высказываний нет и быть не может. Есть лишь косвенные, статистические: хоть как-то несубъективно (не для себя) ранжировать философов мы можем только по количеству людей, посчитавших их мысли схожими со своими. С этой стороны можно утверждать, что мысль Канта достовернее, ценнее, чем мысль Тюткина. Но если их сравнивать непосредственно, то они совершенно равноценны – мысли обоих равно истинны, как соответствующие своему предмету: индивидуальному мышлению. Просто предметы и инструменты (мышление, которым думают и о котором думают) у Канта и Тюткина разные – разного масштаба.

Единая философская система

Я утверждаю бессмысленность любых попыток построения единой, единственно правильной философской системы и необходимость построения множества систем, исходящих из различных онтологических, гносеологических и логических оснований, отражающих *все*-возможные мировоззрения. Такое утверждение непосредственно следует из понимания, что предметом философии является индивидуальное мышление, индивидуальное мировоззрение. Ведь ясно, что при признании множественности предметов философии (индивидуальных мышлений) естественным образом отпадает и вопрос о возможности существования единой теории, единственно правильной философской системы – все они становятся рядоположенными, самодостаточными, одинаково достоверными и одинаково неопровержимыми. Одинаково ненаучными.

Ну какое отношение мои умопостроения по поводу моей картины Мира могут иметь к умозаключениям другого человека относительно его картины? Как можно сопоставить рациональные выводы, основанные на постулировании *объективности материальной реальности*, и суждения, логически следующие из принятия *абсолютности Брахмана*? Ну, здесь я опять немного лукавлю – ведь все, написанное далее в этой книге, и есть попытка найти единое основание для различных философских точек зрения. Но тут меня не поймать на противоречии и двойных стандартах – я вовсе не утверждаю, что моя философская точка зрения единственно возможная. Не только допустимо, но и необходимо пытаться объединить всё и с другой позиции, и с третьей.

Смысл философского познания

Многие философствующие, приближаясь к пониманию относительности, неоднозначности философских построений, просто-напросто пугаются. Ясное дело, сложно отказаться от мысли, что эта дорога никуда не ведет, что в конце пути нет единственной, всепоясняющей истины, одной правильной теории, дающей ответы на все вопросы. Еще сложнее смириться с мыслью, что все, о чем ты мыслишь, всего лишь твои мысли и не более. Не хуже и не лучше, чем у философствующих рядом. И уж точно невозможно признать истинность мыслей философского оппонента. К чему тогда все это?

Ответ на этот вопрос можно получить, если не останавливаться на полпути, а продолжить мысль об относительности философствования до ее логического предела. Ведь если предметом философского познания является индивидуальное мышление философа, то и конечный смысл этого познания следует видеть не в научении других, не в продуцировании неких суждений, текстов, теорий, а в расширении, углублении, возвышении своего индивидуального понимания.

В истории европейского познания некогда произошла подмена целей и средств. *Слово*, как форма фиксации и трансляции достигнутого понимания, как нечто по сути своей способное служить лишь подсобным средством познания, стало исходным пунктом и результатом познания. Текст из формального передаточного звена между познающими субъектами превратился в начальный и конечный моменты философского познания. Это совсем как в экономике, где первичный смысл товарного обмена со временем отошел на задний план, а на авансцену выступила цель аккумуляции денег. На смену формуле «товар – деньги – новый товар» пришла схема «деньги – товар – новые деньги». В философском познании это выворачивание приобрело форму «текст – понимание – новый текст». И это не метафора. Ведь фактически, философское обучение однозначно реализует эту схему: пойми, что написали другие, и сочини свой новый текст. И все. Дальше до конца своих дней можно пояснять ученикам, в чем его новизна.

Я вовсе не хочу сказать, что могло быть иначе. Я лишь предлагаю осознать факт этого выворачивания. Это осознание необходимо для того, чтобы понять: утверждение относительности философских построений означает не гибель философского познания, а лишь возвращение его изначальной цели, которая заключается в расширении индивидуального понимания. В буквальном смысле – в лучшем понимании своего понимания. А тексты – лишь побочный продукт. Безусловно необходимый. Как этапы, как ступеньки. Ну и как подспорье для других, пытающихся сделать свой первый шаг в восхождении. Вот к чему, на мой взгляд, все это.

Первый вывод

Итак, для чего я все это писал? Прежде всего, я попытался определить статус предложенного вашему вниманию текста – это философская система, концепция, отражающая мое мышление, мое понимание, мое *миро-воззрение*. Зафиксировать свои мысли я попытался на философском языке, то есть предельно рационально, максимально логично и строго (по возможности избегая специальной терминологии). Текст не имеет никакого отношения к науке – он не может быть ни подтвержден, ни опровергнут. Но он изначально истинен – в смысле соответствия своему предмету, то есть моему мышлению. Отсюда однозначно следует вывод, что мои рассуждения, скорее всего, не будут совпадать с вашими – с вашими представлениями о вашем собственном мышлении.

Ну и главный вывод, который следует сделать из этих общих рассуждений о природе философского знания: нет и не может быть единственной, единой философской теории. Просто по причине множества предметов – сколько философов, столько и предметов, столько и теорий. Итак, перед вами один из взглядов на мир, не только не отрицающий возможности, но и утверждающий необходимость множества других точек зрения. Теории разные нужны, теории разные важны.

РЕЛЯТИВИЗМ

Совмещение картинок

Говорят: в эпоху плюрализма возможным стало всё, что угодно. Но ведь можно сказать и по-другому: когда стало понятно, что невозможно мыслить всем так, *как угодно кому-то одному* (одной группе, одной партии, одной профессии), наступила эпоха плюрализма.

Отвечают: но если нет единого критерия, единой позиции, как могут уживаться друг с другом самые разные картины мира? Как возможны взаимопонимание, согласованная позиция, совместное действие?

Объединять людей должно осознание того, что любая позиция лишь одна из возможных и основной смысл любой позиции – в преодолении ее. Позиция нужна не сама по себе, а только как плацдарм для завоевания следующей. И тут не надо бояться дурной бесконечности перебора. Когда после первых марш-бросков с позиции на позицию начинаешь ощущать направление главного удара, уже нет необходимости задумываться, куда дальше поставить ногу. Каждый шаг уже осознается не как позиция, а лишь как проходной рубеж. И взаимопонимание это не стояние на одной позиции, а совместное движение, когда позиции – частные опорные пункты – уже не важны. Да и совпадения картин мира не нужно. Взаимопонимание только и возможно, когда картины разные – ведь если они одинаковые, то это не взаи-

мопонимание, а тождество. Когда картины совпадают, я не могу понять *другое*, не могу понять *другого* – передо мной только отражение моего. Призыв к поиску единой позиции практически всегда подразумевает не стремление создать что-то новое, а желание склонить партнера к своей точке зрения, навязать свою картину мира. Стремиться надо не к *согласованной позиции*, а к *согласованию позиций*, к видению места каждой из возможных позиций в их неконечном ряду. И только понимание необходимости всех позиций может привести к совместному действию, а не к подчинению действий одних воле других. Да и вообще, зачем нужна согласованная позиция? Для совместных действий совсем не требуется единомыслия, достаточно понимания чужой точки зрения.

О сущности релятивизма

Приняв в качестве предмета философии индивидуальное мышление философа, мы с необходимостью приходим к выводу, что одним из основных принципов философии должен быть *релятивизм*. Причем релятивизм во всех его проявлениях – констатирующий отсутствие какой-либо единой для всей философии системы координат, понятийной базы, единой терминологии, единой логики. Релятивизм, утверждающий, что высказывание может быть истинным не «вообще», а только в рамках конкретной конечной системы. Релятивизм, не только допускающий возможность различных философских систем, но и настаивающий на безусловной их необходимости. В общем, *абсолютный релятивизм*.

Релятивизм, как производное от латинского *relativus* (относительный), констатирует, что все относительно, что для фиксации любой определенности, любого суждения безусловно необходима *система координат* (точка зрения, точка отсчета). Наверное, трудно найти человека, который взялся бы отрицать этот вполне тривиальный позитивный тезис. Мы не найдем ни одной сферы познания, где утверждение истинности суждения не требовало бы указания, относительно какой системы отсчета оно (суждение) сделано. Научные измерения осмысленны только при фиксации системы отсчета и единиц измерения; соблюдение юридических или нравственных норм определяется только относительно законодательства конкретной страны или морали определенного общества, религии. В самом точном рациональном смысле релятивизм утверждает, что *любое суждение может быть истинным или ложным только в границах конкретной логической системы*.

Начало релятивизма

Говорят, что корни релятивизма восходят к Гераклиту с приписываемой ему мыслью о невозможности дважды войти в одну реку и к софисту Про-

тагору с его известной фразой о человеке, который есть мера всех вещей. Идеи Протагора об относительности познания, об ограниченности познания чувственным восприятием единичного человека действительно близки к логике релятивизма. Но релятивизм софистов – это в большей степени отрицательный релятивизм, акцентирующий внимание на ограниченности человеческого интеллекта, на недостаточности его для истинного познания. А самое главное, релятивизм Протагора, что естественно для античного мира, предельно антропоцентричен.

Релятивизм и объективное познание

В качестве основного аргумента против релятивизма выдвигается утверждение, что он якобы отрицает возможность объективного познания. Но если вернуться к исходному определению релятивизма, станет ясно: единственное, что отрицает релятивизм, так это возможность существования некой привилегированной, абсолютной системы отсчета, единственно верной точки зрения. То есть проблема заключается в трактовке понятия «объективное познание». Понимать ли таковое как способ получения абсолютно истинного знания или же знания, просто соответствующего текущим представлениям об объективности? Ведь еще совсем недавно утверждение о невозможности одновременного точного указания координат и импульса частицы не признавалось научным, то есть относящимся к объективному знанию.

Однако понятно, что проблема относительности знания не исчерпывается констатацией его перманентной неполноты. Развернуто основной посыл релятивизма можно выразить так: сформулировать единый критерий объективности, однозначный для всех областей научного познания, для всех теорий – невозможно. Объективность, понимаемая как однозначность, возможна только в рамках конкретной логической системы. Ведь эмпирические и теоретические высказывания для однозначного соответствия друг другу, то есть для взаимного подтверждения объективности, должны быть сформулированы на одном языке – подтверждать измерениями надо именно то, что прогнозирует теория, ну и сама теория должна предсказывать только то, что можно измерить.

Следовательно, релятивизм, констатируя невозможность существования в познании единой, абсолютной системы отсчета, не отрицает объективности научных знаний, не отрицает самой объективности, а лишь утверждает, что объективность – читай однозначность – только и возможна как относительная, как ограниченная, заключенная в рамки той или иной теории, той или иной парадигмы. Допущение же абсолютной объективности неизбежно ведет к условности, произволу, потере критериев.

Релятивизм и научное мировоззрение

Философский релятивизм вполне вписывается в общую тенденцию развития научного мировоззрения – оно неизменно и бесповоротно движется от абсолютизма к признанию относительности всех элементов научного знания. Земля круглая – нет абсолютного верха и низа. Солнце одна из звезд – нет абсолютного центра космоса. Все вещество состоит из молекул – нет однозначной границы между живым и косным. Открытия в археологии и палеонтологии – нет абсолютно неизменных природных форм, есть историческое развитие. И так далее: специальная и общая теории относительности, квантовый дуализм волны-частицы, эвереттовские миры... То есть все значимые научные достижения демонстрируют, что выделение того или иного объекта относительно: зависит от точки (уровня) зрения, от системы координат, от доминирующей научной парадигмы. Основной мировоззренческий вывод науки – нет ничего абсолютного.

«Релятивизм», «релятивистский» – один из самых расхожих научных терминов последнего столетия наряду со словами «квант», «генетика». Поэтому очень странно видеть пренебрежительное отношение к релятивизму в такой, казалось бы, безусловно субъективистской сфере познания, как философия. Где еще, как не в философии, важно понимание ограниченности и относительности любого высказывания, понимание, что любое философское суждение неабсолютно, обладает осмысленностью и ценностью не само по себе, а только в рамках конкретной концепции, только относительно оснований конкретной теории.

Релятивизм и рациональность

Спокойное отношение к релятивизму в науке – в частности, в физике – связано, прежде всего, с представлением, что он есть не продукт мышления ученого, а следствие объективных законов природы – что уж тут поделаешь, если таково устройство мира. Против объективности не попрешь. Хотя и тут не все так просто.

В науке релятивизм, как позитивный принцип, обычно ограничивается рамками одной теории. Так, многие физики, безусловно принимая положения теории относительности о невозможности абсолютного пространства и времени, об отсутствии абсолютной системы координат, тут же принципиально отказываются признавать другое описание мира, безоговорочно отрицая возможность построения теорий, альтернативных эйнштейновской.

Прежде всего, следует понимать, что наука, физика – это не «реальность». Научное описание – это лишь то, что мы вылавливаем из универсума с помощью сетей-формул. Физические законы суть лишь проекции на некую рациональную плоскость, они говорят нам больше об этой плоскос-

ти, чем о том, что проецируется. Наука описывает не некий «объективно реальный» мир, а лишь его срез. Физика предсказывает: если мы вот этими инструментами, вот этими методами будем воздействовать на мир, то получим вот такую-то его реакцию – то есть описывает, как будут двигаться тени мира на ограниченной нашими инструментами и теориями рациональной плоскости.

Я не говорю, что это неправильный подход – он очень даже правильный, очень точный: все контуры проекций на этой плоскости безусловно сходятся. Как в черчении: в проекции детали не бывает повисших в воздухе линий, все линии обязательно замыкаются в непрерывные контуры. Проблема в том, что плоскостей отображения может и должно быть больше, чем одна. И на каждой из них какие-то линии уйдут на задний план, да еще и сольются с другими.

Релятивистская философия констатирует не то, что некоторое конкретное утверждение может быть немного истинным и немного неистинным (типа, линии на чертеже немного сходятся, но и чуть-чуть расходятся), а то, что истинных утверждений может быть много, что истинность – понятие не абсолютное, оно фиксируется только в пределах известных границ, на уровне определенной проекционной плоскости, которых может быть неконечное число. Линии, видимые в одной из проекций на чертеже как параллельные, в другой могут оказаться перпендикулярными.

Релятивизм не разрушает рациональность, не ограничивает ее, а наоборот, является ее основанием. Он утверждает, что рациональностей (логических систем, уровней анализа) может быть много. А следовательно, и объективность не может быть одна на всех и на все случаи жизни.

Рациональность только и возможна как проекционная, только и возможна как отображение, как чертеж. А значит, она релятивна по самой своей природе.

Субъективная «объективность»

Часто приходится слышать заверения, мол, я стараюсь быть предельно объективным или, мол, мои суждения предельно объективны. Такое впечатление, что делающие подобные заверения люди на полном серьезе полагают, что другие, высказывая свои мнения, непременно думают так: а скажу-ка я не то, что вижу, скажу-ка что-нибудь, не соответствующее моим мыслям, то есть попросту совру. Или под объективностью апологеты оной подразумевают нечто другое, нечто большее, чем элементарное совпадение их слов с их же мыслями или совпадение их высказываний с тем, что они видят? Если под объективностью не подразумевать простую правдивость, следует заключить, что этим «объективистам», в отличие от других людей, открыта некая безусловно «объективная» картина мира, что мысли у них в

голове также непременно объективны. (Знать бы только, как зафиксировать отличие этой объективности от субъективности моих мыслей.)

Игра в объективность прежде всего стопорит движение познания. Человек, принимая каждую свою мысль за нечто объективное, не видит пределов своего мышления. Он не может зафиксировать, отрефлексировать взаимную обусловленность своих мыслей и картинки перед глазами. Он способен только на фразы типа: но это же так очевидно! Мир безусловно соответствует моим мыслям, а мои мысли – Миру. Полная гармония.

Ну и конечно же, «объективная позиция» принципиально ограничивает возможность понять чужую мысль. Ведь она по определению не объективна. А определение простое: объективно лишь то, что соответствует моей картине Мира и моим мыслям. «Объективисту» невдомек, что природа объективности его картинки и его мыслей заключается лишь в соответствии их друг другу. Может ли он признать, что такое безусловное соответствие есть у всех? Как тогда объяснить себе, что собственная «объективность» объективнее «объективности» собеседника? Может ли он допустить, что если в его проекции линии пересекаются, то это необязательно должно быть так во всех возможных отображениях?

Объективный антропоцентризм и релятивный антиантропоцентризм

Становясь на путь крайнего объективизма, человек незаметно для себя самого, а самое главное, невольно впадает в жесткий *антропоцентризм*. Ведь ему по сути своего мировоззрения необходимо однозначно отличать объективное от субъективного, четко проводить границу между неким «реальным» (материальным?) миром и человеком, вернее, идеальным в нем. А как провести эту границу, если в самом человеке нет ничего субъективного? Тело, мозг, нейроны – где там запрятано это идеальное? Все субъективное – искусство, религия и т.д. – находится как раз вне человека. Или все эти внешние творения человека не объективны? Ну, так как-то... ни то, ни се. Может, следует провести эту границу между биологическими системами и социумом и объявить все продукты человеческой деятельности субъективными?

Получается, что жесткий объективистский взгляд на мир мешает видеть в этом мире человека, поскольку делает из человека границу между объективным и субъективным. Впрочем, в этом не было бы ничего страшного, если бы приверженцы объективизма не старались жестко зафиксировать положение этой границы, проводя ее именно через себя. Хотя, наверное, приятно чувствовать себя таким однозначным сепаратором, рассортировывающим поступающие на вход мысли на объективные и субъективные.

Философский релятивизм предлагает нам не только не привязывать познавательную точку зрения к своей голове, то есть признавать, что при перемещении этой точки в другие головы, она не теряет статуса «центра мира», но и вообще отказаться от фиксации плоскости познания на уровне Homo Sapiens'a. Человек не вершина Мира, а центр Мира. Но такими же центрами являются и лягушка, и камень у дороги – они центры своих Миров. Познать – это скорее не описать, что вижу, а понять, чем отличается мое «вижу» от «вижу» лягушки и камня.

Подвижное Я

Я честно признаюсь себе, что мне доступна только моя действительность, которая лишь косвенно соотносится с тем, что принято называть «объективной реальностью». Вернее, я вообще не знаю, что такое «объективная реальность». Нет, не так: я знаю, что я называю этой самой реальностью в своей картине Мира. И то, что я так называю, не имеет ничего общего с понятием «на самом деле» (но об этом позже). Понимание, что всем нам даны в ощущение лишь проекции Мира, не позволяет мне считать свою проекцию «объективнее» множества других. А самое главное, позволяет спокойно, не боясь потерять свою «объективную» уникальность, сместиться на другую точку зрения и посмотреть, как выглядит наш Мир в других своих проекциях.

Единственный способ познать Мир – это не вцепляться мертвой хваткой в свою действительность, принимая ее неподвижность за объективность, а перманентно ее менять. Именно сопоставление разных точек зрения дает возможность ощутить, а что же там, за этим спектром действительностей, и попытаться выстроить хоть какой-то образ того, что мы порой обозначаем словами «на самом деле».

Сложная психо-логическая задача

Причины пренебрежительно настроенного и даже враждебного отношения к релятивизму вполне понятны. За приписыванием ему всех мыслимых грехов – мол, релятивизм отрицает саму возможность объективного познания, низводит философию до уровня случайных частных мнений, разрушает целостность картины Мира, утверждает множество истин – так вот, за всеми этими обвинениями кроется страх (чаще всего неосознанный) потерять веру в свою маленькую частную истину, желание сохранить в неприкосновенности свою личную картину Мира. Ведь принятие философского релятивизма прежде всего означает признание возможности и необходимости множества мировоззрений, понимание, что твоя собственная картинка ничем не лучше, чем картинка не только философского попутчика,

но и идейного противника. А может ли пойти на такое здравомыслящий человек? Что же, вот так взять и заявить: то, чем я занимался полжизни, то, что отстаивал и лелеял, не ценнее, не лучше, не ближе к истине, чем идеи, с которыми я спорил, которые отрицал, с которыми боролся?

Прямо скажем, трудно представить ученого, а особенно философа, который, приступая к созданию новой гениальной теории, заведомо признает ее ограниченность, относительность, да еще признает существование других «верных» концепций. Да, можно допустить, что результат не станет последним словом в познании, что не получится создать окончательную теорию всего, но ведь обязательно должна быть уверенность, что выбранное направление движения к истине единственно правильное. Какой тут возможен релятивизм?

Остается только развести руками – действительно очень сложная *психологическая* задача. Как совместить в философской голове, с одной стороны, убежденность в правильности своего мышления (ведь не может же оно быть неправильным), исключительную ясность своей картины Мира, которая точно описывается этим мышлением, а с другой стороны – понимание, что никакой абсолютной истины нет и быть не может. Хотя, вроде, все очень просто и логично: если в Море есть то, что не вписывается в твою картину Мира, то, что ей противоречит – а это чужие картины Мира, – значит, твоя картина элементарно неполна, ограничена рамками твоего конечного мышления. Нет, наверное, это все же не так просто. Да тут еще надо как-то ответить себе на вопрос о статусе всего предшествующего философского опыта, решить проблему отношения к трудам гениев. Они ошибались? Все?

Решение познавательной задачи

Хотя указанная *психо-логическая* задача совмещения релятивизма с безусловной уверенностью в истинности своего индивидуального познания, в правильности своей картины Мира решается довольно просто. Здесь нам необходимо вспомнить ранее приведенную формулу современного философского познания: «текст – понимание – новый текст». В качестве цели познания в ней констатируется генерация текста, новой логической системы, теории. Понятно, что при таком подходе философ принципиально не может признать равноценность своей и чужой целей, своего и чужого текстов – они принципиально не могут совпадать. Речь идет не о психологии: проблема никак не связана с негибкостью, нетерпимостью и другими личностными особенностями философа. Проблема в логике, в тексте, в природе теоретического знания. Любая формально-логическая система по своему статусу ограничена, конечна, втиснута в рамки метода, основана на нескольких частных основаниях. Записывая свои мысли, философ просто

обязан ограничивать себя конечным набором терминов и понятий, строго соблюдать исходные посылы. А следовательно, каждый философ, строя теорию на основе принципиально ограниченных средств, выбирая разные ограниченные же методы, исходя из разных оснований, получает различные, не совпадающие, противоречащие друг другу теории.

Итак, видя цель своего познания в построении некой теории, философы сами роют себе траншеи, из которых потом никак не могут выбраться. Траншеи, задающие направление движения, но уж точно закрывающие обзор. Траншеи, защищающие от атак других философов, засевших в таких же траншеях, но нисколько не приближающие к «победе». Само понятие «победа» приобретает только один смысл – засыпать все другие теории-траншеи и оставить свою. Даже если философ миролюбив и с уважением относится к теориям любого направления, в такой познавательной концепции у него нет иного пути, кроме как продолжать копать и копать свою траншею. От забора и до заката. И если в начале пути, при первых «копках» ему могло еще казаться, что смыслом рытья траншеи, построения собственной теории является поиск чего-то, что вот-вот именно его лопата звякнет о нечто драгоценное, то через некоторое время оказывается, что в копании нет никакого другого смысла, кроме выдерживания линии...

Так, стоп – я увлекся. Ведь обещал решение задачки. А оно предельно просто и логично. Стоит только вспомнить о предмете философского познания. Если философ осознает, что предметом познания является его личное философское мышление, ему станет понятно, что его теория не может описывать ничего другого, кроме этого предмета. И что чужие теории описывают другие предметы. Тогда несовпадение теорий станет вполне понятным и естественным. Станет ясно, что копать надо не куда-то вдаль и не куда-то вглубь – надо просто копать. Что смысл копания не в поиске клада-истины, а в выгребании грунта мыслей. Что копание, теоретизирование есть лишь метод, инструмент познания, а не самоцель. Чем дольше и глубже копашь, тем больше отвал. И на него надо периодически взбираться – и будет видно все дальше и дальше. Тогда цели всех философов совпадут, и глупо будет спорить, чья яма глубже, а холмик выданных нагора мыслей выше. Бессмысленно сравнивать, чей инструмент лучше, эффективнее – у каждого свой предмет и совпадающий с ним инструмент.

По сути, речь идет о возвращении формуле познания ее исходного вида: «понимание – текст – новое понимание – текст – новое понимание и т.д. ».

Действительно, если целью и смыслом моего познания является расширение/углубление/возвышение моего понимания, моего мировоззрения, то проблема множественности инструментов этого познания, проблема существования многих несовпадающих теорий просто снимается. Чем боль-

ше разнообразных инструментов я применяю, тем полнее реализуется моя цель – развитие моего понимания.

Назойливый релятивизм

Правда, следует признать, что релятивизм, воспринятый лишь поверхностно, на уровне лозунга «все относительно» зачастую очень сильно досаждают в беседах. Человек, понимающий релятивизм на таком примитивном уровне, при любом обсуждении какой-либо конкретной проблемы стремится через каждое слово ввинтить фразы «а это не всегда так», «а можно посмотреть и с другой стороны». Да, не всегда, да, можно – но не валить же все в одну кучу. Думаю, человек в русскоговорящей компании, постоянно отмечающий, что сказанное можно еще и на китайском выразить, будет не очень интересен собеседникам. Даже если все они знают китайский.

Понимание относительности и конечности любых системных построений не отменяет необходимости соблюдать логику и точность терминологии в пределах теории. Любой *излагаемый подход ограничен рамками подхода и изложения*. Релятивистские заявления уместны либо до рассуждений в рамках конкретного подхода, либо после них, но никак не должны разрушать их логику.

Релятивизм и субъективность

Некоторые видят в релятивизме опасность субъективизации философии, превращения ее в набор частных точек зрения. На мой взгляд, очень странная претензия. А что, спрашивается, запечатлено в философских текстах Платона, Декарта, Канта и других древних и современных мыслителей? Разве не их личные мировоззрения, не их субъективные мнения? Вроде, философы занимаются не социологическими опросами, не общественными экспериментами, а копаются исключительно в своей голове. Или великих философов отличало от остальных знание некоего формального приема, с помощью которого они вытягивали из собственной головы нетленку? Или не из головы, не из своего мышления? Они что, подключались непосредственно к «абсолюту»? Но даже если и так – почему из этого самого «абсолюта» они получали и получают столь разные, взаимоисключающие идеи? Выходит, даже представление о том, что идеи философа не принадлежат ему самому, не снимает проблемы частности, случайности самих идей. Просто каждому от абсолютного, надличностного пирога достается свой маленький кусочек – по мере его таланта (ну и везения).

Философское творчество (как и искусство) принципиально единично, лично, субъективно. Именно творчество. Другое дело – продукт. Он может стать социально значимым. Но эта значимость характеризует в большей

степени не философа, а именно его произведение, его конкретные идеи. Наличие на обложке признанного философского трактата конкретной фамилии отражает лишь факт совпадения частного, субъективного мышления обладателя фамилии с актуальными, социально значимыми идеями.

Итак, релятивизм констатирует необходимость множества идей, лежащих в основание разных философских систем. А значит, и необходимость множества выводов из этих идей. И тут якобы вредный субъективизм, утверждающий частный характер источника идей, должен пониматься как благо, как единственное условие, единственная возможность для нас – простых смертных – ощутить целостность и величие единого пирога, частички которого, отрезанные с разных сторон, доносят до нас гении от философии.

А вообще, по сути, релятивизм в философии – это не идея, не концепция, не теоретический принцип, а эмпирический факт, отражающий одновременное существование различных пересекающихся, взаимоисключающих и дополняющих одна другую философских идей. Длительное непризнание объективности наблюдаемого релятивизма связано, как я уже отмечал, с сугубо психологическими проблемами философов и их почитателей, неспособных представить, что они могут быть неправы, вернее, неспособных признать за противоположной концепцией право быть верной.

Релятивизм и этика

Аналогично и в других социумных сферах релятивизм не отрицает никакие нормы, а утверждает, что таковые возможны только в границах конечных систем. Свобода от религиозной морали по формуле «если нет Бога, то возможно все» вовсе не означает отрицание всякой нравственности. Человек всегда остается в рамках определенных общественных, групповых моральных норм, хотя бы воровских законов или «понятий» братков. В конечном же итоге человек всегда руководствуется в своих поступках личными представлениями о дозволенном и недозволенном – и эти представления порой более строги, чем религиозные. В то же время в истории человечества мы видим множество примеров, когда абсолютизация религиозного (и не только) мировоззрения порождала формулу: «если у тебя другой Бог (другая идеология, другой социальный статус), то я могу с тобой сделать все, что захочу». А это – неприкрытая индальгенция на полный беспредел, освобождающая даже от личных ограничений. Именно такому абсолютизму противопоставляется идеология релятивизма.

Релятивизм – это не отрицание устоев, норм, правил, а именно утверждение. Нормы являются таковыми только в фиксированных рамках определенной системы: конкретной религии, мировоззрения, социального устройства, коллектива. Проблемы возникают не тогда, когда утверждается ограничен-

ность и относительность норм, возможность и необходимость других, а когда абсолютизируется одна из систем правил.

Релятивизм и плюрализм

Абсолютный релятивизм очень далек от плюрализма, от утверждения терпимости к чужим правилам, констатации их равноправности. Можно сказать, что плюрализм – это поверхностный, прагматический релятивизм, жестко обозначающий свои границы, хотя и допускающий другое за ними. Плюрализм – это допущение разнообразия при однозначном фиксировании позиции субъекта («я считаю, что правильно думать так-то и так-то, но уважительно отношусь к мыслям других»).

Новый, уже внедряющийся в нашу жизнь уровень мышления – и философского, и художественного – подразумевает отсутствие у субъекта познания фиксированной точки зрения, его способность занимать различные позиции, продуцировать текст во всевозможных традициях, стилях. Это уже не плюрализм, поскольку не возникает вопроса, как относиться к другим точкам зрения: *чужих* точек зрения просто нет.

Абсолютный релятивизм – это обладание надграничным, безграничным пониманием, легко редуцируемым к нормам, правилам любой системы. Релятивизм – это не отсутствие норм, а способность следовать разным нормам. Это касается и познавательных, и эстетических, и этических систем.

Разновидности релятивизма

Любопытства ради можно выделить несколько типов релятивизма.

Негативный релятивизм – релятивизм софистов, релятивизм, утверждающий неистинность любых суждений на основании всего лишь того, что они высказаны человеком. «Мысль изреченная есть ложь».

Формальный релятивизм выражается стандартными фразами «в этом есть доля истины», «он в чем-то прав» и т.д. Такой релятивизм подразумевает, что существуют некие «правда», «истина», пока еще недоступные нам из-за ограниченности наших познавательных возможностей. Поэтому кто бы что бы ни говорил, ни писал, он лишь частично отражает «истинную суть предмета», выражает лишь долю истины. Такой релятивизм, понимаемый как следствие неполноты знаний, чаще всего свойственен ученым, по мнению которых его можно преодолеть путем построения единственно верной всеохватывающей теории.

Более конструктивен *прагматический релятивизм*, утверждающий равноправие всех философских концепций на основании того, что невозможно провести рациональное сравнение между ними и выбрать «лучшую». Мало того, если у философской концепции есть свои приверженцы (а хотя

бы один уж точно есть – ее автор), значит, она прагматически соответствует каким-то целям, помогает в решении мировоззренческих задач. Понятно, что прагматический релятивизм фактически неустраим: у каждого своя правда, каждый пашет на своем поле. При совместной же деятельности (на общественном поле) прагматический релятивизм уравнивается прагматическим же плюрализмом.

В качестве отдельной разновидности можно выделить *постмодернистский релятивизм*. По сути, декларируемая плюральность, релятивность постмодерна представляет собой вариант негативного релятивизма. Правда, не столь примитивного и плоского, как у софистов. Представители постмодерна отрицают не саму возможность философского познания, а лишь сложившуюся за тысячелетия ее монистическую форму, отрицают возможность и необходимость построения не только единой философской системы, а и вообще каких-либо систем. Философия постмодерна – это философия не грандиозных полотен, а философия лоскутного одеяла или даже разметаемого ветром ковра палых листьев, философия вытравливания догм, философия мелких шажков, разбегающихся глаз, языковых игр и приколов, пинков и щипков. Она негативна и разрушительна. Но в этом-то и позитивна: от отрицания монизма до понимания релятивизма один шаг.

Анархический релятивизм, выражаемый формулой «дозволено все», по сути, представляет собой постмодернистский плюрализм, перенесенный в область эпистемологии. В своем позитивном содержании этот релятивизм есть доведенный до логического предела *прагматический релятивизм* – если что-то существует, значит это кому-нибудь нужно. Такой подход наиболее ярко выразил Фейерабенд в своей концепции *эпистемологического анархизма*, где и была провозглашена процитированная в начале абзаца формула. Анархический релятивизм провозглашает: что бы тебе ни пришло в голову, это имеет право на жизнь, это обязательно чему-то соответствует в Мире.

Абсолютный релятивизм, в идеологии которого я пытаюсь мыслить на этих страницах, можно представить как закономерное развитие фейерабендовского анархизма. Я провозглашаю лозунг «необходимо все» – развитие познания, полнота понимания предмета возможны не просто при утверждении равноправия различных позиций, а исключительно при признании необходимости всех точек зрения, всех уровней рассмотрения предмета, необходимости как грандиозных полотен-систем, так и легких зарисовок-гипотез. Абсолютный релятивизм не отрицает объективности познания, не сетует, что оно неизбежно неполно из-за ограниченности человеческого интеллекта, не утешается прагматичностью фрагментарного знания, а утверждает, что развитие познания как целостного только и возможно на про-

сторах релятивизма. Вся история науки и философии это вечный праздник релятивизма. Осталось только сделать еще один шаг: поселить этот карнавал в собственной голове.

ОБЪЕКТ, СУБЪЕКТ

Начало отсчета

Обозначив в качестве предмета философии индивидуальное мышление философа, я неизбежно пришел к тезису, что центральным положением такой философии является релятивизм – представление об относительности любых философских суждений. Но эта относительность вовсе не утверждает случайность, бессмысленность, неистинность суждений. Эта относительность лишь констатирует, что любые суждения возможны – как обязательные, осмысленные, истинные – только в определенной системе координат, только в фиксированных рамках конкретной логической системы. Релятивизм не исчерпывается фразой «все философские суждения относительны», его сущность выражается тезисом «все суждения возможны лишь относительно фиксированного начала». В качестве такого начала, точки отсчета в философии выступает субъект. Обращаю внимание: речь идет не о начале философии, не об исходном понятии, кладущемся в фундамент философской системы, а просто о начале координат, точке зрения, в качестве которых выступает познающий субъект.

Субъект и объект в философии

Понятия *субъект* и *объект* центральные в философии, и я не вижу никакой необходимости подвергать сомнению их значимость, становиться в позу и пытаться убедить себя и других, что философия возможна без субъекта. Другое дело, что невозможно обсуждать проблему объекта/субъекта, объективности/субъективности *вообще*. Она решается (и по-разному) на разных уровнях философского мышления. Согласитесь, проблема объективности реальности имеет мало общего с проблемой объективности знаний – точно так же раздельно следует рассматривать проблемы субъекта восприятия, субъекта философствования и творческого субъекта. Не говоря уже о том, что проблема субъективного мнения имеет отношение не столько к философии, сколько к психологии, то есть касается критического отношения человека к своим высказываниям – считает ли он их субъективными или присваивает им статус безусловно объективных.

Даже постмодернизм со своей *смертью субъекта*, по сути, не изымает из философии понятия *субъект*, а наделяет его более значимым содержанием по сравнению с классическим его пониманием как активного, мыслящего познавателя. «Умерший» субъект, пропавший субъект постмодерна – это

субъект без атрибутов, субъект, трактуемый как граница. Он не является объектом сам для себя. Что бы мы ни попытались приписать субъекту – все это будут атрибуты внешних для него объектов.

Для того, чтобы по возможности исключить проблемы с пониманием последующего текста, мне необходимо очень точно зафиксировать границы, в которых я использую понятия *субъект* и *объект*. Тем более, что здесь эти термины – чей смысл во многих философских концепциях достаточно расплывчат – тракуются мной совершенно однозначно.

Субъекты и их объектные действительности

Прежде всего, и на это следует обратить особое внимание, термин *субъект* в моих текстах непосредственно не связан с понятиями *человек*, *сознание*, *Я*. Да, каждый человек, как центр своего мира, своей действительности, является субъектом этой действительности – некой выделенной точкой, началом координат, относительно которых и определяется эта действительность. Но человек является центром своей действительности не потому, что он разумен и сознателен, а просто потому, что это *его* действительность – явленная для него и относительно него.

Тут же следует зафиксировать следующий тезис: действительность субъекта состоит из *объектов* – из множества *нечто*, данных субъекту в различение. То есть человеку как субъекту его действительность явлена в виде множества объектов. И наоборот: *объект* – это различаемый субъектом элемент его действительности.

Итак, существуя в своей *действительности*, субъект имеет дело с объектами – дискретными, отделенными друг от друга *нечто*. Понятно, что *объектный* состав действительностей разных субъектов может значительно различаться. Для дальтоника нет такого объекта, как тот или иной цвет – он его не отличает от других цветов. Для многих нет объекта «нота такой-то высоты» – у людей разный порог различения звука. Многие объекты мы различаем с помощью приборов, расширяя свои физиологические возможности. Один субъект может в *нечто* различать его части и тогда для него это *нечто* будет явлено как множество объектов, в то время как для другого субъекта это *нечто* может быть единым объектом. Так, скажем, гурман различает в блюде тончайшие вкусовые нюансы, недоступные восприятию непродвинутого едока. Или, наоборот, один субъект может видеть нечто единое во множестве объектов и таким образом выделять новый объект, а для второго они так и останутся разрозненными, не связанными между собой.

Далее, следуя принципам релятивизма (а точнее, вытекающему из него принципу антиантропоцентризма), необходимо заключить: как у каждого человека есть своя действительность, так и у любого объекта есть своя

мир, свое данное ему в различие множество объектов. Иными словами, каждый объект должен рассматриваться как *субъект* с собственной *объектной* действительностью. Мы можем говорить о субъекте-электроне, чья действительность состоит из других электронов, атомов и т.п., о субъекте-клетке, чье объектное окружение составляют молекулы, другие клетки, организменные системы и т.д.

Это ведь легко представить: оглянитесь вокруг, подумайте о чем-нибудь, дотроньтесь рукой до ближайших предметов – все это ваша действительность, явленная вам в виде множества объектов, то множество нечто, которые вы можете различить, показав на них пальцем, поименовав словом или просто помывлив. Вы – *субъект этой действительности*, а все, на чем вы хоть как-то способны остановить свое внимание – предметы, мысли, звуки, – суть объекты вашей действительности. Ну а теперь вообразите себя, скажем, компьютерной программой – есть у субъекта программы своя действительность? Безусловно. Она состоит из команд, функций, программно различаемых устройств компьютера, из чередования пикселей на экране монитора. А вот винтиков, которыми прикручена материнская плата к корпусу компьютера, в действительности субъекта-программы нет, и значения отображаемых на мониторе символов не являются для нее объектами. Или представьте себя йогином (что, думаю, не проще, чем программой). Так вот, в действительности йогина может не быть многих, столь привычных для нас объектов: ощущений боли, голода, холода. С другой стороны, его действительность населена объектами, принципиально неразличимыми нами: он может ощущать свои внутренние органы и управлять ими, как мы – двигать пальцами, может различать в природе множество объектов, недоступных нашему зрению. Надеюсь, понятно?

Субъект и сознание

В такой обобщенной, но одновременно предельно точной терминологии самое главное изначально не отождествлять, не сближать понятия *субъект* и *сознание*. То есть не представлять, что электрон, живая клетка, компьютерная программа для формирования своей действительности, для различения объектов должны обладать чем-то, что мы традиционно приписываем только человеку: сознанием, мышлением, разумом. Достаточно просто констатировать, что любой субъект обладает некой активностью, обуславливающей его взаимодействие (непосредственное и/или опосредованное) с определенной областью универсума. Массивная незаряженная частица обладает гравитационной действительностью, наполненной притягивающими ее объектами. Действительность электрона разнообразнее – в ней есть такие объекты, как электромагнитное поле, заряды.

Хотя, конечно, упомянутую активность субъекта по выделению своей действительности можно трактовать и как некий тип сознания – примитивного, но сознания. Ну вот так он ее осознает – что-то различает, выбирает альтернативы*. Но повторю: изначально лучше не сближать понятия *субъект* и *сознание*.

Подытожу: в принятой здесь терминологии Мир можно представить как универсум, в котором относительно выделяемых точек отсчета, называемых *субъектами*, фиксируются множества *объектов*, составляющих *действительность* этих субъектов. В такой схеме некорректно говорить о некоей единой для всех и вся действительности или так называемой *объективной реальности*.

Объект и кантовская вещь-в-себе

Может показаться, что последние рассуждения по духу близки кантовской идее о непознаваемости *вещи-в-себе*, однако, это не так. Кант, говоря о вещи (объекте), однозначно признавал ее независимое от субъекта существование. В предлагаемой же схеме объект мыслится только как нечто, выделяемое, фиксируемое субъектом, только как существующее в этой фиксации, и мы просто не имеем права говорить об объекте *самом-по-себе*. В гравитационной действительности массивной частицы бессмысленно искать заряды. Это субъект-электрон с колокольни *своей* действительности может различить, что в мире есть еще нечто положительное и отрицательное. Но то, что различает электрон, смотря со своей точки зрения, это объекты уже другой, *его* действительности. Совпадение координат частиц лишь дает нам повод поразмышлять на предмет наличия корреляции между объектами различных действительностей, но не дает нам права отождествлять эти объекты, говорить о существовании этих объектов «самих по себе», да еще такими, какие они есть *на самом деле*.

Это совсем как в споре о том, каков на самом деле некий конкретный человек. Одни в нем видят подлеца, а другие – чуть ли не святого. Имя одно, тело одно, а вот человек получается разный. И тут бессмысленно искать ответ на вопрос: а каков же он на самом деле? Просто спор идет о разных объектах в разных субъектных действительностях. Беспредельно бессмысленный спор, поскольку в действительностях разных людей наборы таких объектов, как *нравственные категории*, обычно существенно различаются.

* Тезис «выбор альтернативы – это и есть работа сознания» принадлежит российскому физика М.Б. Менскому. Конечно, в нем имеется в виду человеческое сознание, но выдвинут он был применительно к совершенно негуманитарной проблеме – интерпретации парадоксов квантового мира.

И причина именно в этих различиях, то есть в несовпадении обсуждающих субъектов, а не в обсуждаемом человеке. Он не целен, не един даже в собственной действительности, где является субъектом. А представьте, что есть еще собака этого человека со своей действительностью, где он является далеко не последним объектом, но этому объекту-хозяину уж точно невозможно приписать качества «подлец» или «святой» – таковых просто нет в действительности пса.

Следовательно, возвращаясь к кантовской теме, можно сделать вывод: в предложенной терминологии следует говорить не о непознаваемости *объекта-вещи*, а об отсутствии этой *вещи-самой-по-себе*, невозможности рассуждать о том, какая она там *в себе*. Возвращаясь к аналогии с проекциями *нечто* на плоскость чертежа, можно сказать, что объект (вещь) есть именно и только *проекция*, а не то, что проецируется. Если в нашей действительности мы наблюдаем стол, то столом является именно проекция – объект в нашей субъектной действительности, а не *нечто*, которое нам хотелось бы назвать *стол-вне-нашей-плоской-действительности*. То, что отбрасывает тень на нашу плоскость, не может называться столом. Оно никак не может называться, поскольку названия существуют только в наших субъектных плоских мирах. *Нечто*, отображающееся на плоскость моей действительности в виде стола, в другой субъектной действительности может спроецироваться в виде табурета. И мы будем пользоваться этими тенями, задаваться вопросом, а что эти тени есть *в-себе*, не подозревая об их едином и недоступном для нас происхождении.

Итак, объект познаваем, но исключительно как *объект конкретной действительности*, выделенный относительно конкретного субъекта – как объект-проекция, а не как *нечто*, находящееся вне нашей действительности. *Само это выделение и есть акт познания*. Тут уж что дано, то дано. Хочется увидеть другое, познать больше – ну так это в других действительностях.

Познание объекта

Едва мы начинаем анализировать, познавать изначально просто явленный в созерцании объект, он моментально превращается для нас в другой объект, совпадающий с первым лишь по указанию, по референции, но не по сущности, так как никакой такой собственной сущности у объекта нет. Объект есть тот образ, который субъект ухватывает непосредственно. Любое опосредование, любой анализ безусловно меняет субъект, смещает его плоскость проекции, а следовательно меняет образ, то есть объект.

И это не логический выверт – такое понимание заложено в самом понятии *объекта* как нечто данного субъекту в восприятие, на что направлено

внимание субъекта. И любое качество, любую определенность объект получает только в этой связке с субъектом.

С этой стороны движение познания следует рассматривать не как углубление, погружение с головой в вещь-объект, а как изменение субъекта, расширение его действительности. Бессмысленно искать новое в объекте, в этой плоской проекции, если ничего нового не появилось в субъекте, то есть, если не изменилась система отсчета, не сместилась плоскость проекции. Тут уж буквально: изменись, приобрети *заряд* – и ты увидишь больше.

Пустотность объекта и субъекта

Итак, нет объектов вне субъекта, и нет субъекта вне объектов. Мы не можем мыслить *объект* как нечто самостоятельное, нечто фиксированное само по себе, само для себя. Произнося слово *объект*, мы однозначно должны указать, в действительности какого субъекта он различён. Понятно же, что пищеварение в действительности клетки желудка и в действительности йогина – это принципиально разные объекты. В действительности же электрона, входящего в одну из молекул клетки желудка, такого объекта, как пищеварение, принципиально быть не может. Вот бедолага, *чувствует*, что что-то им движет, что он задействован в каком-то процессе, вовлечен в какую-то деятельность, а сформулировать это в терминах зарядов и полей ну никак не может.

Если же термин *объект* используется без указания на определенный субъект, тогда, как правило, речь идет об объектах в типичной действительности среднего субъекта-человека, то есть об объектах, населяющих и мою, и вашу действительности: о грузовиках, словах, мелодиях и т.п. Хотя и тут следует быть осторожным: не всё и не все мы различаем одинаково – даже у людей, десятилетия толкущихся на одной кухне, действительности – объектные наполнения действительностей – могут существенно различаться.

Ясно, что и субъект сам по себе – ничто. У субъекта нет и не может быть никаких атрибутов, характеристик, параметров и т.п. Это легко понять: как только субъект пытается различить в себе *нечто*, это *нечто* тут же приобретает статус объекта в его субъектной действительности. А субъект так и остается пустым ничто. То есть все согласно исходному определению: субъект есть лишь точка отсчета, система координат, относительно которых фиксируется его действительность. По сути, можно сказать: *субъект – это его действительность*. Если мы хотим исчерпывающе определить некий конкретный субъект, мы должны просто перечислить все различаемые им объекты. Это утверждение справедливо и для человека, и для электрона.

Вы, наверное, уже обратили внимание на особенности терминологии, обусловленные моей трактовкой понятий *субъект* и *объект*: для обозначения

ния того, что относится к субъекту и объекту, я использую слова *субъектный* и *объектный*. Таким образом я хочу полностью исключить оценочные ассоциации в духе *субъективно* и *объективно*. Субъектный уровень – это уровень субъектно-объектных отношений, уровень субъектной действительности: действительности гравитационных частиц, живых клеток, компьютерных программ, йогоinov.

Объект и предмет в философии

Несмотря на все уточнения по типу приведенных выше, мне неоднократно приходилось сталкиваться в разговорах с серьезными терминологическими проблемами. Бывали и нелепые казусы, когда человек никак не мог в своей голове разорвать связку однокоренных слов *объект* и *объективно*: мол, объекты – это только то, что вне моей головы, что существует объективно, а следовательно, мысли, образы никак не могут быть объектами. Конечно, возможна и такая терминология, но вряд ли требуется объяснять, что она ортогональна принятой в этом тексте.

Другой вариант терминологических биений заключался в том, что воспитанные в определенной традиции собеседники никак не желали отказаться от усвоенного ими различения понятий *объект* и *предмет*. Те, для кого такой проблемы не существует, могут пропустить нижеследующие рассуждения. Хотя в них есть интересные, на мой взгляд, иллюстрации субъектно-объектного подхода.

*

С точки зрения рутинной научной/философской работы (написания статей, диссертаций) между терминами *объект* и *предмет*, безусловно, есть существенное различие. Традиционно это различие принято фиксировать так: *объект* – это нечто, так или иначе выделенное из действительности, данное нам в восприятие, различаемое от других нечто (других объектов) – ну скажем, шкаф, клоп, диалектика. Под *предметом* в научной/философской практике понимается *объект*, на который нацелен наш познавательный интерес. Может ли *объект-шкаф*, отличающийся от рядом стоящих объектов (таких, как стол, стул и пр.), стать *предметом*? Безусловно: мы можем исследовать диалектику шкафа, а можем – его функциональность, дизайн или же можем просто изучить физическое состояние конкретного шкафа, задавшись вопросом, не пора ли ему на свалку.

Часто в познавательной деятельности *предмет* понимается не просто как *объект*, попавший в фокус исследований, но и как исследуемая часть более крупного объекта – то есть отдельно выделяют (1) объект исследования и (2) предмет исследования: скажем, клоп (1) и его специфический запах (2) или диалектика (1) и противоречия в диалектических текстах (2).

Однако, на мой взгляд, такое различие объекта и предмета, хотя и служит унификации научно-бумажного оборота, не имеет никакой философской содержательной ценности. Любой объект можно представить как сложный (оставим в стороне проблему элементарных частиц), и каждая составляющая часть сложного объекта также будет являться объектом – запах и противоречие такие же объекты, как клоп и диалектика (вне и до познавательного к ним интереса, то есть до того, как мы их объявим *предметом* исследования). С другой стороны, любой объект является частью другого объекта: клоп – часть объекта биоценоз, а диалектика – часть объекта философия. И берясь изучать клопа/диалектику, следует говорить, что они суть предметы анализа, а объектами являются биоценоз/философия.

Иногда, конечно, приходится сталкиваться с парадоксальным различием *объекта* и *предмета*, констатирующим их принципиальную разницу: типа, объект это нечто *объективно* данное, а выделение *предмета* – результат нашего произвольного выбора. То, что выделение предмета исследования (к примеру, темы диссертации) происходит на основании множества случайных и субъективных мотивов, безусловно, верно. Изучать, делать предметом изучения можно все, что угодно. Но опять же любой предмет исследовательского интереса обязательно является *объектом*, как нечто различимым от других объектов, не ставших предметами анализа. Сможет ли кто-нибудь убедить меня в том, что сам клоп объективнее его запаха или что философия в целом объективнее ее части – диалектики? Я думаю, представление о большей объективности объектов по сравнению с предметами основано исключительно на том, что слова *объект* и *объективно* однокоренные. Все сказанное о произвольности выделения *предметов* исследования можно повторить и относительно проблемы фиксации *объектов*.

Существует ли объект *диалектика*? Одни скажут – да, другие – нет. Для последних диалектика это симулякр, то бишь слово есть, а объекта (в их действительности) нет – ну не видят они его. Но и среди тех, кто различает на общем пестром ковре философии такой объект, как *диалектика*, нет единого мнения о его границах. Это же не государственные границы, которые можно зафиксировать международными соглашениями и нанести на карты. Вот и встает вопрос: а возможно ли говорить о существовании объекта самого по себе, вне его выделения субъектом? То есть, переходя на кантовскую терминологию, правомерно ли утверждать, что можно однозначно провести познавательную границу между *объектом-для-нас* и *объектом-самим-по-себе*? Можно ли, утверждая непостигаемость *объекта-в-себе*, тут же констатировать, что наше выделение *объекта* объективно, а не является нашим субъективным произволом.

Тут, конечно, можно долго философствовать, а можно, обратившись к философской эмпирике, просто констатировать: никогда в истории философского познания ни один объект, ни одно философское понятие не были зафиксированы абсолютно однозначно и исчерпывающе. То есть, обобщая многовековой опыт философствования, следует сказать, что, в отличие от точных наук, где все-таки удастся фиксировать объекты/предметы исследования, выделение таковых в философии есть результат личных предпочтений, личного произвола каждого философа.

Действительно, если мы признаем в качестве предмета философии индивидуальное мышление – как можно говорить об однозначности (объективности) выделения нечто в разных головах? Хотя говорить-то можно, говорить можно обо всем, но вот сравнить границы выделения диалектики в моем мышлении и в мышлении другого человека принципиально невозможно. Но будь даже это возможно – как определить, в чей голове границы точнее, вернее? Где тот эталон, с которым нам следует соотносить свое частное видение объекта?

УРОВНЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Тавтологичность выражения «объективная реальность»

Реальность – одно из самых неточных и спорных понятий в философии, обросшее множеством эпитетов, которые делают его просто бессмысленным: объективная реальность, субъективная реальность, неистинная реальность и т.п. Давайте попробуем разобраться.

Если под реальностью понимать Мир как он есть, вне нас, независимо от нас, то словосочетание «объективная реальность» просто тавтология – ведь словом «объективный» мы и так называем именно то, что вне нас, независимо от нас. Если же к реальности отнести только то, что принято называть материальным миром, то есть то, что остается после вычитания из Мира его идеальной составляющей, то объективная реальность уж точно тавтология – материя (в терминологии материализма) объективна по определению. Правда, можно и идеальную часть Мира понимать как реальную. В некоторых философских системах, скажем, у платоников и неоплатоников, мир идей более объективен, чем материя. Но и в этом случае словосочетание «объективная реальность» звучит тавтологично. Констатация объективности идеи совсем не требует дополнительного утверждения ее реальности.

И уж совсем непонятно, что такое субъективная реальность? Нереальная реальность? В общем, полная путаница. Если реальность это весь Мир, то какие могут быть у этой реальности эпитеты (объективная, субъективная)? А если реальность это часть Мира, то что же – другая часть Мира нереальна?

Противоречиво и представление о реальности как о том, что существует независимо от нашего мышления. К примеру, если человек обратил внимание, что некий объект-галлюцинация в его действительности никак от него не зависит – появляется когда угодно и не может быть силой мысли и воли растворен, – то должен ли он сделать заключение, что галлюцинация вполне объективна, реальна? Или если несколько субъектов соглашаются, что нечто появляется и пропадает для всех одновременно (скажем, коллективная галлюцинация) – неужели они вынуждены будут прийти к соглашению, что перед ними нечто реальное?

Итак, если предельно строго разобраться с терминами «объективность» и «реальность», то скорее следует прийти к выводу, что это синонимы. Даже на первую прикидку: реальным мы называем то, что объективно существует, а объективным – то, что существует в реальности. Поэтому, на мой взгляд, лучше пользоваться лишь одним из этих терминов в зависимости от исходных мировоззренческих посылок. Для материалистической точки зрения центральным понятием является материальная реальность, и нет никакой необходимости дополнительно констатировать ее объективность – она является объективной (независимой от субъекта, наблюдателя и пр.) по определению. Для противоположной позиции существенна констатация объективного (в прямом смысле вне субъекта) существования идей, и называть или не называть эту объективную составляющую Мира реальностью – дело вкуса.

Так что, как и большинство проблем, проблема объективности реальности или реальности объективности сугубо терминологическая.

Пустотность реальности

Часто при обсуждении понятия *реальность* задаются вопросом: а возможно ли сформулировать критерий реальности? Вообще-то в такой постановке вопрос имеет вполне конкретный ответ: критерием реальности является введенный, принятый, установленный (индивидуально или коллективно) *критерий* реальности. А таковых может быть неконечное множество. Есть реальность по критерию вещественности – протяженность и массивность; есть реальность по критерию информативности – все, что дает нам о себе знать. Есть своя реальность и у сказок-мифов – они существуют в нашей социумной реальности. Есть своя реальность и у сна. Она не совпадает, скажем, с вещественной (физико-химической) реальностью, но она есть – по крайней мере, она информативна. А между реальностью сна и вещественной реальностью располагаются реальности искусства, религии, науки и т.п.

Может показаться, что в рассуждениях о реальности я ухожу от сути проблемы. Ведь понятно, что, вопрошая о критерии реальности, обычно

хотят узнать: как определить, что есть *на самом деле*, а что нам лишь *кажется*? Но в том-то и проблема: я не только не вижу никакой возможности вообще обсуждать, что такое *на самом деле*, но и не понимаю, зачем и кому это надо. Если у вас есть *дело-деятельность* и в нем *задействованы* некие объекты, то они и есть *на самом деле*, то есть в *самом деле*. Какая-либо гипотеза о существовании некой реальности вне действительности субъекта пуста и непродуктивна.

Можно, конечно, представить, что реальность – это некое вместилище, откуда субъект выделяет, черпает *нечто*, которые называет объектами. То есть попытаться действительность каждого субъекта трактовать как часть реальности: у каждого субъекта свой улов объектов. Однако предположение о наличии такой *додействительной реальности* – всеобщего резервуара, откуда мы черпаем объекты, – не дает нам никакого критерия реальности. Ведь поскольку все дообъектные *нечто* принадлежат одному исходному множеству (реальности), у нас нет возможности различить объекты по степени реальности – все они вышли из одного места. Следовательно, само понятие *реальность* оказывается лишним – все объекты в действительности субъекта одинаково реальны. Более того, по этой же причине, то есть в силу происхождения из единой реальности, все объекты всех субъектов также одинаково реальны. И не может быть никакого критерия различения объектов из разных субъектных действительностей по степени реальности. Остается лишь возможность различать объекты по признакам, данным в самой действительности субъекта: по вещественности, пространственности, мыслимости и т.д. То есть говорить о разных *реальностях* в одной действительности. Но это уж точно не та проблема, не та *реальность*, о которой вопрошалось.

С другой стороны, в рассуждениях о реальности, о всамделишности нас интересуют не абстрактные *нечто*, а конкретные объекты, включенные в нашу деятельность. Но такие объекты – наделенные конкретными атрибутами, различаемыми субъектом, – существуют только в действительности конкретного субъекта. Следовательно, единственным и абсолютным критерием всамделишности объектов может являться только субъект – вне субъекта конкретного частного объекта не существует. Получается, что констатация *реальности* объекта означает всего лишь его принадлежность некой субъектной действительности. То есть понятие *реальность* опять оказывается лишним.

Реальное место реальности

Все мои критические рассуждения о понятии *реальность* касались исключительно реальности, понимаемой как вместилище того, что есть *на*

самом деле. Однако в обыденной жизни, в повседневной речи мы вполне уверенно используем это слово для обозначения того, что *существует одновременно для многих.* Ощущаете разницу в постановке вопроса? Одно дело – существование *само-по-себе*, не для кого, а другое – *для многих.* Поняв эту разницу, легко сформулировать, что же называется *реальностью* в предлагаемой мной трактовке субъектно-объектных отношений. Итак, *реальность – это совпадающие, пересекающиеся части действительностей различных субъектов.* И никаких «на самом деле». Хотя и с указанием на «вне субъекта». Но не вообще вне субъекта, а вне *конкретного единичного* субъекта – для многих. То есть, пока рассуждения ведутся о множестве объектов, различаемых одним субъектом, у нас нет необходимости (да и возможности) говорить о различении объектов по степени реальности и вообще о какой-либо реальности. Ну или мы можем отождествлять термины *действительность* и *реальность.* (Хотя, думаю, это не очень корректно, поскольку реальностью мы все же привыкли считать нечто, не столь однозначно связанное с единичным субъектом). Но как только мы начинаем рассматривать множество субъектов, сравнивать их действительности, у нас появляется возможность вполне рационально ввести понятие *реальности* как множества объектов, о существовании которых субъекты *пришли к соглашению.*

Тут есть тонкий момент. Мы не вправе говорить о совпадении объектов из разных субъектных действительностей – у нас нет никаких средств провести между ними сравнение. Мы можем лишь констатировать консенсус субъектов. Если две клетки одинаково реагируют на некий белок, мы можем говорить, что белок принадлежит к их совместной реальности, то есть существует в субъектных действительностях обеих клеток. Если множество субъектов-людей, показав на замалеванный краской квадрат, произносят слово «черный», мы смело можем утверждать, что сей шедевр существует в реальности (области пересечения действительностей) этих субъектов. Однако, повторяю, из консенсуса субъектов по поводу наличия данного черного шедевра в их действительностях никак не следует вывод, что мы можем говорить о существовании этого объекта *самого-по-себе.* То есть нельзя говорить о реальности как таковой – корректнее реальностью называть часть действительности субъекта, относительно объектов которой у него есть уверенность, что таковые присутствуют и в действительностях других субъектов.

Ну и понятно, что наравне с констатацией существования объектов, представленных практически во всех человеческих действительностях (скажем, относящихся к физическому миру), можно говорить о наличии невсеобщих реальностей. Таковы, к примеру, политические, религиозные, этические, эс-

тетические реальности. К ним относятся объекты, присутствующие в действительностях отдельных групп людей.

И тут речь идет не о принятии или непринятии, согласии или несогласии, то есть не том, что субъект нечто видит, понимает, но отвергает, а просто об отсутствии каких-то объектов в отдельных субъектных действительностях. Скажем, кто-то различает (знает) слово «бог», а объекта-понятия *Бог* в его действительности нет. А те, в чьих действительностях наравне со шкафами или клопами присутствует объект *Бог*, однозначно сходятся во мнении, что *Бог* не менее реален, чем те же шкафы и клопы. Для йогинов же безусловно реальны чакры – для нас это лишь слова, образы, а для них реальные объекты, однозначно обнаруживаемые в действительности каждого йогина. Хотя, повторю, это обнаружение свидетельствует не о существовании *на самом деле*, а только о консенсусе йогинов по поводу наличия объекта «чакры» в их субъектных действительностях.

Уровни реальности

От чего зависит формирование консенсуса между отдельными субъектами о придании некоторым объектам их действительностей статуса реальных? Почему действительности одних субъектов практически совпадают, и они живут в единой для них реальности, а действительности других существенно разнятся? Вот мы и сформулировали, думаю, главный вопрос, ответом на который является эта книга: *почему мы видим одинаково то, чего на самом деле нет, но при этом что-то видим по-разному или вообще не замечаем?*

Это не узко философская проблема по типу всматривания в *вещь-в-себе*. И не вопрос субъективного видения Мира человеком. Ведь понятно, что проблема формулируется не только относительно субъектов-людей, но и относительно субъектов-электронов, живых клеток и т.п. Ведь что такое электромагнитное поле, клеточный метаболизм? Это реальности, области пересечения действительностей определенного типа субъектов. И только сформулировав онтологический смысл выделения отдельных реальностей, мы сможем подойти к решению проблемы их вертикальной взаимообусловленности. То есть ответить на вопрос, как соотносятся жизнь и химизм или разум и мозг. А следовательно, приблизиться к пониманию понятий *жизнь* и *разум*.

Итак, на данном этапе наших рассуждений, исходя из представления о множественности и разнообразности субъектов, следует ввести понятие *уровень субъекта*. То есть следует говорить, что субъекты, обладающие различными действительностями, относятся к различным уровням. Или что *субъекты разных уровней имеют разные действительности*. Надеюсь, эта

мысль уже стала очевидной после примеров с субъектами типа массивной частицы и электрона, клетки и желудка, верующего и неверующего, обычного человека и йогина.

Так мы подошли к необходимости сформулировать еще одну основополагающую идею развиваемой здесь концепции – идею *уровневости*. Представление об уровневости как *действительностей* отдельных субъектов, так и возможных *реальностей* можно считать необходимым моментом гносеологического релятивизма при его отображении на онтологическую плоскость. То есть, последовательно развивая философский релятивизм, мы должны признать отсутствие некоего единого, абсолютного, выделенного субъектного уровня, относительно которого можно фиксировать некую единую реальность. Сколько уровней субъектов – столько и реальностей.

Платонова пещера

Наглядно пояснить идею уровней реальности, уровней субъектов можно развив знаменитый миф о пещере из платоновского диалога «Государство». Напомню: в этой аллегории Платон описал реальность, чувственно явленную обычным людям, как перемещение теней по стене пещеры, как плоскую проекцию, отображение истинного мира, разворачивающегося перед входом в пещеру и недоступного восприятию наблюдателей, сидящих к нему спиной.

В своем мифе Платон однозначно противопоставляет мир идей и его плоскую проекцию, воспринимаемую людьми как чувственная реальность. Но одинаковые ли картинки видят сидящие в пещере? Представим, что они сидят не в ряд: кто-то ближе к стене, кто-то подальше от нее. Да и не в узкой пещере, а, скажем, просто перед бесконечной ровной стеной. Будут ли их теневые реальности совпадать? Понятно, что наблюдатели, уткнувшиеся носом в стену, практически ничего не могут разглядеть – в их действительностях различимы лишь чередующиеся границы света и тени, – они не могут зафиксировать в своем внимании ни одного целостного объекта, кроме собственной тени. Сидящие же чуть подальше, помимо того, что различают на стене отдельные тени от объектов «истинного мира», видят еще тени впереди сидящих людей, ну и собственные тени. То есть их действительности однозначно разделены на две части: тени, проплывающие по стене, и относительно неподвижные тени от людей. Чем дальше от стены сидит человек, тем более крупные объекты-тени он может разглядеть и тем больше людских теней видит перед собой.

Надеюсь, аллегория ясна? Теневая картинка-действительность, явленная субъекту, напрямую зависит от его удаленности от стены, то есть от его

уровня. Одновременно понятно, что у блискоуровневых (рядом сидящих) субъектов действительности практически совпадают. Тогда эти субъекты приходят к соглашению, что они существуют в некой общей для них реальности – приходят к соглашению, что видят одинаковые тени. Субъекты же, расположенные на других расстояниях от стены, живут в других реальностях. И тут понятен принцип: чем дальше от стены субъект, тем больше объектов он различает, и уж точно он различает объекты, доступные всем людям, расположенным ближе к стене. Хотя наверняка не различает тонкие эффекты чередования границ света и тени, доступные «низкоуровневым» субъектам, уткнувшись носом в стену.

Чтобы безусловно следовать принципам релятивизма, надо еще на один шаг отступить от платоновского мифа, а по сути, вообще отказаться от его структуры. Представьте, что люди не сидят, а перемещаются на фиксированных для них расстояниях от стены. Конечно, с соблюдением условия, что смотрят они при этом только строго на стену – на которой и является им их действительность. А самое главное, уберем «истинный мир», разворачивающийся у них за спиной. Оставим только стену, свет и множество разноуровневых субъектов, перемещающихся между светом и стеной.

Предельно познавательная картинка. Человек, перемещаясь вдоль стены, однозначно выделяет движение своей тени и легко соотносит это перемещение с движениями теней близких по уровню к нему субъектов. Все они – блискоуровневые субъекты – однозначно различают в качестве объектов своей реальности и тени людей, расположенных ближе к стене – они называют их «вещами». Движения теней-вещей, отбрасываемых людьми, находящимися в непосредственной близости от стены, практически неразличимы на большом удалении – они выглядят застывшими, неподвижными. А поскольку они всегда в поле зрения и выглядят одинаково, все блискоуровневые субъекты однозначно воспринимают эти тени как неизбежно реальные.

Ну и самое интересное: субъекты выделенного нами уровня могут видеть расплывчатые контуры проплывающих по стене теней, значительно превосходящих по размеру их собственные. О происхождении этих теней наши субъекты могут только гадать, называя их «идеями». Это ведь только нам, со стороны, понятно, что это тени людей, «живущих» за их спинами, на еще большем удалении от стены. И чем дальше от них люди, тем более грандиозны, но и более размыты отбрасываемые ими тени-идеи.

Вот такая релятивистская аллегория. Вот такой мир, населенный субъектами, которые являются объектами друг для друга. Есть в этом мире множество реальностей – совпадающих действительностей близких по уровню субъектов. Но нет единой реальности. Нет никакого «истинного» реального мира у них за спиной, как в аллегории Платона. Нет ничего, что не является

тенью – в реальностях одноуровневых субъектов только маленькие тени-вещи, тени самих субъектов и громадные тени-идеи.

Но это всего лишь аллегория, призванная продемонстрировать уровневое мышление и релятивистское понимание реальности – ни в коем случае не следует придавать ей онтологический статус.

Множественность и относительность реальностей

Вооружившись рассуждениями об уровневости, можно хоть как-то вразумительно прокомментировать центральное положение трансреальных философских концепций о *неистинности, иллюзорности реальности*. Отношение трансреальных мировоззренческих концепций (буддизм, Адвайта Веданта, Каббала, суфизм, отдельные разновидности шаманизма, в частности, учение Дона Хуана, зафиксированное Кастанедой) к реальности можно выразить так: *реальность есть форма явленности Мира множеству одноуровневых субъектов, и она меняется при смещении уровня субъекта*.

То есть идея о неистинности реальности вовсе не предполагает наличия где-то за ней настоящей, истинной реальности, недоступной восприятию простого человека. Реальность по определению не может быть тем, что не дано нам: *за реальностью не кроется никакой более реальной реальности, чем сама реальность, то есть множество объектов, на которые мы согласованно указываем пальцем*.

Итак, неистинность реальности не следует понимать как наличие за внешней обманчивой формой нашей действительности некой другой сущности, истинного содержания (вроде кантовской *вещи-в-себе*). Как бы ни трактовались понятия *содержание* и *сущность*, ими обозначаются лишь отношения элементов действительностей (реальностей) – *содержание* всегда реально. Не может быть не явленной сущности. Просто потому, что сущность объекта не имманентна объекту, определяется не объектом – такового не существует самого по себе, – а исключительно субъектом, в чьей действительности он фиксирован. Выявление же новых сущностей, как я уже отмечал, заключается не в вытягивании из объекта нечто такого, что раньше было невидимо, не в высматривании в проекции линий, которых нет в чертеже. Познание связано с изменением уровня субъекта, а следовательно, и с изменением объектного состава его действительности. При смещении уровня субъекта объекты-проекции просто меняются. Происходит не раскрытие некоего скрытого содержания, не выявление сущности реальности, а переход субъекта в новую действительность (реальность), которая может не иметь ничего общего с прежней.

Представление, что действительность (а соответственно, и реальность) субъекта зависит от его уровня, конфигурируется им самим, не имеет ни-

чего общего с концепцией субъективного идеализма (солипсизма): действительность не есть фантазия субъекта. Действительность так же фиксирует субъекта, как и он ее. Действительность есть форма, в которой Мир предстает перед субъектом. А тот факт, что множество субъектов существуют в одной реальности, наблюдают одну форму, свидетельствует лишь о том, что они имеют в той или иной степени совпадающие *точки зрения*, близкие уровни. За незыблемую реальность принимается все, что вписывается в единую, общую для большинства субъектов (в данном случае речь идет о людях) систему координат, соответствует одной точке зрения. В сферах же, где наблюдается многовариантность взглядов, точек отсчета, Мир не явлен субъектам в единой форме, по сути, расщеплен на множество реальностей. И понятно, что бессмысленно утверждать, что какая-либо из политических, этических, религиозных реальностей более истинна, более реальна, чем другие. Логично сделать заключение об относительности всякой реальности.

Эта относительность фиксируется и при сравнении реальностей разноуровневых субъектов, и при смещении уровня единичного субъекта – он переселяется из одной реальности в другую. Но, как было сказано, не более и не менее реальную – а просто другую. Хотя со смещением уровня субъект начинает различать объекты, не существовавшие в его прежней действительности, но онтологическая природа объектов не меняется – это все те же тени. То есть восхождение по уровням – это не приближение к некоей «реальности», не открытие «истинной сущности» объектов, а просто видение других объектов, более сложной теневой картинки.

Если речь идет о субъекте-человеке, понятно, что повышение его уровня непосредственно связано с обучением: больше знаешь – больше различаешь. Это вполне очевидно на примерах смены социального статуса, политических и даже религиозных взглядов. Хотя можно догадываться, что при определенных усилиях, направленных на смещение точки зрения, можно по-другому взглянуть и на привычную физическую реальность – понять, что и она не более реальна, чем политические, этические, религиозные реальности.

Итак, именно представление об относительности и множественности реальностей позволяет понять смысл трансреальной концепции о неистинности, призрачности реальности. Достаточно только обратить внимание на то, что все трансреальные мировоззрения так или иначе связаны со смещением точки зрения на Мир, изменением уровня его восприятия, чтобы сделать простое заключение: прямое следствие такого смещения – изменение формы явленности Мира субъекту, сопровождающееся пониманием относительности ранее незыблемого представления о реальности.

К ОСНОВНОМУ ВОПРОСУ ФИЛОСОФИИ

Постановка вопроса

Все рассуждения о релятивизме, относительности субъектно-объектных отношений и уровневости реальностей неизбежно упираются в основной вопрос философии – вопрос об *отношении сознания к бытию, духовного к телесному, идеального к материальному*.

Понятно, что я не могу дать на него хоть какой-то завершённый ответ, тем более в самом начале книги. Такой ответ – в виде конечной формулировки – вообще невозможен. Мне остается только надеяться, что вся эта книга, воспринятая как целое, поможет читателям лучше понять смысл главного вопроса философии и укажет на одно из возможных его решений. Однако несколько очень важных замечаний можно и нужно сделать именно на данном этапе рассуждений.

Прежде всего, следует сделать ряд терминологических уточнений, без которых вообще невозможно хоть что-то обсуждать. То есть надо ответить на вопрос: что мы подразумеваем под словами «сознание, духовное, идеальное» и противопоставляемыми им «бытие, телесное, материальное»?

Предлагаю вообще изъять из рассуждений понятие *духовность*, как предельно сложное, покрытое толстым слоем нефилософских смыслов. Ну и, надеюсь, ни у кого не возникнет возражений, если я так же поступлю с понятием *тело*, в большой степени принадлежащим к сфере физиологии.

Бытие и сознание

Особого обсуждения требует пара *сознание/бытие*. Рассуждая об отношении субъекта и объекта, я уже вскользь затрагивал проблему сознания. Тогда я высказал два соображения. Либо сознание является неким атрибутом, свойством, качеством субъекта-человека, то есть субъекта разумного уровня, и стоит в одном ряду с такими свойствами субъектов других уровней, как, скажем, заряд у электрона и жизнь у клетки. Либо сознание *есть отношение любого субъекта к его действительности*. Ну, у электрона электромагнитное сознание, у клетки – жизненное, у человека – разумное. При этом уровень сознания субъекта определяет его действительность. Или, что равнозначно, *действительность дана субъекту как содержание его сознания*.

Наверное, понятно, что первая трактовка сознания, как некоего атрибута субъекта-человека, не может нам помочь в разрешении основного вопроса философии. Ведь для того, чтобы оперировать термином *сознание* в такой трактовке, надо указать его отличие от других атрибутов. Без этого попытка разрешить проблему отношения сознания к бытию будет столь же бессмысленной как, к примеру, поиск ответов на вопросы об отношении жизни к

бытию или химизма к бытию без ясного понимания, что мы подразумеваем под словами *жизнь* и *химизм*. Я не утверждаю, что трактовка сознания как атрибута человека не имеет права на существование – я просто констатирую, что мы не можем использовать ее в рассуждениях за неимением на сегодняшний день сколько-нибудь внятного определения этого атрибута. Можно еще добавить, что приведенные примеры отношения *жизни*, *химизма*, *электромагнетизма* и пр. к *бытию* наглядно демонстрируют бесперспективность поиска в этом направлении. Ответ на вопрошание о подобных отношениях прост и банален: какое дадим определение *сознанию*, *жизни*, *химизму* – таковы и будут их отношения к бытию. Скажем, что жизнь есть белковое существование, так и будет она белковым бытием. Скажем, что сознание – это способность решать задачи, так и будем трактовать отношение сознания к бытию, как форму решения задач. Разрешением основного вопроса философии тут и не пахнет.

Вторая трактовка сознания, как формы явленности субъекту его действительности, также не приближает нас к решению основного вопроса философии. При таком понимании сознания его отношение к бытию есть не что иное, как *отношение субъекта к его действительности*. И ограничим ли мы понятие *субъект* только человеком или признаем уровневость и множественность субъектов и их действительностей – это не меняет сути проблемы: *сознание в любом случае отождествляется с действительностью*. То есть мы не можем сказать, что в действительности есть нечто, чего нет в сознании субъекта, или, наоборот, что сознание обладает еще чем-то, что не явлено ему в его действительности.

Чтобы окончательно поставить крест на паре *сознание* (во второй трактовке) и *бытие*, надо показать, что мы правомерно отождествили понятия *бытие* и *действительность*. Зададимся вопросом: возможно ли под бытием подразумевать нечто большее, чем действительность субъекта? Положительный ответ возможен только при трактовке бытия как совокупности действительностей всех субъектов. Но, во-первых, мы принципиально не можем ничего сказать об этой совокупности, поскольку не вправе сопоставлять объекты различных действительностей. Если мы допускаем такую операцию, то автоматически констатируем существование некоего субъекта (себя ли? Бога ли?) с такой вот объединенной действительностью. То есть, как ни крути, любое бытие (самого максимального наполнения) всегда окажется действительностью некоего субъекта. Во-вторых, что непосредственно стыкуется с «во-первых», фиксируя сознание, чье отношение с бытием необходимо выяснить для решения основного вопроса философии, мы всегда имеем дело с единичным сознанием, а значит, с единичным субъектом и с его конкретной действительностью. Следовательно, при любых раскла-

дах, при любых постановках проблемы (в рамках предложенной логики) вопрошание об отношении *сознания* и *бытия* сводится к поиску ответа об отношении *субъекта* и его *действительности*, которое редуцируется к отношению *субъекта* и *объекта*. Что, согласитесь, уводит нас в сторону от решения основного вопроса философии.

Идеальное и материальное

Итак, из нескольких заявленных вариантов формулировки основного вопроса философии в нашем распоряжении остался один, самый традиционный: как же соотносятся *идеальное* и *материальное*? В терминах материализма вопрос звучит так: *как материальное порождает идеальное*? А с противоположной позиции: *зачем идеальному понадобилось материальное*?

До сих пор ответ на вопрос соотношения *идеального* и *материального* искался в плоскости банальной проблемы начала онтологии, то есть сводился к противопоставлению двух вариантов начала описания Мира. Начиная с того, что *видим*, значит, постулируем *материальность*, которую и определяем, как то, что видим, ощущаем и т.д. Начиная с того, что *думаем* – принимаем в качестве аксиомы *идею* и ищем ее воплощение во всем, что видим.

Взобравшись на колокольню абсолютного релятивизма, я не вижу существенной разницы между двумя этими онтологиями. Они совершенно идентичны по своим схемам: постулируется некий абсолют, и все проявленное объявляется его модусами. Один вариант онтологии открывает нам Мир с одной стороны, другой – с противоположной. Поэтому на уровне противопоставления материализма и идеализма основной вопрос философии вообще не имеет смысла. Он сводится к проблеме принятия одной из позиций. Или можно сказать так: и в материализме, и в идеализме это не вопрос, а постулат. И обсуждать здесь нечего.

Однако я не стану останавливаться на банальной констатации, что проблемы нет и не было, а все же попробую показать, как основной вопрос философии, в варианте отношения материального и идеального, можно переформулировать в понятиях уровневого релятивизма.

Традиционно попытку ответа на любой вопрос следует начинать с разгребания терминологии. Итак, что мы подразумеваем под словом *идеальное*? И что такое *материя*? Понятно, что в рамках развиваемой концепции, в идеологии абсолютного релятивизма речь не может идти о постулировании какого-либо первоначала, какой-либо основополагающей субстанции. Задача должна ставиться так: нам необходимо каким-то образом встроить *идеальное* и *материальное* в обыденную действительность обычного субъекта,

то есть туда, где мы можем оперировать данными понятиями. Естественно, подразумевая под субъектом не только человека, но и весь наш уровневый список, начиная с массивной частицы до йогина и дальше. Фактически вопрос звучит просто: *можем ли мы разделить объекты некоторой действительности на материальные и идеальные?* Для субъекта-человека, вроде, все очевидно и в полном соответствии с традиционными представлениями: все объекты, которые я могу потрогать, понюхать, покусать и т.п. – *материальны*; а все, что не могу осязать, обонять, ощутить на вкус, увидеть и услышать, но точно знаю, что оно существует и влияет на меня, присутствует в моей действительности – *идеально*.

Эта формулировка хороша тем, что в ней не понадобилось ссылаться на такие понятия, как разум или сознание. Поэтому она безоговорочно годится для разделения действительности любого субъекта на *материальную* и *идеальную* части. После стольких рассуждений о действительности клетки желудка, наверное, ни у кого уже не возникнет возражений по поводу следующих тезисов. *Материальную* часть действительности клетки составляют химические молекулы, их взаимодействия, соседние по желудку клетки и клетки других органов, с которыми происходит молекулярный обмен. В полном соответствии с человеческими «потрогать, понюхать, покусать». Само пищеварение, другие организменные системы, общий метаболизм организма для субъекта «клетка желудка» являются идеальными объектами (принципиально не могу показать пальцем, но точно знаю, что оно существует и влияет на меня). Для электрона *материальны* его электромагнитные взаимодействия, но химические процессы, в которых он однозначно задействован, которые присутствуют в его действительности, для него *идеальны*.

Для того, чтобы вполне убедиться в правомерности таких экстраполяций *идеального* и *материального* на все субъектные уровни, задайтесь вопросом, чем для нас являются, к примеру, экономика, культура – не их отдельные элементы, а они как целые. Скажем, место, где располагается наше пищеварение, мы можем точно показать пальцем – вот тут. А где культура? В какой стороне от нас экономика? Так... везде, вокруг. Резонно сказать: экономика – это идея, а не предмет. Так вот, для клетки желудка объект *пищеварение* точно такая же идея, обладающая таким же онтологическим статусом, как экономика для нас – где она непонятно, но в нашей действительности явно присутствует и безусловно влияет на нее.

Итак, получается, что проблема соотношения *идеального* и *материального* в первом приближении – это простая проблема разделения действительности субъекта (любого субъекта) на материальную и идеальную части, на материальные и идеальные объекты.

Ноумены и феномены

Но вернемся к терминологии. Слова *идеальное* и *материальное* мне не нравятся – они нагружены устоявшимися и одновременно противоречивыми смыслами, а самое главное, традиционно привязывают нас к определенному уровню – уровню субъекта-человека. Разделение на *идеальное* и *материальное* для большинства связано исключительно с противопоставлением мыслимого, воображаемого, с одной стороны, и чувственно воспринимаемого человеком, именно человеком – с другой. Поэтому далее для обозначения идеальных объектов я использую термин *ноумен**, а материальные объекты называю *феноменами*. То есть говорю так: все объекты действительности любого субъекта можно разделить на феномены и ноумены или действительность субъекта разделяется на две части – *феноменальную действительность* и *ноуменальную действительность*. Химические реакции для субъекта-электрона, как и пищеварение для клетки желудка, как и культура для человека – ноуменальны. А другие заряженные частицы для электрона, молекулы для клетки, книги (странички в переплете) для человека являются феноменами. Главный отличительный признак феноменов это их пространственная явленность – они в действительности субъекта различаются по положению (на них можно показать пальцем).

Относительность ноуменального и феноменального

Итак, в моей релятивистской переформулировке основной вопрос философии (как и следовало ожидать) утратил статус основополагающего принципа, призванного однозначно разделить философии на правильные и неправильные. Он свелся к конкретной проблеме, решение которой не зависит от того, с какой стороны мы к ней подойдем: с материалистической или идеалистической позиции. В новой трактовке основной вопрос философии звучит просто: *почему действительность каждого субъекта разделена на две части – феноменальную и ноуменальную – и каковы отношения между ноуменами и феноменами?* Ответом на этот вопрос, по сути, служит весь последующий текст.

Здесь, в вводной философской части, я могу отметить одно прямое следствие, вытекающее из совмещения принципа уровневости субъектов с тезисом о разделении действительности субъекта на ноуменальную и феноменальную части. Этот вывод, уже давно напрашивающийся и само собой разумеющийся в рамках релятивистской концепции, звучит так: *феноменальное и ноуменальное относительно*. Конечно, некорректно говорить,

* Понятие *ноумен* я использую не в кантовском смысле, то есть не как *вещь-в-себе*, а исключительно в его исходном значении: как нечто умопостигаемое.

что некий объект для одного субъекта является ноуменом, а для другого феноменом – к примеру, пищеварение для клетки желудка ноуменально, а для человека феноменально. Понятно, что пищеварение как объект в клеточной действительности некорректно напрямую сопоставлять с объектом «пищеварение» в человеческой действительности. Точнее, этот принцип относительности следует формулировать как *отрицание однозначного деления мира на феноменальную (материальную) и ноуменальную (идеальную) части* – такое разделение наличествует в действительности каждого субъекта. И естественен вывод, что при смещении уровня субъекта (скажем, в ходе обучения человека) изменяется содержание его феноменальной и ноуменальной действительностей.

Развивая платоновский миф о пещере, я уже держал в голове необходимость продемонстрировать с его помощью *принцип относительности ноуменального и феноменального*. В итоге, мне кажется, все получилось очень наглядно: для выделенного субъектного уровня, то есть для людей, находящихся на определенном расстоянии от стены, все, что располагается между ними и стеной, есть их феноменальная действительность. Вернее, все тени отбрасываемые и их телами, и телами тех, кто ближе к стене – это феномены. А вот тени тех, кто двигается позади них, кто ближе к источнику света, воспринимаются как ноумены. Люди элементарно не могут понять их происхождение, хотя и догадываются, что они существенно влияют на весь этот театр теней.

Основные выводы и постановка проблемы

Основной целью этого философского введения было плавно подвести читателя к пониманию новой, не вполне тривиальной концепции, разворачиваемой далее в книге. Я хотел еще на общефилософских подступах выбить почву из-под ног любого абсолютизма, кроме релятивного. *Всякое начало относительно, условно, ограничено* – вот основной лозунг релятивизма. Лишь относительность, условность, уравнивость абсолютны. Мне хотелось продемонстрировать, что, казалось бы, всеразрушающий релятивизм и есть то основание, на котором можно продолжить строительство философии. Основание, с одной стороны, уравнивающее статус всех гносеологических точек зрения, всех методологических подходов, делающее их равнозначимыми системами координат в пространстве познания, а с другой стороны – позволяющее строить единую онтологию, в которую все подходы встраиваются как вариации всевозможных начал.

Релятивизм есть развитый до своего логического предела критический метод в философии. Критицизм, доведенный до автокритицизма. Такое понимание философствования позволяет нам вернуться к исходной цели поз-

нения, трактуемой как *рост индивидуального понимания Мира*. Позволяет нам указать *тексту* его место в познавательной деятельности, лишить его права на декларацию *истины* и объявить лишь промежуточным результатом мышления, инструментом.

Строгое различие с позиции релятивизма таких понятий, как *субъект, объект, действительность, реальность* подвело нас к пониманию их относительности, уровневости. Что позволило по-новому сформулировать основной вопрос философии, задать его не в терминах абсолютного противопоставления философско-мировоззренческих систем, а на вполне понятном языке сопоставления ноуменальной и феноменальной действительностей субъектов.

Различение множества субъектов, констатация наличия субъектных уровней подвели нас к постановке главной проблемы книги: *выяснение онтологического основания такого различения*. В нерелятивистской философии этой проблемы не существовало – разделение мира на идеальную и материальную части было абсолютным, граница между этими частями проходила через человека, через его мышление. Субъект был единственен и неподвижен. После же утверждения множественности и относительности субъектных действительностей перед нами встал вопрос: что же меняется в субъекте со смещением его уровня? Ответ на этот вопрос одновременно станет и решением проблемы различения ноуменов и феноменов – не эмпирического различения вроде указания пальцем, а теоретического, философско-онтологического. По сути, нам необходимо найти некий скрытый параметр объектов или добавить им дополнительное измерение, что позволило бы расставить их по полочкам уровней.

Из названия книги ясно, что этот параметр, это новое измерение я обозначил словом «темпоральность».

ЧАСТЬ II

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

Шиллер: Это не опыт, это идея.

Гете: Мне может быть только приятно, что я имею идеи ... и даже вижу их глазами.

Из беседы двух гениев

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Размеры во времени

В двух словах, темпоральность – это *протяженность объектов во времени*. Звучит несколько непривычно – принято говорить о пространственной протяженности, геометрических размерах предметов, а тут «размеры во времени». Хотя почему бы и нет? Стоит только спросить себя, почему, собственно, мы должны ассоциировать объекты лишь с их пространственно-видимой частью, почему они обязательно плоские во времени, а не обладают некоторой толщиной и в четвертом измерении? Эти вопросы не кажутся столь риторическими, если отнести их не к объектам, представленным в пространстве, не к вещам, а, скажем, к идеям, понятиям. Ведь, действительно, у идеи нет длины, площади, объема, но если она не является бессодержательной точкой, то где-то ведь должна размещаться. И если не в пространстве, то, может быть, во времени? Однако это лишь общие рассуждения, фантазии; попробуем разобраться в этом вопросе более строго.

Хрональность и темпоральность

В русском языке есть два заимствованных корня, обозначающих время: греческий «хрон» (хронология, хронометрия) и латинский «темп» (темперология, темперированный). Я предлагаю принципиально различить слова «хрональный» и «темпоральный» – ну, если уж есть два слова, так пусть и смыслы у них различаются. О *хрональном* распределении событий я буду говорить при необходимости указать на их привязку к шкале времени, на их последовательность: раньше, позже, через столько-то секунд, спустя несколько лет и т.п.

Словом «темпоральность» далее по тексту будет обозначаться протяженность, размер объектов во времени. Объяснению, что это такое и для чего это нужно, и посвящена данная глава книги. Пока же, на пальцах, разницу между хрональностью и темпоральностью можно продемонстрировать, проведя аналогию между временным и пространственным описаниями: разли-

Знаешь ли ты, что в этот самый момент ты окружён вечностью? И знаешь ли ты, что можешь использовать эту вечность, если пожелаешь? Знаешь ли ты, что ты можешь растянуть себя в любом из направлений? Знаешь ли ты, что один момент можно превратить в вечность? Это – не загадка, это – факт. Но только – если ты оседлаешь этот момент и используешь для того, чтобы ухватиться за целостность самого себя навсегда и во всех направлениях.

Будущего нет. Будущее – это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас.

У тебя нет времени, и в то же время ты окружён вечностью. Вот это парадокс для твоего разума!

Карлос Кастанеда. «Беседы о силе»

чение на хрональное и темпоральное во времени соответствует различению координат объектов (расстояний между ними) и их размеров в пространстве (габаритов). Скажем, для описания колонны грузовиков, стоящих на обочине, надо не только указать относительное положение машин, расстояния между ними, но и длину каждого грузовика. Так вот, говоря о темпоральности, я подразумеваю, что объекты, наблюдаемые нами в действительности, да и мы сами как наблюдающие, познающие субъекты имеем во времени не только хрональную координату, скажем, количество секунд с момента рождения, но и некоторую протяженность, габариты во времени.

Самое важное – изначально понять, что наша темпоральность, наша протяженность во времени это не промежуток времени между двумя событиями, скажем, рождением и смертью человека – темпоральность характеризует наш размер во времени именно здесь и сейчас, совершенно независимо от хронального времени нашего существования. Как, скажем, длина грузовика не зависит от пройденного им пути. Мысленно зафиксируйте на оси времени точку *сейчас* и на некотором расстоянии от нее вправо (в будущее) и влево (в прошлое) поставьте две засечки – получившийся отрезок с центром в *сейчас* и есть темпоральная протяженность объекта. Вот такими темпорально-длинными мы и другие объекты перемещаемся вдоль оси времени. (Хотя обращаю ваше внимание на то, что это не точный образ, а лишь начальное представление, которое еще не раз будет детализироваться и пересматриваться.)

Итак, мы терминологически зафиксировали различные моменты понимания времени: как последовательности и как протяженности. Последовательность во времени, которая характеризуется понятиями «раньше/позже», будем

называть хрональной; продолжительность во времени некоего состояния, время жизни какого-либо объекта – хрональной длительностью. А для обозначения «объема» объекта во времени будем использовать термин «темпоральная протяженность». Соответственно, все явления, относящиеся к продолжительности и последовательности во времени, будут называться хрональными, а относящиеся к выделению объекта из универсума – темпоральными.

Темпоральность и характерное время процесса

Итак, темпоральность, или темпоральная протяженность (габариты во времени) объекта – это, по сути, такая же его характеристика, как и размеры в пространстве. Наиболее общо темпоральность можно осмыслить, обратив внимание на интервал времени, на котором может быть установлена исчерпывающая специфичность объекта (процесса, организма, действия). Наиболее близкое по смыслу к темпоральности понятие из традиционного научного лексикона это характерное время процесса. Наглядно продемонстрировать, что такое характерное время, можно на примере гармонических колебаний – для них оно равно половине периода. Это минимальный промежуток времени, на котором полностью определяются параметры колебаний. То есть для того, чтобы понять, что мы имеем дело с колебанием такой-то частоты, нам необходимо проследить его на протяжении времени полуколебания. На более коротком промежутке возникает некоторая неопределенность, а в моментальном временном срезе такой объект, как колебание, вообще отсутствует. По мгновенному фотоснимку маятника мы не можем не только определить частоту и период его колебаний, но и понять, колеблется ли он или просто закреплен в сдвинутом положении.

Еще раз уточню на примере раскачивающегося маятника, что его темпоральность соотносима не с общим временем раскачивания (хрональным), а с минимальным промежутком времени, на котором мы сможем исчерпывающе описать его характеристики, то есть с половиной длительности колебания (характерным временем процесса). Также следует отметить, что темпоральность маятника постоянна, не зависит от времени (хронального), прошедшего с момента запуска. Возвращаясь к образу непрерывного движения объекта по оси времени – объект-маятник на ней следует представлять именно как отрезок длиной равной периоду его полуколебания. В единомоментном срезе нет объекта «раскачивающийся маятник», есть просто маятник – груз на подвесе, а раскачивающегося – нет.

Пространственные объекты

Темпоральный анализ объекта противопоставляется пространственно-структурному анализу. Для нас привычно иметь дело с объектами, чья

Так, для достижения более ясного понимания растительной жизни, Гете визуализировал перед сном весь цикл развития растения, проходя последовательно различные его фазы от семени до семени. Посредством таких методов он в конце концов обрел видение того, как в самых простых и примелькавшихся объектах действуют огромные силы природы. Взяв в руки какой-нибудь предмет и сосредоточившись на нем, следует представлять, что в это время через ваш ум проходит вся его естественная история. Посредством практики вы сможете достичь уровня восприятия, лежащего выше ваших субъективных впечатлений; вы начнете визуализировать внутреннюю деятельность Идей, проявляющихся затем во внешней природе.

Дж. Мишлав. «Корни сознания»

специфика определяется исключительно пространственной структурой, полностью представленной в единомоментном срезе. Примером сугубо пространственных объектов являются кристалл или тот же грузовик, все свойства которых задаются положением составляющих их элементов – атомов, деталей. Полное описание кристалла и грузовика можно сделать по моментальным снимкам или чертежам. В этом случае темпоральность кристалла и грузовика следует принять за нулевую (если пренебречь темпоральностью составляющих их атомов). Понятно, что на временной оси сугубо пространственные объекты (не темпоральные) надо изображать точкой.

Темпоральные объекты

В противоположность сугубо пространственным объектам (кристаллам и грузовикам) существуют исключительно темпоральные объекты – не обладающие никакой пространственной структурой. Такова, скажем, одноголосая музыкальная мелодия. Как целостный объект, мелодия может быть определена, фиксирована, отличена от других мелодий лишь на отрезке времени ее звучания (без повторов), который и задает ее темпоральную протяженность. Понятно, что в моментальном срезе нет не то что мелодии, а даже единичной ноты – последняя, как гармоническое колебание, фиксируется лишь на промежутке времени не меньшем половины периода ее колебаний. Слушая мелодию, мы воспринимаем ее не как моментальную данность и даже не как последовательность в *сейчас* звучащих нот, а как некую протяженную цельность, которая еще не потеряла свое прошлое и уже имеет будущее. Мелодия проходит сквозь нас, сквозь наше *сейчас* как темпоральный,

имеющий протяженность во времени, распределенный во времени объект. Так – если следовать пространственной аналогии – протяженный в пространстве грузовик, проносящийся мимо, в какой-то момент уже частично впереди, а частично позади нас.

Темпорально-пространственные объекты

В отличие от кристалла и мелодии, представляющих собой образцы чистого пространственного и чистого темпорального объектов, другие объекты определены как пространственно, так и темпорально. К примеру, биологическая клетка в любой момент времени имеет достаточно однозначную пространственную структуру: определенные геометрические размеры, положение всех составляющих ее молекул. Однако, в отличие от кристалла или грузовика, специфика которых полностью исчерпывается описанием их пространственной структуры, клетка имеет ряд характеристик, определяющих ее как живую, которые принципиально не наблюдаемы в единомоментном срезе. Клетка может быть адекватно описана только при анализе ее структуры на промежутке времени не меньшем, чем период между делениями. Ведь действительно, по моментальному снимку клетки, как ни изучай взаимное положение молекул, принципиально невозможно разглядеть такую ее сугубо биологическую особенность, как способность к делению. Именно это и позволяет нам говорить, что, помимо пространственных размеров, *клетка, как и мелодия, обладает ненулевой темпоральностью, протяженностью, распределенностью во времени.*

Объектность кристалла и мелодии

При объяснении разницы между темпоральными и пространственными объектами часто возникает сложность, связанная с непризнанием одинакового онтологического статуса мелодии и кристалла: кристалл безоговорочно признается объективным, а вот мелодию пытаются представить как нечто субъективное, существующее только в нашем восприятии – в общем, объект, да не тот.

Безусловно, между объектом «мелодия» и объектом «кристалл» имеется существенная разница, но никак не на уровне объективности/необъективности. Оба объекта составляют некую целостность, позволяющую однозначно выделять их из множества подобных объектов – отличить один кристалл от других кристаллов, одну мелодию от других мелодий. Мелодия, как и кристалл, есть сложный объект с жестко фиксированной структурой – конкретным набором элементов и строго заданной их распределенностью. Структуру как кристалла, так и мелодии можно описать и однозначно воспроизвести столько раз, сколько потребуется, без потери содержания.

Самое главное тут – обратить внимание на то, что, пока не прозвучат слова «время» и «пространство», мы не можем указать принципиальные различия между кристаллом и мелодией: перед нами сложные объекты, представляющие собой однозначно фиксируемые и воспроизводимые структуры элементов. И только при описании этих объектов в терминах пространства и времени мы вынуждены отметить принципиальную разницу между ними: элементы и структура мелодии распределены во времени, а элементы и структура кристалла – в пространстве. Понятно, что выявление этого существенного различия требует от нас досконального изучения столь явного, но еще не исследованного феномена, как темпоральная структура объекта.

Возражая против правомерности и необходимости различения темпоральных и пространственных объектов, часто указывают на то, что темпоральность есть лишь изменение во времени или становление, возникновение традиционных пространственных структур. В первом случае разница между объектами описывается так: кристалл обладает стационарной, стабильной, неизменной во времени структурой, а мелодия – объект нестационарный, меняющийся со временем. Это возражение следовало бы признать убедительным, если бы мы могли описать мелодию как изменение некоего пространственного объекта, пространственной структуры. Повторю еще раз: ни до начала звучания мелодии, ни на момент начала звучания, ни в какой-либо другой момент времени нет ничего такого, что мы могли бы зафиксировать как мелодию – в моменте времени мелодии не существует.

Следуя же логике становления, возникновения, необходимо предположить, что, если на момент начала звучания у мелодии нет никакой структуры, то по мере проигрывания структурность должна расти и достигнуть своего максимума с последней нотой. Во-первых, даже если это так, все равно остаются без ответа вопросы: а что это за сложность? в виде чего она нам представлена? Ведь ясно, что по завершении звучания мелодии мы не получим новую, отсутствовавшую на момент начала проигрывания, пространственную структуру. Во-вторых, анализируя любыми доступными нам средствами объект «мелодия» в любой момент звучания, мы не сможем понять, звучит первая или последняя нота.

Надеюсь, понятно, что все сказанное выше об объективной структуре мелодии никак не отменяется утверждением, что у мелодии есть еще и эстетическая, художественная ценность. В этой сфере и о красоте кристалла не у всех однозначное мнение – кто-то любит рубины, а кто-то сапфиры. То есть эстетическая нагруженность объектов – пространственных или темпоральных – не имеет никакого отношения к специфике их структурного устройства.

Темпоральность и хрональность

Теперь сделаем существенное уточнение в определении понятия «темпоральность». Чтобы принципиально не путать темпоральность (временную «наполненность», временную насыщенность объекта) с хрональностью (длительностью его существования), из понятия «темпоральность» следует полностью исключить какой-либо намек на измеряемость в единицах времени. То есть в темпоральном описании объекта нас должно интересовать не количество секунд или минут, а событийная насыщенность, сложность. Поэтому точнее темпоральность следует определить не как протяженность во времени (как это делалось в вводных рассуждениях), а как временную структурность, сложность, как некоторое содержание объекта, выходящее за пределы мгновенного среза, простертое в будущее и в прошлое.

Это уточнение делается по вполне понятным причинам: без него получалось бы, что колебание с большой длиной волны, то есть длящееся хронально дольше, обладало бы большей темпоральностью, чем «быстрое» колебание; или более темпоральной оказалась бы заунывно напетая мелодия, чем та же мелодия, но исполненная в быстром темпе. Представляется очевидным, что любые гармонические колебания имеют одинаковую темпоральность, а темпоральность мелодии не зависит от скорости исполнения. Применительно к пространственным объектам это означает, что их структурная сложность (к примеру, кристаллов) не зависит от их геометрических размеров – октаэдр останется октаэдром при любом масштабировании.

Тут следует сделать замечание по поводу использования термина «сложность». Его появление в тексте часто вызывает кучу вопросов, а то и протестов: мол, сложность вещь неопределимая, относительная, субъективная и т.п., и т.д. Да, действительно, не существует одного на все случаи определения сложности и уж точно стандарта ее измерения. Но нам на нашем уровне рассуждений этого и не требуется. Здесь и далее по тексту под сложностью я буду понимать структурное разнообразие. Такого определения достаточно, чтобы однозначно утверждать, что каприс Паганини сложнее – структурно разнообразнее, имеет большее количество элементов и связей, – чем «чижик-пыжик», что молекула бензола сложнее молекулы воды, а нервная система человека сложнее нервной системы лягушки. Из приведенных примеров видно, что данное определение вполне согласуется с нашим здравомысленным пониманием сложности, и, самое главное, не ограничивает ее понимание только пространственной сложностью. Наравне с пространственной сложностью нервных систем лягушки и человека мы можем обсуждать явно темпоральную сложность их поведения – насколько разнообразны их реакции и действия.

Темпоральность и хрональные границы

Исходя из этих соображений, темпоральность следует определить как распределенную во времени сложность, структурность объекта, не отображенную, не регистрируемую в единомоментном срезе, без какого-либо указания на хрональную протяженность этой темпоральной структурности. Тогда каприз Паганини будет однозначно обладать большей темпоральностью, темпоральной сложностью, чем медленно-медленно исполняемый «чижик-пыжик». Также можно условиться, что нота (гармоническое колебание) обладает единичной темпоральной сложностью или единичной темпоральностью, а темпоральность мелодии пропорциональна количеству использованных нот. И понятно, что темпоральность кристалла, сложность которого полностью умещается в моментальном срезе, равна нулю.

Для лучшего понимания независимости темпоральности, темпоральной сложности от хрональных габаритов объекта можно привести еще и такой пример: имеется компьютерная программа, объект с явно выраженной распределенной во времени, темпоральной сложностью – спрашивается, каковы ее временные (хрональные) границы? Понятно, что все зависит от производительности компьютера: может, и час, а может, и доли секунды. То есть хрональные границы темпорального объекта зависят от конкретной реализации.

Такое понимание соотношения темпоральности и хрональности позволит нам в дальнейшем рассуждать, скажем, о таком явлении как «втискивание» некоторой темпоральности, темпоральной сложности в определенный хрональный «объем» (промежуток времени) – по аналогии со все более тугой упаковкой структурной сложности в кристалл микросхемы. Но об этом позже.

Темпоральная структурность

Подведем промежуточный итог: исходя из самых общих соображений на основе простых примеров (кристалл, клетка, мелодия), я попытался показать,

В самом деле, чем больше расширяется наше знание естественной истории мира, тем больше мы обнаруживаем, что распределение предметов и форм в какой-либо данный момент определяется процессом, длительность которого во времени находится в прямой зависимости от пространственного (или морфологического) рассеяния рассматриваемых явлений. Всякое пространственное расстояние, всякое морфологическое расхождение предполагает и выражает длительность.

Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека»

что окружающие нас объекты могут и должны быть описаны не только как протяженные в пространстве, но и как протяженные во времени, имеющие и пространственные, и временные объем, структуру, сложность, то есть как пространственно-темпоральные объекты. Как пространственные, они в каждый момент времени имеют определенные геометрические размеры и структуру – фиксированное пространственное распределение частей. Как темпоральные, они представлены последовательностью событий, которые подобно частям пространственного объекта могут пониматься как элементы, образующие его распределенную во времени, темпоральную структуру.

Читателям, еще не уловившим в полной мере смысл темпорального подхода, предлагаю задаться вопросом: одинакова ли структурная сложность кристалла и мелодии? Никто не станет отрицать, что мелодии, как и пространственные объекты (те же кристаллы), различаются по сложности (количеству элементов и связей между ними). Условно сложность мелодии, как и сложность кристалла, определяется количеством связанных элементов. Но тождественны ли эти сложности онтологически или, скажем, в восприятии? Безусловно, нет. Если сложность кристалла описывается через распределение его элементов в пространстве и схватывается в момент времени, то как описать сложность мелодии? Где распределены элементы мелодии? Ответ вполне очевиден: во времени.

Или, например, рассмотрите сложность такого объекта, как вы сами, то есть сложность человека. Мы представляем, что у человека есть некоторая сложность, некоторое собственное разнообразие, отличающее его, скажем, от камня. А теперь останавливаем время, таким образом фиксируя простран-

Суть изменения, внесенного в наш опыт появлением того, что мы вскоре назовем пространством-временем, состоит в следующем: все то, что в наших космологических построениях мы до сих пор рассматривали и трактовали как точку, становится мгновенным сечением безграничных временных волокон. Перед нашим раскрывшимся взором каждый элемент вещей отныне простирается назад (и стремится продолжаться вперед) до исчезновения из виду. Так что вся пространственная необъятность – это лишь поперечный слой с временем t ствола, корни которого уходят в бездну прошлого, а ветви поднимаются куда-то в будущее, кажущееся на первый взгляд беспредельным. В этом новом аспекте мир представляется как масса, находящаяся в процессе преобразования. Всеобъемлющие целое и квант стремятся найти свое выражение и определиться в космогенезе.

Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека»

твенное положение всех элементов человеческого тела, и задаемся вопросом: тождественна ли сложность застывшей структуры молекул, то есть сугубо пространственной сложности тела, той сложности, которую мы изначально представляли как сложность человека. Или конкретно: одинакова ли сложность живого и мертвого человека? Если вы считаете, что одинакова, то можете дальше не читать. Если полагаете, что сложность живого тела больше, то тогда вы должны автоматически задаться вопросом: а где же эта сложность фиксируется, если не в пространственном положении молекул? Ответы на него, конечно, могут быть разные, но на страницах данной книги ответ будет таков: эта сложность распределена во времени, она темпоральна.

Переходя к философским обобщениям, темпоральную концепцию можно выразить тезисом: наш Мир не плоский во времени, его сложность не исчерпывается структурной сложностью его единомоментного пространственного среза, значительная часть его сложности распределена во времени – в прошлое и будущее относительного текущего *сейчас*. То есть Мир нельзя представить как плоский блин нанизанный на ось времени и скользящий вдоль нее: наш Мир имеет объем во времени, и нет на временной оси абсолютно выделенной, единой для всех объектов точки *сейчас*. (Хотя это и должно было быть ясно еще со времен появления специальной теории относительности.)

Темпоральные системы

Теперь мы можем с полным основанием перевести разговор на системный язык, то есть ввести такие понятия, как пространственные и темпоральные системы. Хотя следует отметить, что в таком переходе нет никакого специфического смысла, связанного с пресловутой теорией систем и т.п. Просто в большинстве случаев вместо словосочетаний «сложный объект» и «части сложного объекта» – а обсуждая темпоральные объекты, мы имеем дело со сложными объектами, то есть обладающими распределенной во времени структурой – удобнее использовать термины «система» и «элементы». По сути, система, в самом общем смысле, и является сложным объектом – совокупностью объектов, имеющей самостоятельную целостность, обладающей какой-то определенностью, отличной от определенностей составляющих ее объектов-частей (элементов). Эту определенность сложного объекта-системы мы будем называть системным качеством. Так, к примеру, и любая куча является системой – она обладает системным качеством «конусная форма», которое напрямую не зависит от качеств (формы), составляющих ее элементов. Обычно в таких случаях говорят: системное качество не сводится к качествам элементов. Кстати, куча, как и кристалл, является примером чистой пространственной системы – ее системные качества (форма и размер) не зависят от времени и полностью фиксируются в единомоментном пространственном срезе. Системные качества кристалла (ска-

жем, твердость алмаза) также не зависят от времени и полностью определяют его пространственную структуру.

Мелодия как темпоральная система

Опробуем системную терминологию на уже знакомом нам примере мелодии. Перед нами множество элементов-нот, вместе составляющих некую целостность, сложный объект, обладающий вполне конкретными качествами: тональность, размер, темп. Понятно, что единичные ноты сами по себе не обладают ни тональностью, ни размером, ни темпом – для фиксации тональности, скажем, для различения до-мажора от ля-минора, требуется более трех нот. То есть перед нами именно система (темпоральная), обладающая системными качествами, несводимыми к качествам элементов.

Система симфонического произведения более сложна – она состоит из множества темпоральных подсистем отдельных мелодий, партий инструментов. Она обладает уже не только темпоральной структурой, но и в какой-то степени «пространственной» – множеством одновременно звучащих нот. Хотя понятно, что каждая из этих структур не является самостоятельной системой, а может быть представлена лишь как единомоментный срез, пересечение множества темпоральных систем отдельных партий.

Биологический организм как пространственно-темпоральная система

Рассмотрим некоторые особенности соотношения пространственных и темпоральных систем на примере биологического организма. Пространственная структура биологического организма, то есть положение всех его элементов (органов, клеток, молекул) в единовременном срезе, не дает нам представления о нем как о системной целостности, не позволяет выявить его основное системное качество – жизнь. Чистая пространственная структура организма это, по сути, мертвое тело. Более того, если рассматривать организм со сложным, этапным индивидуальным развитием – скажем, организм бабочки, – то его структурный анализ на отдельных стадиях – яйцо, гусеница, куколка, взрослый организм с крыльями – может привести к выводу, что перед нами не одна система, а не имеющие ничего общего друг с другом объекты, самостоятельные пространственные системы с существенно отличающимися структурами. Только проследив объект «бабочка» на всем периоде развития, мы сделаем заключение, что между яйцом, куколкой, гусеницей и бабочкой существует непосредственная связь, которую невозможно установить, анализируя их единомоментные срезы. Напомню: принципиальное отличие темпоральной системы от пространственной заключается в том, что системные качества последней полностью фиксируемы, наблюдаемы в момент времени.

Следовательно, если мы хотим описать биологический организм как целостный, нам необходимо представить его в виде системы, включающей в себя в качестве элементов события, распределенные во времени на периоде полного цикла жизнедеятельности организма от рождения до воспроизводства потомства – то есть в виде темпорально-пространственной системы.

Неполнота «плоского» описания

Чтобы пояснить тезис о недостаточности структурно-пространственного описания биологического организма, обратимся опять к аналогии с проносящимся мимо нас грузовиком. Допустим, у нас есть точнейший чертеж одного плоскостного среза машины. Что мы можем сказать о грузовике по этому чертежу? Большой деревянный ящик с прикрепленным под ним цилиндром (коленчатым валом). И где бы мы ни проводили сечение, мы не поймем, что за предмет перед нами. Так вот, такая же ситуация возникает, когда мы пытаемся понять, что такое живой организм, по анализу его одномоментного среза. Как для получения полного представления о протяженном в пространстве грузовике надо иметь чертежи всех его сечений от переднего до заднего бамперов, так и для целостного описания объекта, называемого «живой организм», необходимо рассматривать всего его временные срезы (проекции) от зачатия до смерти в качестве единой системы.

Исключительная темпоральность темпоральных систем

При более детальном рассмотрении оказывается, что из определения системы живого организма как темпорально-пространственной допустимо изъять слово «пространственная» и говорить об организме лишь как о тем-

Живым невдомек, насколько сложно выглядит мир с точки зрения покойника, потому что смерть, освобождая разум от смирительной рубашки, в которой его держат три измерения, отсекает его также и от Времени, которое есть не что иное, как еще одно измерение. Хотя трущаяся о невидимые ноги Биллета кошка оставалась той же самой кошкой, которую он видел несколькими минутами раньше, она также являлась и крошечным котенком, и толстой, полуслепой старой кошачьей матроной, и всеми промежуточными стадиями. Одновременно. В результате кошка смахивала на белую кошкообразную морковку – описание, которым придется довольствоваться, пока люди не изобретут четырехмерные прилагательные.

Терри Пратчетт, «Творцы заклинаний»

поральной системе. Во-первых, структура живого организма в какой-либо момент времени (пространственное положение всех элементов организма: органов, клеток, молекул) не является устойчивой и целостной системой – это структура мертвого тела, которая при остановке биологических процессов тут же распадется. Во-вторых, положение элементов в структуре организма отнюдь не задается пространственными связями между ними, а определяется исключительно темпорально, то есть отношениями между элементами темпоральных систем. Можно сказать, что биологический организм – это темпоральная система (система распределенных во времени элементов-событий), имеющая более или менее фиксированное пространственное представление.

Думаю, на данном уровне анализа концепции темпоральных систем, предваряя будущие выводы, уже можно сказать, что каждый объект, который мы способны выделить в окружающей нас действительности, может быть описан как темпоральная система с нулевым или ненулевым пространственным отображением. В этой терминологии Мир есть темпоральная система, явленная нам в виде пространственного среза. И тут же можно добавить, что стремиться понять Мир по его пространственному отображению еще более бессмысленно, чем пытаться определить сущность жизни по структурному срезу биологического организма, сделанному в какой-либо момент времени, то есть фактически по мертвому телу.

Относительность темпоральных и пространственных систем

Конечно, сразу же видно, что приведенное ранее определение системы – сложный объект (объект, состоящий из объектов) – подогнано под понятие «темпоральные системы». Согласно этому определению, в качестве элементов системы могут выступать произвольные объекты: вещественные предметы, процессы, действия, идеи, события. Идеи входят в систему под

То обстоятельство, что кроме необходимости причины и действия – я назову ее *логикой пространства* – в жизни существует еще и необходимость судьбы – *логика времени* – являющаяся фактом глубочайшей внутренней достоверности, который направляет мифологическое, религиозное и художественное мышление, ...но в то же время не поддается формам познания, исследованным в «Критике чистого разума», – это обстоятельство еще не проникло в область рассудочной формулировки.

Шпенглер, «Закат Европы»

названием «парадигма», множество действий составляют систему «деятельность». А пространственно или временно распределены элементы в системе – не имеет значения. К примеру, система «деятельность», составленная из следующих один за другим, как ноты в мелодии, элементов «действие», является безусловно темпоральной. Хотя, как и в темпоральной системе симфонического произведения, система «деятельность» может объединять множество не только последовательно, но и параллельно реализуемых действий. Так темпоральная система «кулинарная деятельность» состоит из множества сложно согласованных элементов-действий: пока одно варится, другое парится, третье шинкуется и пр.

Ранее перечень возможных объектов-элементов я завершил безусловно примечательным, выбивающимся из общего ряда объектом «событие». В-первых, событие – это принципиально элементарный объект, не имеющий структуры (протяженности) ни во времени, ни в пространстве*. Думаю, понятно, что речь идет о событии в смысле единичного акта, то есть о событии изменения, перехода и т.д., а не о событии-мероприятии: свадьбе, съезде партии и т.п. Элементарность события означает, что оно принципиально не может рассматриваться как система. И, во-вторых, как продолжение «во-первых», при детальном анализе все темпоральные системы однозначно сводятся к системам событий: любой процесс, деятельность есть не что иное, как последовательность событий.

Последний тезис, казалось бы, проводит однозначную границу между темпоральными и пространственными системами: первые есть множество событий, вторые – множество пространственных точек (именно так описывается структура кристалла). Такая абсолютизация границы безусловно противоречит принятой релятивистской идеологии. Однако противоречие снимается довольно легко – следует только обратить внимание на относительность понятия «единомоментный пространственный срез»: момент моменту рознь. К примеру, можно говорить о моменте фиксации нашим зрением картинка на экране телевизора, а можно – о моменте прорисовки сканирующим электронным лучом одной точки: в первом случае изображение предстанет перед нами как сугубо пространственная структура, как множество одновременно явленных точек, а во втором – изображение это последовательность событий, то есть сугубо темпоральный объект. Так и наш кристалл, ранее представляемый как исключительно пространственная система, можно признать таковой, только абстрагируясь от темпоральнос-

* Было бы странно, если бы это достаточно абсолютистское заявление о принципиальной элементарности события в конечном итоге не оказалось тоже относительным. Но об этом чуть позже.

ти атомов. Если же рассматривать его на уровне взаимодействий атомов и на временном промежутке, сопоставимом с характерным временем этих взаимодействий, то и структура кристалла необходимо предстанет перед нами как исключительно темпоральная система – последовательность элементарных событий электромагнитных взаимодействий. Следовательно, противопоставление темпоральных и пространственных систем условно, относительно. Пространственные системы, по сути, это темпоральные системы, чьей темпоральностью можно пренебречь по сравнению с более темпорально протяженными. Так, скажем, и биологический организм человека можно принять за исключительно пространственно определенную систему при сопоставлении его с гораздо более темпорально объемной системой интеллектуальной деятельности – от биологической процессуальности в данном конкретном случае можно абстрагироваться. И наоборот, при анализе структурности атомов система кристалла должна рассматриваться как сугубо темпоральная.

Таким образом мы пришли к интереснейшему и важнейшему выводу: на элементарном уровне, то есть на уровне элементарных событий, все системы можно представить как темпоральные. Разделение на пространственные и темпоральные системы условно и фиксируется относительно уровня вы-

Ничто... не мешает нам приписывать длительность, а следовательно, и форму существования, аналогичную нашей, изолируемым наукой системам, если вновь ввести их в Целое, куда они и должны быть введены. То же самое... можно сказать и о предметах, выделяемых нашим восприятием. Четкие контуры, приписываемые нами какому-нибудь предмету и придающие ему индивидуальность, очерчивают лишь известного рода *влияние*, которое мы могли бы оказать на данную точку пространства: это план наших возможных действий, отражаемый, словно в зеркале, в наших глазах, когда мы замечаем поверхности и грани вещей. Уберите эти действия, а следовательно и широкие пути, прокладываемые с их помощью восприятия в переплетениях реальности, – и индивидуальность предмета поглотится всеобщим взаимодействием, которое и есть сама реальность.

...Точное определение может быть дано только завершенной реальности; жизненные свойства никогда не бывают полностью реализованными; они всегда лишь на пути к реализации: это не столько *состояния*, сколько *стремления*.

Бергсон, «Творческая эволюция»

деления системы, то есть выбранного уровня их иерархии: от элементарных событий до абсолютной системы Мир. Следовательно, мы не только спасли релятивизм, но и сформулировали еще одно его положение – относительность темпорального и пространственного представлений.

ОПИСАНИЕ ЧЕРЕЗ СОСТОЯНИЕ

Детерминистская логика состояний и темпоральность

Вполне могло показаться, что введение понятия «темпоральность» фиксирует внимание лишь на том, что описание объектов не сводится к указанию их пространственной структуры. Однако понятно, что традиционный (не темпоральный) научный подход и не ограничивается анализом одних только статических структур и вполне успешно описывает объекты, изменяющиеся во времени. В современной науке для анализа так называемых динамических систем используется понятие «состояние»: объект описывается как ряд последовательно сменяющих друг друга состояний. При этом под сменой состояния объекта понимается как трансформация его структуры, так и изменение любых других параметров. Для простых объектов – механических систем, непрерывных сред, электродинамических, химических систем – такое описание вполне приемлемо. Но оно и понятно – при анализе объектов перечисленных типов вполне допустимо игнорировать темпоральную составляющую и представлять их абсолютно пространственными, то есть такими объектами, у которых все системные качества фиксируются в единомоментном срезе,

Все, что происходит – символ, и в то время, когда оно вполне обнаруживает себя, оно указывает на все остальное. В этом понимании, мне кажется, лежит величайшее дерзновение и величайшее смирение.

Основное свойство живого единства – разделяться, соединяться, расплываться в общем, задерживаться на частном, превращаться, специфицироваться, проявляться, как свойственно всему живому, под тысячью условий, выступать и исчезать, затвердевать и растворяться, расширяться и сокращаться. Так как все эти действия происходят в один и тот же момент, то все они могут проявиться в одно время. Возникновение и гибель, созидание и уничтожение, рождение и смерть, радость и страдание – все это протекает во взаимодействии, все действует в одинаковом смысле и одинаковой мере; вот почему даже самое частное явление выступает всегда как образ и подобие самого общего.

Гете, «Избранные сочинения по естествознанию»

определяются текущей структурой. И газ в сосуде, и система шестеренок в каждый момент времени являются в полной мере «газом» и «системой шестеренок», то есть обладают исчерпывающим набором качеств (параметров), необходимым для описания изменения системы в последующий момент. Следовательно, временное описание таких объектов можно представить, как непрерывную последовательность смены одних полноценных пространственных систем другими, с измененными параметрами. И если изменение параметров не затрагивает системной определенности объекта, вполне можно говорить о наличии одной системы, проходящей через ряд состояний. Описание движения такой системы сводится к указанию функции, связывающей параметры последовательных во времени состояний с параметрами начального состояния (ну и конечно, параметров среды, если это существенно). Повторю, в специфике традиционного описания динамических систем через смену состояний самое главное, что при смене состояний объект остается тем же объектом: газ в сосуде остается газом в сосуде с теми же, но лишь количественно измененными, параметрами; механизм остается тем же механизмом, лишь с повернутыми шестеренками и смещенными шатунами. Или скажу так: набор параметров объекта полностью описывает специфику объекта в каждый момент времени, в каждом состоянии.

Описание биологического организма через состояния

Я изложил традиционный подход к анализу изменяющихся объектов с использованием понятия «состояние системы» для того, чтобы показать, что эта технология описания принципиально неприменима к темпоральным объектам. Ведь что такое темпоральная система? – Сложный объект, специфичность которого не определяется в моментальном срезе или, точнее, системные качества которого мы не можем зафиксировать, измерить в момент времени. Вернемся к уже упомянутым примерам. Скажем, система «идеальный газ в сосуде» в любой момент времени обладает температурой,

Эту мысль можно выразить и по-другому: если мы, пребывая в поиске некоего объекта, подвергаем его логическому анализу, то обнаружить его невозможно. Чем бы ни являлся этот объект, какой бы природой он ни обладал – ментальной или физической, о чем бы ни шла речь – о нирване или самом Будде Шакьямуни, при поиске этого объекта, когда он подвергается логическому исследованию, его никогда нельзя обнаружить.

Далай-лама XIV, «Интервью в Бодхгайе, 1981-1985 гг.»

давлением и объемом – больше у этой системы нет никаких параметров. Механическая система в единовременном срезе также имеет полный набор системных качеств – координаты, скорость и ускорение всех ее элементов. Теперь рассмотрим биологический организм. Допустим, такую систему мы видим впервые, и нам доступен для анализа лишь ее моментальный срез. Конечно, мы сможем получить полный набор характеристик физического тела: геометрию скелета, температуру, давление, скорость движения жидкостей, их химический состав и т.д. Но достаточно ли этих параметров для понимания, что перед нами не просто сложный объект из органических молекул, а именно биологический организм? В моментальном срезе тела мы при всем старании не сможем обнаружить ничего, что однозначно свидетельствовало бы, что мы имеем дело с живым объектом, а не с химико-механическим агрегатом. (Напомним: тут мы не можем применить метод по аналогии – мол, подобную структуру обычно имеют биологические организмы, – поскольку видим такой объект впервые.) Мы даже можем попытаться экстраполировать движение всех элементов объекта и получить координаты всех молекул в следующий момент времени, но это будет расчет изменения структуры агрегата, а не описание жизнедеятельности организма – расчеты на более длительный период неминуемо покажут распад системы. Ведь мы не заложили в них ни одного фактора, соединяющего все это месиво молекул в целостный объект, ни одного специфически биологического параметра.

И это отнюдь не проблема сложности описания – мол, мы еще не обладаем полными знаниями, адекватным математическим аппаратом и т.п. Это проблема принципиальная: в момент времени объекта «биологический организм» попросту нет, то есть системные качества живого организма нельзя определить по застывшему телу – пищеварение, размножение, поведение и т.п. определяются (проявляются) только на неконечных отрезках времени.

Вот и получается, что для описания биологических и других темпоральных объектов мы не можем применить методику описания систем через смену состояний – по одной элементарной причине: в моментальном временном срезе нельзя выделить систему, состояния которой требуется описать.

Применение механических принципов к органическим существам было полезно только тем, что еще больше усилило наше внимание к совершенству живых существ, и можно утверждать, что органические существа кажутся тем совершеннее, чем меньше применимы к ним принципы механики.

Гете, «Избранные сочинения по естествознанию»

Здесь резонно вспомнить аналогию с описанием грузовика по единственному пространственному сечению: как невозможно получить ясное представление о грузовике без его описания в полном (трехмерном) пространственном объеме, так и сущность биологического организма невозможно понять по моментальному пространственному срезу – объект необходимо рассматривать в полном (четырёхмерном) пространственно-временном объеме.

Конечно, в некоторых случаях мы можем описать движение биологического организма или других темпоральных систем, скажем, социальных, через смену состояний. Хотя это возможно только для отдельных неспецифичных (несистемных) параметров, подлежащих измерению в момент времени (к примеру, для температуры тела, количества населения и пр.) и характеризующих лишь отдельные процессы в системе, а не ее как целое.

Проблемы описания темпоральных объектов через состояние

Можно, конечно, возразить: зачем же так утрировать, зачем брать именно единомоментный срез, давайте рассматривать организм на некотором отрезке времени... Давайте. Я ведь и говорю, что биологический организм как целостный определен только как темпоральный объект, а таковой просто невозможно описать в терминах состояний. Только задайте себе вопрос: какому состоянию организма можно приписать системное качество «размножение»? Конкретному моменту появления детеныша? Или моменту зачатия? Ведь термин «состояние» и означает лишь набор качеств (параметров) системы в конкретный момент времени, в котором системные качества тем-

Самое главное, что все трансформации биологического организма невозможно представить как смену состояний некой локальной во времени пространственной системы – в каждый конкретный момент времени перед нами нет самой системы «бабочка», есть лишь один ее из распределенных во времени элементов. В отличие, скажем, от системы «газ в колбе», все элементы которой находятся в одном моменте времени и которая поэтому в этом моменте исчерпывающе описывается набором параметров (объем, температура, давление).

...Дедукция идет в своих операциях по следам материи, повторяя ее изменчивые изгибы; она, наконец, в неявном виде дана вместе с пространством, поддерживающим материю. Пока она разворачивается в пространстве или в опространствленном времени, ей остается лишь отдаваться течению. Длительность же вставляет ей палки в колеса.

Бергсон, «Творческая эволюция»

поральных объектов не наблюдаемы. Вроде и состояния есть, но не состояния исследуемого объекта – есть состояния безумно сложной системы химических молекул, состояния тела, но не биологического организма. А если вспомнить бабочку? Что такое биологический объект «бабочка» – яйцо, гусеница, кокон или взрослый организм с крыльями? Бабочка это все перечисленные пространственные объекты взятые вместе, разом. Чтобы получить полное представление об объекте «бабочка», нам необходимо одновременно держать в голове все эти разнесенные во времени трансформации. Биологический организм «размазан» по времени. Ни одно пространственное воплощение бабочки не является в полном смысле бабочкой (в отличие от объектов с сугубо пространственной структурой).

Состояние мелодии

Ну и чтобы уж полностью убедиться в неприменимости классического описания через смену состояния к темпоральным объектам, обратимся опять к примеру мелодии. Что в мелодии мы можем описать в момент времени? У биологического объекта есть хотя бы тело, обладающее физическими характеристиками. А у мелодии? Конечно, в качестве того нечто, что представляет собой мелодия в моментальном срезе, можно представить объем воздуха или фрагмент деки музыкального инструмента, плотность которых меняется синхронно с частотой звучащих нот. Но согласитесь, фраза «мелодия – это термодинамическая или механическая система, меняющая состояние (плотность) со временем» звучит абсурдно.

У мелодии, как и у любого сложного объекта, есть свои системные параметры – тональность, размер, темп, – и ни один из них не существует, не подлежит измерению в единомоментном срезе, а тем более не является характеристикой фрагмента деки или объема воздуха. Эти параметры принадлежат всей мелодии целиком и традиционно статичны, то есть не меняются со временем, а если и меняются, то дискретно от фрагмента к фрагменту, а не непрерывно от ноты к ноте. Какой размер или темп может быть у единичной ноты? Не говоря уже о том, что в моментальном срезе и самой ноты-то не существует. Понятно, что и тональность мелодии не может измениться в момент времени – изменение тональности фиксируется только на промежутке времени звучания более трех нот.

С другой стороны, для адекватного описания мелодии нам нет необходимости прибегать к описанию через состояния, достаточно просто указать ее темпоральную структуру: задать параметры элементов – длительность и высоту нот и их временные координаты, то есть последовательность. Это структурное описание однозначно определит и системные качества мелодии: тональность, размер, темп. Никаких состояний у этой структуры нет.

Мелодия, по сути, это кристалл во времени – она вполне статична (как это ни странно звучит применительно к мелодии), только представлена не пространственной структурой, как у кристалла, а темпоральной. На это сравнение мелодии с кристаллом следует обратить особое внимание: центральным моментом в темпоральном подходе является именно понимание наличия не только пространственной, но и темпоральной, распределенной во времени сложности, структурности.

Вариант строгого введения понятия «темпоральный объект»

Для любителей строгих построений попробую сформулировать различие между темпоральными и пространственными объектами предельно логично и сжато, без примеров и иллюстраций.

Введем следующие понятия (обращаю внимание: это лишь рабочие определения):

(1) объект – нечто различимое субъектом, данное ему в ощущение, внимание, познание;

(2) действительность субъекта – множество различных им объектов; фиксируя объекты вне и внутри себя, он различает две действительности: внешнюю и внутреннюю;

(3) время и пространство – нечто, в чем субъект различает объекты, то есть объекты различаемы либо в пространстве, либо во времени, либо во времени и пространстве;

(4) элементарный объект – объект, не имеющий различий в себе (это означает не нечто физически неделимое, а просто нечто, являющееся для субъекта цельным);

(5) точка в пространстве – элементарный объект, не имеющий различий в пространстве;

(6) момент – элементарный объект, не имеющий различий во времени;

(7) сложный объект – объект, в котором субъект может выделить множество элементарных объектов: множество точек в пространстве или множество моментов во времени;

(8) протяженность сложного объекта – характеристика сложного объекта, фиксирующая количество различимых друг от друга элементарных объектов, входящих в его состав.

Первым и вполне очевидным следствием такого предельно отвлеченного подхода является тезис: действительность субъекта представлена сложными объектами (далее просто «объектами»), имеющими протяженность как в пространстве, так и во времени. При этом под протяженными в пространстве понимаются объекты, в которых возможно различить более одного элементарного объекта в момент времени; под протяженными во времени

понимаются объекты, в которых можно различить более одного элементарного объекта в одной пространственной точке (что, по сути, и означает, что различные элементарные объекты разнесены во времени). Для обозначения протяженности во времени вводится понятие «темпоральность». Соответственно, протяженные во времени объекты – это темпоральные объекты, а протяженные в пространстве – пространственные. Тут следует отметить полную симметрию принципов выделения объектов: не постулируется приоритет времени или пространства.

Здесь важно понять, не является ли понятие «темпоральный объект» лишним – то есть возможно ли все различимые субъектом объекты свести к классу пространственных? Чтобы остаться в русле строгих рассуждений введем еще одно понятие:

(9) качество объекта – зафиксированный акт восприятия сложного объекта субъектом; по сути, субъект воспринимает объект как множество его качеств (проблему полноты этого множества можно оставить в стороне – тут главное, чтобы объекты могли быть различимы по этим множествам).

Итак, исходя из того, что исчерпывающее описание (восприятие) объекта субъектом сводится к указанию множества его качеств, сформулируем критерий для различения темпоральных и пространственных объектов: если все качества объекта различимы, указуемы в единичный момент времени (то есть присущи объекту в момент времени), значит перед нами пространственный объект; в любом другом случае объект обладает темпоральной протяженностью. Более пространно этот принцип различения можно изложить так: конкретное качество сложного объекта отражается некоторым множеством (частью) элементарных объектов, если в моментальном срезе в объекте наблюдается какое-то качество, то и все элементарные объекты, «формирующие» это качество, наблюдаемы в этом же временном срезе; если же в моментальном срезе даны все качества объекта, то и все его элементарные объекты даны моментально, и перед нами сугубо пространственный объект (все составляющие его элементарные объекты различимы лишь по пространственному положению). И наоборот, если некое качество объекта неразлично в моментальном срезе, это значит только одно: что множество элементарных объектов, «формирующих» это качество, не дано в единичном моменте времени, составляет некоторую протяженность во времени, и следовательно, перед нами темпоральный объект. Понятно, что объекты могут быть пространственно-темпоральными, то есть обладать и пространственными, и темпоральными качествами.

Те, кто дочитал до конца эти формальные рассуждения, надеюсь, не нуждаются в иллюстративных примерах (отсылок к мелодии, кристаллу, биологическому организму). Тем, кто не дочитал, это и подавно не надо.

Детерминизм и описание через состояния

Самым важным и сложным моментом при переходе от классической идеологии, основанной на описании объектов через состояния, к идеологии темпоральной является ломка представлений о детерминизме, о смысле и значении причинно-следственных связей. Описание изменения объекта через смену состояний однозначно укладывается в рамки строгого детерминизма: каждое последующее состояние рассматривается не иначе как непосредственное следствие предыдущих. Формально это означает, что набор параметров (качеств) системы в один момент времени позволяет однозначно рассчитать таковые и для всех последующих. При таком подходе движение объектов понимается и описывается как непрерывная цепочка причинно-следственных событий.

Так вот, эта схема однозначного детерминизма естественным образом рушится, когда метод описания через состояния невозможен. К обсуждению этой проблемы мы вернемся чуть позже, а пока продемонстрируем ее опять же на примере мелодии. Даже если мы допустим, что движение от ноты к ноте есть изменение состояния некоей системы, то мы уж точно не сможем утверждать, что каждое последующее «состояние», то есть следующая нота, находится в причинно-следственных связях с предыдущими. Мы, конечно, чувствуем единство, целостность мелодии, безусловную связанность нот друг с другом, но представить эту связанность как детерминистскую невозможно: все ноты – от первой до последней – не являются ни причиной, ни следствием друг друга, они занимают одинаково важное место в темпоральной структуре мелодии (как, скажем, атомы в кристалле, только не в пространстве, а во времени). Аналогично и отдельные трансформации бабочки невозможно представить как причинно соподчиненные – все они образуют единую систему, а не являются последовательными состояниями некоего пространственного объекта – тела.

ИЕРАРХИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Темпоральный мир

До этого момента все свои усилия я прилагал к обоснованию самого факта существования нечто темпорального, распределенного во времени – структуры, сложности, системы. Надеюсь, дочитавшие до этого места уже не сомневаются, что для понимания многих явлений недостаточно классического представления о Мире как плоском во времени блине, вся сложность которого сосредоточена в едином пространстве, данном нам в момент времени. Я попытался показать, что существуют объекты, которые мы различаем, но которые просто отсутствуют в нашем мгновенном сейчас – это объекты, чья сложность, чья структура распределена, растянута во времени. Такие объекты я предложил называть темпоральными системами – система-

ми, объединяющими множество событий. Далее я не буду тратить силы на убеждение читателей, не принявших, не понявших темпоральную концепцию, а постараюсь показать, какие проблемы возможно сформулировать и решить с ее помощью. В первую очередь нам необходимо ввести понятие иерархии темпоральных систем. Основные принципы построения такой иерархии я предложил в «Новациях» и сейчас повторю с некоторыми пояснениями и терминологическими уточнениями.

Матрешечная пространственная иерархия

Темпоральные системы, как и традиционные пространственные, могут образовывать иерархические структуры – то есть становиться элементами друг друга. Примечательно, что темпоральные системы образуют вполне *формально определенную* иерархию. Слова «формально определенную» не случайны – они обращают внимание на то, что такой определенности нет у пространственных систем-структур. Когда мы указываем на пространственную матрешечную иерархичность (молекула состоит из атомов, клетка – из молекул, организм – из клеток), различия между уровнями фиксируются только содержательно, а не формально. На каждом уровне система описывается как структура из объектов предыдущего уровня, без указания какой-либо формальной (не качественной) специфичности при переходе от уровня к уровню. Мы, конечно, понимаем, что структура из клеток существенно отличается от структуры из атомов, но системно-пространственное описание не даст нам никакой возможности зафиксировать это различие – мы во всех случаях рисуем элементы-кружочки и палочками обозначаем структурные связи между ними.

Переход

Что же предлагает нам темпоральный подход? Прежде всего – и что, наверное, самое главное – он однозначно указывает на наличие элементарно-

[Шакаля спросил:] «На чем же основаны ты и Атман?» [Яджнявалкья ответил:] «На дыхании [в легких]». – «На чем же основано дыхание [в легких]?» – «На дыхании, идущем вниз». – «На чем же основано дыхание, идущее вниз?» – «На дыхании, разлитом по телу». – «На чем же основано дыхание, разлитое по телу?» – «На дыхании, идущем вверх». – «На чем же основано дыхание, идущее вверх?» – «На общем дыхании».

«Брихадараньяка-упанишада»

го объекта – *события*. То есть при темпоральном анализе любого объекта мы всегда можем и должны выделять минимальный темпоральный объект с единичной темпоральностью – элементарное событие.

Тогда в качестве элементарной темпоральной системы, обладающей единичной темпоральной сложностью, следует признать переход. Переход, по сути, это одно событие, но взятое не само по себе, а как расщепленное, как граница между двумя хронально (последовательно) выделенными объектами, пространственными или темпоральными структурами – скажем, событие перехода между двумя состояниями пространственного объекта или событие окончания звучания одной ноты и начала звучания следующей. Пример с нотами хорошо демонстрирует положение о принципиальной элементарности события – событие «переход между двумя нотами» не может быть представлено как сложное, разбито на подсобытия. Тут, конечно, речь идет не о «физике» самого перехода – не о постепенности изменения частоты колебаний деки музыкального инструмента, не о наличии некоторых переходных процессов – а о системном анализе сложного объекта «мелодия» и его элементов – нот. Так, к примеру, в темпоральной системе «приготовление борща» событие «засыпка свеклы в кастрюлю» безусловно элементарно на уровне кулинарии, то есть не может быть разбито на кулинарные подэтапы, хотя на уровне физиологии и составлено из ряда физических действий (взять, поднести, высыпать).

Процесс

Следующий уровень в темпоральной иерархии – это *система из переходов*, которую, естественно ассоциировать с *процессом*. Если переход мог быть представлен как темпоральная система лишь номинально (как два разнесенных во времени состояния пространственной структуры, только для указания на изменение этой структуры во времени), то *процесс* является уже сугубо темпоральной системой, то есть не имеющей системной определенности в моментальном срезе. Фиксация процесса (его направления) возможна только на некотором промежутке времени – точнее, только при выделении неконечного фрагмента *системы-процесса*, включающего некое множество ее *элементов-событий*.

Поскольку элементы системы-процесса – *переходы* – есть переходы между конкретными пространственными структурами, в каждый момент времени процессу можно сопоставить определенное пространственное отображение. То есть процесс в каждый момент времени представлен в пространстве в виде конкретной, специфической для него структуры. По сути, когда мы имеем дело с сугубо пространственной системой, непрерывно меняющей свое состояние (к примеру, механическим агрегатом), изменение во

времени какого-либо из ее параметров (движение какого-либо шатуна), взятое обособлено, можно рассматривать как темпоральную систему-процесс.

Формальность темпоральной иерархии

Даже по начальному описанию иерархии темпоральных систем (*события – переходы – процессы*) видно, что эта иерархия определена вполне формально – не привязана к специфике элементов систем, к содержанию событий. Переходы, происходящие между физическими, химическими, биологическими, социальными структурами, являются элементами соответственно физических, химических, биологических, социальных процессов. И тут можно усмотреть принципиальное отличие темпоральной иерархичности от пространственной: говоря о пространственной иерархии, мы всегда имеем дело с содержательными уровнями (физический, химический, биологический, социальный), то есть всегда должны указывать, что из чего состоит. При описании пространственных систем фразы «молекула состоит из атомов», «клетка состоит из молекул», «организм состоит из клеток» логически не отличаются друг от друга – мы просто констатируем выделение системы и элементов. Темпоральная же иерархия имеет вполне определенную формальную структуру: *события, переходы, процессы* однозначно выделяются на любом содержательном уровне. Скажем, физиологическое событие сокращения мышцы есть переход между двумя ее состояниями, последовательность таких переходов составляет процесс движения части тела; событие удара по мячу задает переходы мяча, составляющие процесс его движения по футбольному полю.

Темпоральная система-действие

Иерархия темпоральных систем не заканчивается на *процессах* – существует класс систем, элементами которых являются процессы. Наиболее наглядным примером таких систем являются сложные действия биологического организма, составленные из множества процессов, скажем, движений различных частей тела. Параллельные и последовательные химические процессы в живой клетке также не являются разрозненными, а составляют единую систему. Передвижения мяча и футболистов по полю, каждое из которых можно описать как *единичный процесс*, так же безусловно системны и должны быть описаны как единое целое – некий игровой эпизод, к примеру, атака.

Такие системные объединения процессов резонно называть действиями. Так и определим: действие – это совокупность последовательных и параллельных процессов, объединенных в единое целое. Объединение элементов в систему в пространственной логике всегда представляется как образование некой пространственной структуры, хотя бы и такой, как «куча». Понятно,

что подобный структурный подход не реализуем для описания темпоральных систем – мы не можем указать какие-либо непосредственные связи между распределенными во времени объектами-процессами: содержание действия ничуть не исчерпывается пространственным положением переходов, входящих в процессы, в некоторый конкретный момент времени – понятно, что мы не сможем исчерпывающе описать систему-действие по мгновенному снимку положения частей тела животного или расположению игроков и мяча на футбольном поле. Ведь именно неполнота представления системы в единомоментном пространственном срезе и определяет ее как темпоральную.

Результат как системообразующий фактор системы-действия

Понятно, что представить *систему-действие* как последовательность смены состояний некой пространственной системы не получится – каждое мгновенное пространственное отображение действия (к примеру, положение игроков на поле) не является самодостаточной системой. Безусловно, справедливо и обратное: любое мгновенное пространственное отображение *системы-действия* полностью предопределено ею. И понятно, что принцип объединения множества самостоятельных процессов, то есть системообразующий фактор темпоральной *системы-действия*, должен быть не пространственным.

Вполне логично предположить, что объединение в систему отдельных процессов возможно, в частности, при указании некоего общего для них элемента – *события*. Причем понятно, что это не может быть уже прошедшее событие – факт, что процессы имели общее начало, объединяет их лишь формально, внешне. Так, скажем, ничто не соединяет множество разлетающихся осколков гранаты – это только мы, глядя со стороны, объединяем их в систему «взрыв», который является системой еще менее явно, чем «куча», поскольку не сохраняется во времени – системным фактором в данном случае является именно распад (единая точка разлета), а не статичное соединение, как в системе «куча». Ну и понятно, возвращаясь к темпоральным системам, что событие совместного выбегания футболистов на поле никак не гарантирует объединение их индивидуальных движений по полю в системные действия.

Я клоню к тому, что фактором, объединяющим несколько процессов в систему, может являться некое событие в будущем – именно в таком случае перед нами будет действительно совокупность элементов-процессов, «стремящихся» к одной пространственно-временной точке. И если уж систему процессов я поименовал *действием*, то вполне логично событие, объединяющее процессы в будущем, назвать *результатом*. То есть темпоральная система-действие есть совокупность процессов, приводящих к специфичному событию – *ре-*

зультату действия. В нашем примере с футболистами таким системообразующим фактором, объединяющим все процессы на поле в единую систему, является *событие-результат* «гол». Любое действие биологического организма системно, если оно направлено на достижение конкретного результата – в противном случае мы наблюдаем бессвязное движение частей тела. Так и совокупность некоторых химических процессов в клетке является *действием* (системой процессов) не потому, что они протекают в одной оболочке, а потому, что приводят к конкретному *событию-результату* – делению клетки.

Особенность события-результата

Отмечая специфичность *события-результата*, я имел в виду, что результат не является событием (переходом) ни для одного из составляющих действие процессов. Результат есть событие «пересечения», «фокусировки» в некоторой точке множества процессов и принадлежит к следующему иерархически-системному уровню, надстоящему над уровнем реализовавших его процессов. Вспомним событие «засыпка свеклы в кастрюлю» – оно объединило в систему-действие по крайней мере два процесса: движения двух рук повара. Ни один из этих процессов, взятый самостоятельно, внесистемно, вне действия не содержит события «засыпка», последнее реализовалось лишь при «пересечении» обоих процессов – это результат совместного действия двух рук. Ну и конечно, событие «засыпка» принадлежит к кулинарно-системному уровню, а не к психофизиологическому – уровню перемещений рук повара. Иерархическое отношение событий-элементов процессов и системного события «результат действия» хорошо демонстрирует и пример с делением живой клетки: событие деления принципиально невозможно приписать какому-либо химическому процессу в клетке – на химическом уровне такого события нет, деление это событие на биологическом уровне, реализованное «пересечением» множества химических процессов. Еще раз напомним, что именно наличие в будущем клетки такого события, как деление объединяет множество химических процессов в единую темпоральную систему, которую мы назвали «действие». Ну и понятно, что событие «гол», являющееся результатом футбольного действия, мы не можем приписать ни одному процессу на поле – гол не является ни некой особой точкой в процессе перемещения мяча (с позиции кинематики все точки траектории его перемещения равноценны), ни неким событием в перемещении одного из футболистов. Гол – это системно-игровое событие в системе «голевая атака», а не кинематико-физиологическое в системе «мяч и игроки».

Вариативность реализации действия

Действие, как я уже отмечал, в каждый момент времени имеет некое пространственное отображение, к примеру, специфичная поза организма,

определенное положение молекул в клетке или футболистов на поле. Но, в отличие от моментального пространственного представления процесса, пространственная структура действия случайна. То есть по моментальному снимку живого организма или по сиюминутному положению футболистов на поле мы далеко не всегда можем однозначно определить текущие действия. По сути, случайность пространственного представления действия означает, что достижение системного результата возможно вследствие различного сочетания процессов: почесаться можно и передней и задней лапой, высыпать в кастрюлю свеклу при особой сноровке можно и одной рукой, забить гол можно несчетным количеством вариантов. Фиксированным у действия является только событие-результат. При изменении каких-либо условий, исключающем возможность достижения результата, или при возникновении необходимости достижения более приоритетного результата (раздался свисток судьи, в поле зрения появилась самка, на соседней конфорке стало убежать молоко) система-действие моментально разрушается – пропадает за отсутствием системообразующего фактора.

Система-действие и теория функциональных систем Анохина

В нейрофизиологии описанные мной системы-действия называются функциональными системами. Их формализм разработал во второй половине прошлого века академик Анохин. Представление о результате как о системообразующем факторе действия (функциональной системы) он противопоставил идеологии линейного детерминизма павловской рефлекторной теории поведения животных. По Павлову получалось, что каждое действие живого организма формируется вследствие появления стимула – события, запускающего последовательную причинно-следственную цепочку физиологических актов. Все это хорошо, когда речь идет о простейших рефlekсах: опасность – убежать, самка – догнать, молотком по коленке – нога вверх. Однако, когда рассматриваются сложные действия, включающие в себя множество процессов, то представить их как строго детерминированные, да еще одним, уже прошедшим событием-стимулом, не получается. Академик Анохин предложил перевернуть схему причинного предопределения действия и перенести причину действия из прошлого в будущее. Формирование системы-действия, или функциональной системы по терминологии Анохина, возможно только при выделении в будущем некоего целевого события – результата. Основной пафос теории функциональных систем (ныне успешно развиваемой профессором Александровым Ю.И.) заключается в констатации, что поведение биологических организмов определяется не некими начальными условиями (стимулами), а будущим событием – результатом этого поведения. (Проблеме детерминизма в темпоральной концепции будет посвящен специальный фрагмент книги).

Деятельность

На *действии* иерархия темпоральных систем не заканчивается. Множество действий объединяются в следующую по уровню систему – *деятельность*. По сути, деятельность – это совокупность, а точнее, последовательность результатов действий, то есть своеобразный процесс из результатов. То, что перед нами не просто случайный набор событий-результатов, а система, некий деятельный процесс, мы определяем по явно выделяемому направлению этого процесса. Следовательно, системообразующим фактором системы-деятельности является направление деятельного процесса. Для обозначения этого направления наиболее точно подходит понятие «цель» – то есть системообразующим фактором темпоральной системы-деятельности является цель, понимаемая как направление процесса, образованного результатами действий.

Примеры систем-действий, надеюсь, очевидны: жизнедеятельность животного, кулинарная деятельность, игра в футбол. Каждую из перечисленных деятельностей можно представить как последовательность результатов конкретных действий: догнать, поймать, съесть; нашинковать, смешать, сварить, заправить; забить гол, второй, третий. Очевидны и системообразующие факторы – цели перечисленных деятельностей: выжить, накормить людей, выиграть чемпионат (хотя цели одной и той же деятельности могут варьироваться).

Пространственное отображение деятельности

Следует обратить внимание, что деятельный процесс (деятельность) как система определенного уровня в темпоральной иерархии отнюдь не тождествен процессу. Процесс (система переходов) имеет в каждый момент времени вполне конкретное пространственное представление – текущую структуру. Деятельность же, деятельный процесс не имеет пространственного отображения – он принципиально не может быть зафиксирован в единомоментном срезе. Ну разве только косвенно, по пространственному представлению какого-либо уникального действия, свойственного конкретной деятельности (удара по мячу, нарезки свеклы). Да и то нет гарантии, что это именно элемент целенаправленной деятельности, а не игра детей в поваров

...Логика показывает, как идея поднимается на такую ступень, где она становится творцом природы и переходит к форме конкретной непосредственности, понятие которой, однако, снова разрушает и этот образ, для того чтобы стать самим собой в виде конкретного духа.

Гегель, «Наука логики»

или имитация движений футболиста мимом – такие действия, ясное дело, относятся к другим деятельности.

Цель, понимаемая как направление деятельности, безусловно, не является неким единичным событием в будущем (каковым был результат), хотя иногда она и может формально ассоциироваться с результатом последнего действия в деятельности.

Творящая система

Вполне логично продолжить построение иерархии темпоральных систем и представить, что множество деятельностей, а точнее деятельных процессов, также объединяются в систему. Как и в случае с объединением структурных процессов в действие, системообразующим фактором этой системы выступает некое событие в будущем. Под таковым, по сути, следует понимать результат множества деятельностей, воплощение целей, точку пересечения целей, которую можно ассоциировать с актом творения, реализацией нечего нового, новации. То есть деятельности объединяются в единую темпоральную систему – назовем ее творящей, – системообразующим фактором которой является будущее событие творения некой новой структуры.

Вообще проблема творения, формирования новационного объекта очень сложна. В данном месте рассуждений мне только хотелось бы обратить ваше внимание на то, что логика формирования новации аналогична логике реализации события-результата действия. Результат был понят нами (см. «Особенность события-результат») как событие, через которое, с одной стороны, «проходят» все процессы, составляющие систему-действие, но которое, с другой стороны, не принадлежит ни одному из них. То есть результат мы понимаем как сугубо системное событие, иерархически надстоящее над событиями процессов (вспомните примеры с голом, делением клетки). Аналогично «новация» творящей системы должна пониматься как мета-результат относительно целей деятельностей (деятельных процессов). То есть цепочки результатов деятельностей, объединенных в творящую систему, «пересекаются» в особой точке, реализуя некий «результат», не принадлежащий ни одной из деятельностей. И эта уникальность «результата» позволяет трактовать его как «сотворенный» – новационный.

Примечательно, что новация, как и результат совокупности деятельностей, не возникает спонтанно, а существует темпорально (распределенно во времени) в творящей системе (как и результат в действии). Новация собирает деятельности в единую систему, фокусирует их на достижении конкретной точки в будущем – на своей реализации в виде новой структуры.

Отчетливо сознаю, что последние рассуждения сложны для чтения, и уж точно для понимания. Но пояснения последуют позже.

К иерархической логике

Завершая рассуждения об иерархии темпоральных систем, еще раз обращаю ваше внимание на формальность этой иерархии, ее независимость от содержательного наполнения. Дальнейшее развитие данной концепции должно привести к созданию иерархической логики с однозначно выделенными уровнями: структурным, процессуальным, действенным (функциональным), деятельным (телеологическим) и творящим. Иерархическая логика, в отличие от формальной, призвана оперировать разноуровневыми понятиями, устанавливая отношения между ними.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ПРИЧИННОСТЬ

Постановка проблемы причинности

Иерархия темпоральных систем – это не просто отвлеченные и красивые формальные построения: процесс есть система переходов, действие – система процессов, деятельность – совокупность действий, творение – результат множества деятельностей. Вся эта логическая игра преследовала цель найти ответ на важнейшие вопросы познания: почему? откуда? какова причина? Итак, теперь настало время порассуждать о причинности.

В современной детерминистской логике классического (не темпорального) мировоззрения *причина* и *следствие* понимаются как два последовательных во времени события, о которых можно сказать, что без наличия первого события – *причины* – невозможно свершение второго – *следствия*. Все предельно просто и понятно, в полном соответствии со здравым смыслом, возвращенном на эмпирической очевидности: один бильярдный шар ударился о другой, и тот залетел в лузу; взошло солнце – раскрылся цветок; загорелась лампочка – у павловской собаки потекли слюны и т.д.

Однако, если более пристально посмотреть на проблему причинности, легко заметить, что даже в самых простейших случаях указание на наличие причинно-следственной связи (в смысле линейного детерминизма) ничуть не означает, что перед нами действительно причинно-следственные отношения. Причина в полном смысле слова – это не столько необходимо предшествующее следствию событие, без которого следствия не было бы, сколько событие, являющееся основанием следствия. Здесь самое главное почувствовать разницу между, с одной стороны, фактом обязательного предшествования одного события другому (скажем, шар не попадет в лузу, пока по нему не ударит другой шар) и, с другой стороны, выделением среди предшествующих событий такого (*действительной причины*), на которое можно указать как на достаточное основание для реализации события-следствия. В нашем примере: можно ли из множества событий – человек решил заработать деньги игрой в бильярд, текущая расстановка шаров на

столе, удар кием и т.д. – выделить единичную причину события «шар попал в лузу»?

Система и причинные отношения

Таким образом ставится вопрос: следует ли однозначно говорить о причинно-следственных связях, когда два события являются лишь последовательными элементами в некоем процессе, где ни одно последующее событие не может произойти без свершения предшествующих (к примеру, без шинковки капусты не будет поставлена на стол тарелка со щами)? Является ли какое-либо событие в таком едином процессе причиной последующих событий? Ведь понятно: какие щи без капусты? Но, согласитесь, нелепо ведь утверждать, что именно шинковка является причиной появления на столе щей. Логичнее сказать, что ни одно событие в процессе приготовления щей не является причиной последующих событий – попросту говоря, ни один элемент системы «готовка» не определяет специфику других элементов и тем более сущность самой системы. В общем, системная сущность каждого элемента (его место в системе) есть следствие его включенности в систему, то есть следствие наличия самой системы, ее системообразующего фактора – результата. А значит, скорее появление тарелки щей на столе является причиной шинковки капусты, чем наоборот. Ведь действительно, из наблюдения события «шинковка капусты» нельзя сделать вывод о неизбежности следствия «щи на столе». Возможны варианты: салат, закваска в бочке или просто отмена заказа на щи. А вот из факта «щи на столе» с безусловной необходимостью следует заключение о существовании события «шинковка». Только, чтобы все встало на свои места, факт «щи на столе» следует понимать не как единичное локальное событие, а как темпоральную систему-действие «приготовление щей», которая детерминирует, определяет необходимость всех своих элементов – составляющих ее процессов.

Короче, если глубже проанализировать картезианскую физику, метафизику Спинозы или Свобода воли, современные научные теории, то мы всюду обнаружим одно и то же стремление установить отношение логической необходимости между причиной и следствием. Мы также убедимся, что это стремление выражается в тенденции превратить отношения последовательности в отношения слитности, уничтожить действия длительности и заменить внешнюю причинность сущностным тождеством.

Бергсон, «Опыт о непосредственных данных сознания»

Вроде, совершенно простые и даже банальные рассуждения, но они были принципиально невозможны в традиционной пространственной системной терминологии, где под системой понимается исключительно лишь пространственная структура. Является ли какой-либо атом в узле кристаллической решетки причиной других атомов, вернее, причиной расположения каждого из них на своем месте? Безусловно, нет. Положение всех элементов в структуре пространственной системы обусловлено наличием этой системы, в нашем случае – кристалла. То есть можно сказать, что причиной нахождения каждого атома в соответствующем узле решетки является существование самого кристалла. Или другой пример: человек на футбольном поле играет форварда не по причине того, что кто-то другой играет голкипера, а потому, что он входит в систему «футбольная команда» как необходимый элемент, и его сущность – роль и положение на поле – определяется его включенностью в систему «команда». Можно сказать, что причиной того, что он форвард (точнее, исполняет роль форварда) является система «футбольная команда», а не какие-либо другие члены команды – элементы этой системы.

Причинность в темпоральной системе

Теперь все, что я говорил выше о пространственных системах, о кристалле и футбольной команде, следует повторить применительно к темпоральным системам. Допустим, перед нами сугубо темпоральная система «мелодия». Повторим вопрос, ранее заданный относительно причинности элементов пространственной структуры: является ли какая-либо нота в мелодии причиной других нот, скажем, первая нота – причиной всех последующих? Ну, конечно же, нет. От того, что перед нами темпоральная структура, а не пространственная, ничего не меняется – следуя логике системных рассуждений (ранее примененной к кристаллу и футбольной команде), мы должны заключить, что причиной положения каждой ноты в соответствующем месте музыкальной структуры является само существование системы «мелодия». Так и в любом процессе, безусловно представляющем собой распределенную во времени систему, причиной конкретного расположения каждого элемента-события в структуре системы является сама темпоральная система как целое. Отличие мелодии от кристалла лишь в том, что элементы первой распределены во времени, а второго – в пространстве.

К примеру, если слюна у собаки Павлова начинает выделяться при загорании лампочки, то это не значит, что свет служит причиной начала процесса пищеварения. Правильнее говорить, что событие «загорание лампочки» было встроено в качестве обязательного элемента в сформированную темпоральную систему условного рефлекса, включающую в себя события загорания лампочки и события процесса пищеварения. Ведь если бы такая

система не была создана длительными усилиями по выработке устойчивой реакции, загорание лампочки не оказало бы никакого влияния на физиологию собаки. Причиной любого события в темпоральной системе рефлекса следует считать не одно или несколько предшествующих событий, а лишь систему как целую. То есть сама возможность и специфика событий, включенных в темпоральную систему, определяется только и исключительно системой как целой, а не каким-либо ее элементом. И понятно, что причина формирования самой системы (опыта с собакой), а следовательно, и причина каждого события в этой системе (загорание лампочки, выделение слюны и т.д.) лежат вне самой темпоральной системы «процесс пищеварения».

Время и причинные отношения

В классической (не темпоральной) парадигме причина и следствие имеют жесткие и однозначные хрональные отношения: причина во времени предшествует следствию. Однако в рассуждениях о *системах-действиях* мы уже столкнулись с нарушением этого детерминистского догмата – в качестве причины формирования системы, а следовательно, и всех включенных в нее событий было указано *событие-результат*. Попробуем разобраться со взаимоотношениями времени и причинности в темпоральной концепции.

Утверждение об обязательном предшествовании причины следствию, основано на том, что действительность анализируется только на уровне процессов. Субъект произвольно выбирает в *процессе* (темпоральной системе низшего ранга) значимое для себя событие, называет его *следствием* и анализирует: без какого другого события не реализовалось бы это следствие? Естественно, он указывает на одно из предшествующих событий в процессе, причем делает это довольно произвольно – исходя из своих субъективных предпочтений. При этом он резонно замечает, что если бы события, выбранного им в качестве причины, не произошло, то и следствие не состоялось бы. Хотя понятно, что такой подход не имеет ничего общего с «причинностью» – перед нами банальная проблема целостности системы, в данном случае темпоральной системы-процесса: изъятие любого элемента из системы приводит к ее уничтожению. Среди всех предшествующих *следствию* событий процесса нет выделенного, на который можно однозначно указать как на *причину*.

Если вообще не выделять из системы-процесс ни одного события и задаться вопросом о существовании общей для них причины, то ответ напрашивается сам собой: причиной каждого события процесса – тем, без чего они не проявились как таковые, – является сама система. Тут полная аналогия с пространственными системами: изъятие элемента из пространственной структуры, скажем, кристалла или грузовика, разрушит эти системы, но

на этом основании мы не делаем вывода, что изъятый атом или карбюратор были «причиной» системы и других ее элементов.

Как показали приведенные рассуждения, классический догмат предшествования причины следствию связан с плоским, не темпоральным видением Мира. И при обсуждении причинно-следственных отношений корректнее отказаться от обращения к хрональному описанию. На мой взгляд, вполне достаточно следующего понимания: *причина есть нечто, без чего невозможна реализация события-следствия*. Если, исходя из этого определения, мы анализируем отношения отдельных событий внутри процессов, то автоматически получаем классический вывод о предшествовании причины: убрали одно событие – не наступили все последующие. Но если рассматривать процесс целиком, как темпоральную систему, причинно-следственные отношения между событиями выглядят уже не столь однозначно.

Системообразующий фактор как причина

Все еще больше усложняется, когда мы начинаем рассматривать темпоральные системы высших рангов: *действия* и *деятельности*. В общем случае, как и при анализе процесса, можно говорить, что причиной каждого события в этих темпоральных системах, то есть причиной каждого их элемента, является сама система, а не какой-либо другой ее элемент. Однако, если все же ставить вопрос о причине некоего указанного (выбранного) события в этих системах, то звучать он должен так: без какого события (причины) невозможна реализация указанного события (следствия). Вот тут-то и всплывает существенное отличие темпоральных системы-действия или системы-деятельности от системы-процесса: в действии и в деятельности «выбивание» некоторого события из системы не разрушает ее, как было в случае с процессом. Все это наглядно можно показать на примере вариативности поведения животных и человека – одно и то же действие может быть выполнено неконечным числом вариантов, и прерывание некоего процесса в действии не ведет к однозначному прекращению последнего, а чаще вызывает дополнительные процессы, замещающие выбывший.

Есть только одно событие в действии, с изъятием которого система-действие тут же разрушается (прекращается) – это системообразующий фактор действия, *результат* (можно сказать, планируемый результат). Ну, понятно, если животное или человек хочет чем-то обладать, то *событие-результат* приобретения этого нечто формирует систему-действие, которая будет реализовываться всеми доступными способами, но мгновенно прекратится при исключении события-результата. Это может произойти либо при пропадании желаемого нечто, либо при появлении нового события-результата (рядом показалась самка), формирующего новую систему-действие. Следо-

вательно, исходя из принятого определения причины, на поставленный вопрос о причине какого-либо события в системе-действие (то есть при вопрошании о событии, без которого принципиально невозможно осуществление *события-следствия*), нам следует ответить, что таковой причиной является только и исключительно *событие-результат действия*. Для *системы-деятельности* такой причиной является ее системообразующий фактор *цель*. Итак, *результат* и *цель* как системообразующие факторы систем *действие* и *деятельность* являются причинами образования этих систем, а для каждого отдельного события в системах причиной является сама система.

Причинность в системе-действии

Попробую пояснить особенности понимания причинно-следственных отношений в темпоральной концепции. К примеру, в сложной многоходовой футбольной атаке, закончившейся взятием ворот, трудно выделить единую детерминированную последовательность событий, приведшую к голу. Хотя, казалось бы, чего проще: надо лишь отследить переходы мяча от игрока к игроку, вот тебе и причинно-следственная цепочка. Все было бы просто, как с шарами на бильярдном столе, если бы на ситуацию не влияли все игроки на поле. Вполне вероятно, что существеннейшую роль в успешной атаке сыграл футболист, даже не коснувшийся мяча, а умело уведший за собой защитников. Хотя тут, как и во множестве сложных игровых и житейских ситуаций, каждый участник и наблюдатель склонен выделять свою причинно-следственную цепочку, приведшую к полученному результату, которая ему кажется наиболее естественной, правдоподобной. И чаще всего среди всех логичных и вполне причинно обусловленных описаний ситуации нельзя выделить единственно верное, а точнее, никогда нельзя – потому что такового попросту нет: рассматриваемая система-действие состоит из множества более или менее явных элементов-процессов, ни один из которых не определяет полностью ее специфику. Можно лишь сказать, что событие-результат (гол) состоялось, поскольку все процессы (движения всех игроков) были детерминированы этим событием. Любой же из вариантов причинно-следственного описания системы-действия есть лишь одна из возможных ее хрональных проекций – цепочка произвольно выбранных событий. Видимость причинно-следственной зависимости событий в выделенной цепочке обусловлена лишь их однозначной последовательностью во времени и ощущением, что, если бы хоть одно из указанных событий не произошло, не было бы и результата. Но этот вывод делается апостериори, после того, как атака уже завершилась голом. А ведь могло быть неконечное число вариантов ее успешного или неуспешного развития. И ни в одном случае нельзя указать однозначную причинно-следственную цепочку, приведшую к результату (ну если только это не сольный проход

от своих ворот – но и в этом случае есть ведь еще ошибки соперников). Сформировавшаяся система-действие «голевая атака» необходимо включает в себя все элементарные события на футбольном стадионе (а возможно и не только на нем – ведь есть еще личная жизнь футболистов, тренировка и т.д.), то есть является в буквальном смысле сложной распределенной во времени иерархической системой.

Причина позже следствия

Следует обратить особое внимание на то, что, говоря о причинности событий, составляющих *систему-процесс*, в качестве причины мы не могли указать какое-либо конкретное событие – лишь *систему-процесс* в целом. В системе-действие же обязательно есть выделенное событие – *результат*, – определяющее специфику всей системы, а следовательно, и всех ее элементов. Действительно, *система-действие* «голевая атака» не сформировалась бы, если бы не было события «гол». Тут важно не то, что в конечном счете мяч влетел в ворота, а то, что еще до этого завершающего момента все процессы в системе (все передвижения игроков) были нацелены на это событие, что специфика каждого элементарного события определялась (детерминировалась) еще не совершенным результатом. Следовательно, мы

...Впитанная с молоком матери вера в безраздельное господство причинности создает трудности разуму и заставляет его сделать вывод о немыслимости даже самой возможности существования беспричинных событий. Но если они действительно существуют, то мы должны рассматривать их, как творческие деяния, как непрерывное сотворение схемы, извечно существующей, спорадически повторяющейся и не имеющей никаких видимых источников.

...«Смысловое совпадение» или эквивалентность психического и физического состояний, между которыми не существует никакой причинной связи, – это, говоря общими словами, модальность без причины, «акаузальная упорядоченность».

...Когда мы размышляем над более широкой концепцией синхронистичности, как «акаузальной упорядоченности». Под эту категорию подпадают все «акты творения».

...Формы психической упорядоченности являются актами творения во времени. Кстати, именно поэтому я выделил элемент времени, как характерную черту этих феноменов, и назвал их синхронистическими.

Юнг, «Синхронистичность: акаузальный связующий принцип»

вправе сказать, что в *системе-действии* можно выделить *единичное событие*, служащее причиной всех входящих в нее событий, и это событие не предшествует всем событиям системы, а является хронологически последним. То есть налицо явное нарушение традиционной детерминистской логики – *причина* предшествует *следствию*. Обычно такое утверждение вызывает протест, но формально-логически с ним можно смириться, если обратить внимание на то, что *события*, составляющие процессы, входящие в систему-действие, и *событие-результат* принципиально невозможно встроить в один причинно-следственный (в традиционном детерминистском понимании) ряд, они относятся к различным темпорально-иерархическим уровням – *событие-результат* не является обязательным событием ни одного из процессов, составляющих действие.

Конечно, в том, что в предшествовании следствия причине видится противоречие, «виноват» сам детерминизм, сводящий все отношения между событиями к причинно-следственным. Ведь выделение результата в качестве причины всех событий действия связано с неумным желанием найти *событие* (именно единичное событие), определяющее все другие, без которого они не состоялись бы – эдакую исчерпывающую причину. И на некорректно поставленный вопрос, порожденный плоским, одноуровневым мышлением, мы получаем некорректный ответ: такой причиной может быть лишь событие, завершающее (но и побуждающее) действие – его *результат*. Тогда мы будем вынуждены предположить, что события, в принципе, находятся друг с другом, с одной стороны, в причинно-следственной связи, а с другой – в некоей смысловой перекрестной связи.

О нисходящих причинных связях можно говорить в тех случаях, когда структура более высокого порядка действует причинным образом на свою подструктуру. Трудность понимания нисходящей причинности состоит в следующем. Мы думаем, что можем понять, как подструктуры некоторой системы сообща воздействуют на систему в целом, то есть мы думаем, что понимаем причинность, действующую снизу вверх. Однако обратный процесс очень трудно себе представить, потому что подструктуры, по-видимому, и так взаимодействуют между собой, и для воздействий, идущих сверху, не остается места. Отсюда возникает эвристическое требование объяснять все в терминах молекул или других элементарных частиц (это требование иногда называют «редукционизмом»).

Поппер, «Естественный отбор и возникновение разума»

Классическая причинность как хронологическая последовательность

Итак, получается, что выделение нами причинно-следственных цепочек событий свидетельствует лишь о принадлежности этих событий одной темпоральной системе. Воспринимаемая нами причинно-следственная связь последовательных событий есть лишь внешняя фиксация распределенной во времени структуры этой системы, элементы которой (события) никак не детерминируют друг друга. Иллюзия последовательной во времени причинности в темпоральных системах возникает из-за элементарной ошибки в рассуждениях, как в известном анекдоте: если таракану оторвать все лапки, он теряет слух, ведь сколько ни кричи ему «беги» – он остается на месте. Аналогично, когда мы замечаем, что после изъятия одного из элементов темпоральной системы (скажем, какого-либо события из процесса, или результата из деятельности) дальнейшие события не наступают, мы заключаем, что изъятое событие является причиной всех последующих. Хотя понятно, что, удалив один из элементов системы, мы попросту ее разрушили. Ведь если в логически подобной ситуации с пространственными системами мы видим, что после изъятия одного из элементов (к примеру, атома из кристаллической решетки или игрока с футбольного поля) разрушается вся система, мы же не делаем вывод, что изъятый элемент был причиной других элементов.

Следовательно, наблюдая некую повторяющуюся последовательность событий – когда за одним событием всегда наступает другое конкретное событие, – мы всего лишь наблюдаем темпоральную систему-процесс с вполне фиксированной темпоральной структурой. Если же говорить о причинно-следственных связях, то в качестве *следствия* здесь надо указать именно

О нисходящих причинных связях можно говорить в тех случаях, когда структура более высокого порядка действует причинным образом на свою подструктуру. Трудность понимания нисходящей причинности состоит в следующем. Мы думаем, что можем понять, как подструктуры некоторой системы сообща воздействуют на систему в целом, то есть мы думаем, что понимаем причинность, действующую снизу вверх. Однако обратный процесс очень трудно себе представить, потому что подструктуры, по-видимому, и так взаимодействуют между собой, и для воздействий, идущих сверху, не остается места. Отсюда возникает эвристическое требование объяснять все в терминах молекул или других элементарных частиц (это требование иногда называют «редукционизмом»).

Поппер, «Естественный отбор и возникновение разума»

саму повторяющуюся последовательность событий (структуру), а в качестве *причины* – темпоральную систему как целостный объект. То есть *причинно-следственные связи не хрональны, а всегда темпорально-иерархичны*. Причиной событий капанья слюны, выделения желудочного сока и даже загорания лампочки является система «условный рефлекс», а причиной наличия самой системы рефлекса – темпоральная система «биологический организм» и т.д. по темпоральной иерархии до абсолютной системы «Мир», а не по хрональной последовательности, направленной к гипотетическому моменту времени $t=0$.

Такое *темпорально-иерархичное* понимание причинности и следует ассоциировать с *нисходящей причинностью* (детерминацией событий некоторого онтологического уровня вышестоящими уровнями), противопоставляемой *восходящей причинности* (линейной причинности, уводящей к мифической первопричине).

Дурная бесконечность причинно-следственных цепочек

Трактовка детерминизма как хронального (временно последовательно-го) отображения структуры темпоральной системы ничуть не принижает значения причинно-следственного анализа как одного из познавательных концептов. Темпоральный подход лишь обозначает границу линейной причинно-следственной логики: ее безусловный приоритет, ее достоверность заканчивается на описании простых процессов, чьи элементы образуют однозначную хрональную последовательность. Таким образом, пока мы говорим о последовательности соударений шаров или о ходе химической реакции, нам нет необходимости усложнять себе жизнь рассуждениями о темпоральной иерархии. Единственная сложность возникает при продлении процессов в прошлое – когда мы осознаем *кошмар дурной бесконечности* причинно-следственной цепочки, невозможность найти *первопричину*. Но эта проблема в классической парадигме игнорируется, ведь как в быту, так и в науке нас обычно интересуют небольшие по хрональности фрагменты процессов, описание которых вполне можно делать на языке классического детерминизма.

При рассмотрении темпоральных систем и их иерархии кошмар дурной бесконечности причинно-следственной цепочки благополучно снимается. В темпоральном анализе вообще отсутствует понятие причинно-следственной связи между последовательными событиями – все события процесса являются следствием существования самой системы-процесс и не детерминируют друг друга. А на вопрос о причине самой системы-процесса ответ дается, исходя из представления о *нисходящей причинности*: причиной формирования и поддержания процесса является система-действие, включающая в себя

этот процесс. Ведь ясно, что при анализе конкретной пробежки футболиста по полю во время атаки нам и в голову не придет в поисках причины некоего события в этой системе-процессе (скажем, события завершающего удара) последовательно отслеживая все движения игрока от его первого младенческого шага. Мы понимаем, что причиной (и смыслом) события «удар», как и каждого шага в пробежке, была система-процесс; причиной же и начала, и завершения процесса являлась вышестоящая по иерархии система-действие «голевая атака», а не хронально предшествующая история игрока. Так, скажем, причиной клеточных событий, приводящих к сокращению мышц гепарда, догоняющего лань, являются не предыдущие сокращения мышцы, когда он брел к водою, а текущее действие «погоня».

Вариативность действия

Невозможность выделения в системе-действие какой-либо однозначной причинно-следственной цепочки становится очевидной не только при попытке детерминированно описать уже закончившееся результатом действие, но и при анализе формирования системы. В отличие от процесса, где набор и последовательность элементов-событий обычно строго определены, действие принципиально не имеет фиксированной структуры. Сама нацеленность на результат подразумевает *возможность и необходимость достижения его всеми доступными способами* за счет включения в систему различных элементов-процессов и гибкой подгонки их друг к другу. Речь идет не только о вариативности действия под влиянием изменившихся внешних обстоятельств (травмирован ведущий игрок команды, во время матча пошел дождь), но и о перманентной непредсказуемой изменчивости и взаимозаменяемости процессов в ходе движения системы-действия к результату. По сути, речь идет об одном: о невозможности описать действие, направленное на достижение результата как линейную последовательность причинно-следственных событий.

Кошмар случайности первопричины

С признанием невозможности сведения системы-действия к однозначной цепочке причинно-следственных событий, а также необходимости вариативности в формировании действия устранился второй кошмар классического линейного детерминизма: *фаталистическая зависимость будущего от случайных событий в прошлом*. (Первый кошмар – бесконечность поиска первопричины – устранился с введением понятия *нисходящая причинность*.) Действительно, в рамках классических представлений выпадение одного мелкого события из детерминированной последовательности может (и по логике должно) привести к глобальным изменени-

ям в будущем. Однако, если принять, что наш Мир не плоский, что его структура не исчерпывается линейным потоком событий, а реализуется как сложное пересечение темпоральных систем различных уровней, то картина не выглядит столь удручающей. Мы уже пришли к выводу, что содержание системы-действие не только не зависит от случайных изменений ее элементов, но и необходимо подразумевает их вариативность как условие достижения результата. Следовательно, если движение Мира не сводится к однообразным цепочкам причин и следствий, а является результатом сложных отношений между темпоральными системами разных уровней иерархии, то вариации событий в системах-действиях следует рассматривать как необходимое условие реализации результата, а вариации

...Синхронистичность в пространстве с таким же успехом может пониматься, как восприятие во времени, однако примечательно то, что «синхронистичность» во времени нелегко понять в качестве пространственной, потому что мы не можем себе представить какое-либо пространство, в котором объективно присутствуют будущие события, которые могут ощущаться как таковые, посредством уменьшения этого пространственного расстояния. Но поскольку опыт показал, что при определенных условиях пространство и время могут быть сведены почти что к нулю, то причинность исчезает вместе с ними, поскольку причинность связана с существованием пространства и времени, а также с физическими изменениями, и заключается, в принципе, в последовательности причины и следствия. Поэтому синхронистические феномены, в принципе, не могут быть связаны ни с какими концепциями причинности. Стало быть, взаимосвязь «совпадающих по смыслу факторов» обязательно должна восприниматься, как акаузальная.

...Как может отдаленное во времени и пространстве событие создать соответствующий психический образ, когда передача необходимой для этого энергии вообще не укладывается в нашей голове? Тем не менее, каким бы непостижимым это не казалось мы, в конце концов, вынуждены предположить, что в бессознательном существует что-то вроде априорного знания или «непосредственности» событий, у которых отсутствует какая бы то ни было причинная основа. В любом случае, наша концепция причинности не годится для объяснения этих фактов.

Юнг, «Синхронистичность: акаузальный связующий принцип»

ции результатов действий – как необходимое условие движения к цели деятельности. Можно сказать так: настоящий детерминизм, трактуемый как закономерность движения Мира, становится понятен лишь при отрицании линейной причинно-следственной логики, буксующей уже на уровне чуть выше описания столкновения бильярдных шаров.

Одноуровневость линейного детерминизма

Или же можно сказать так: причинно-следственное описание, сводящееся к хрональному описанию последовательности событий, возможно только в пределах фиксированного уровня – на уровне либо переходов в процессе, либо цепочки результатов действий, либо последовательности целей деятельности. То есть возможно показать, что некий переход в процессе есть причина другого перехода, что достижение результата действия необходимо вызывает ожидание другого результата, что реализация деятельности порождает новую цель, но принципиально невозможно установить причинно-следственные связи между переходами и результатами действия, результатами и целями, то есть свести Мир к линейному одноуровневому детерминизму. Некорректно говорить, что какое-либо событие в процессе или множество событий в процессах, объединенных в действие, являются причиной результата действия; или что некоторые промежуточные результаты действий, составляющих систему-деятельность, можно рассматривать как причину цели.

Поясню последнюю мысль опять же на футбольном примере. Элементы-переходы процесса бега футболиста вполне причинно связаны: после шага левой ногой обязательно следует шаг правой. Или после удара мяч обязательно полетит в сторону направления удара. Вроде бы все согласуется с традиционным представлением о хрональной последовательности причинно-следственных связей. Но если взять все цепочки передвижений и ударов футболистов, участвовавших в атаке, то эти события принципиально невозможно выстроить в единую причинно-следственную цепочку, завершившуюся событием «гол». Здесь, как уже обсуждалось, картина обратная: именно событие-результат системы «голевая атака» детерминирует все отдельные события на уровне передвижения футболистов, выстраивает их в процессы,

Тональ не знал, что решение находится в царстве нагуаля. Принимая решение, мы только признаем, что нечто вне нашего понимания установило рамки нашего так называемого решения, и мы просто идем туда.

Карлос Кастанеда, «Сказки о силе»

переплетает множество процессов так, чтобы они все сошлись в одной точке-результате.

Однако на следующем уровне, на уровне последовательности результатов действий, опять наблюдается однозначный детерминизм: после попадания в сетку ворот мяч обязательно будет поставлен на отметку центра поля, и начнется новая атака, но уже противника. Однако и тут понятно, что последовательность этих результатов действий не определяет цель футбола как деятельности. Все опять наоборот: именно система-деятельность «футбол», через установление правил игры, детерминирует последовательность событий результатов (гол – мяч в центр).

Следовательно, при описании темпоральных систем принципиально некорректно использовать причинно-следственную логику, вгоняющую отношения элементов-событий в прокрустово ложе линейной хрональной детерминированности. Безусловно, явления нашей действительности не могут представляться в сознании иначе, чем хронологическая последовательность событий, но из факта очевидности этой последовательности вовсе не следует делать вывод о причинной обусловленности событий. Логичнее заключить, что в силу плоскостности, одноуровневости нашего сознания мы непосредственно не воспринимаем, не видим вертикальные связи между темпоральными уровнями, не видим действие нисходящей причинности – лишь, как зрители на стадионе, отслеживаем взглядом траекторию перемещения мяча, не видя всей системы в целом.

Все события в жизни человека находятся в двух фундаментально отличающихся друг от друга типах связи: первый тип – объективная причинная связь природного процесса; второй тип – субъективная связь, которая существует только для ощущающего ее индивида и которая, стало быть, так же субъективна, как и его сновидения... Эти два типа связи существуют одновременно, и одно и то же событие, хотя и является звеном двух абсолютно разных цепей, тем не менее подчиняется и тому, и другому типу, так что судьба одного индивида неизменно соответствует судьбе другого, и каждый индивид является героем своей собственной пьесы, одновременно с этим играя и в пьесе другого автора – это недоступно нашему пониманию и может быть признано возможным только на основании убежденности в существовании заранее установленной удивительной гармонии.

Шопенгауэр, «Об очевидном узоре в судьбе человека»

Иерархия темпоральных систем и детерминизм

В ходе рассуждений об иерархии темпоральных систем я не обратил ваше внимание на один интересный и сложный для восприятия момент: принцип вложенности систем друг в друга. Вроде бы, на первый взгляд все тривиально: элементами процесса являются события переходов, сами процессы составляют действия, которые являются элементами систем-деятельностей, объединяемых творящей системой. Практически как в матрешечной пространственной иерархии: молекулы состоят из атомов, живые клетки из молекул и т.д. – бóльшая по пространственным размерам система включает в себя меньшие. Но вот тут-то и возникает проблема – если с вложенностью меньшего в большее в пространстве все просто, то как же нам представить аналогичную встроенность в случае с темпоральными системами? По сути, констатация вложенности темпоральных систем означает, что система-действие «большее», протяженнее во времени, чем включенные в нее процессы, а система-деятельность еще «большее». И понятно, что это «большее» распространено не только в прошлое, а и в будущее относительно *сейчас*. То есть система «голевая атака» распределена во времени и в прошлое, и в будущее относительно *сейчас* единичного паса, а футбольная деятельность – относительно атаки.

Ну, что система-действие «голевая атака» (от начала до попадания мяча в ворота) «шире» во времени, чем отдельный пас – это как-то понятно. Но вот что система-деятельность, определяющая включенные в нее действия, уже существует до начала первого из них – это уже трудно воспринять классическими мозгами: ведь получается, что система уже есть, а элементов еще нет.

С этими проблемами мы попытаемся разобраться позже, а пока хотелось бы отметить: именно представление, что каждая высшая по иерархии темпоральная система хронально «шире» низшей, позволяет нам обосновать при-

Энтелехия ... – отрицание экстенсивности, чистая интензивность. Но мы должны пойти дальше и сказать, что понятие причинности в том виде, как мы его применяем к материи, неприменимо к энтелехии.

Непространственный фактор как энтелехия не может, конечно, иметь определенного места в пространстве, так сказать, в определенном месте организма... для энтелехии не существует никакого образного представления. То, что непространственно по существу, недоступно изображению в образах пространственного характера.

Дриш, «Витализм. Его история и система»

чинное влияние будущего на настоящее. Ведь действительно, констатируя нисходящую причинность, то есть влияние вышестоящей системы на нижестоящую, мы вынуждены признать, что вышестоящая система, распростертая во времени дальше в будущее, чем ее элементы, детерминирует не столько из прошлого, сколько из будущего. К примеру, на этом основано действие сознания – оно темпорально шире биологических и физических объектов и поэтому может, прогнозируя их поведение, как бы «из будущего» детерминировать их изменение. Скажем, именно потому, что сознание вратаря темпорально шире системы «летающий мяч + ворота», он может в прыжке изменить будущее этой системы – предотвратить гол. Вот вам и простой пример нисходящей причинности или детерминации из будущего. А все потому, что *сейчас* мяча с воротами *уже*, чем *сейчас* сознания человека.

Философское обобщение

В классической (не темпоральной) парадигме Мир рисуется плоским во времени, а такая картинка неизбежно порождает представление, что каждое событие может быть связано только с непосредственно предшествующим и непосредственно последующим событиями, и такие линейные связи принято называть причинно-следственными. Каждое событие описывается как следствие предыдущего и причина последующего. В такой логике вполне очевиден вывод, что причина всего явленного находится в прошлом, а будущее причинно пусто. В современной парадигме будущее лишь «наполняется» из прошлого как пустота перед потоком настоящего, несущегося по трубе времени.

А если представить, что темпоральные системы образуют вложенную иерархию (по типу вложенной пространственной иерархии: клетки из молекул, молекулы из атомов и т.д.), но не в пространстве, а во времени, то мно-

... Да, каждая единичная, частная вещь как бы имеет свой собственный, неповторимо звучащий голос, и, однако, все эти вместе звучащие голоса не создают какофонии, которая выразилась бы в хаосе и разрухе, но наоборот, образуют стройный и слаженный хор. И это происходит не потому, что само наше мироздание разумно, но потому, что оно причастно разумной Душе и Уму. Наш мир – место встречи необходимости и божественного Промысла, причем необходимость правит всем низшим и бессмысленным, Промысел же правит ею самой.

Плотин, «Эннеады»

гое предстает совсем по-другому. Мир приобретает «объем» во времени, становится многослойным, со сложными межуровневыми отношениями.

Субъект в таком мире находится внутри объема, внутри потока. Причем сам субъект, будучи темпоральным, должен рассматриваться не как точечный, а как протяженный в этом потоке. И естественно, объекты, обладающие большей темпоральностью, большей протяженностью во времени, в настоящем субъекта, в его точке *сейчас* находятся уже в будущем относительно него. Субъект со своим *сейчас* не фронт, не передовой край потока времени, а лишь протяженный фрагмент потока.

С введением понятия иерархии темпоральных систем целеполагание из будущего становится вполне очевидным. Наверное, следует признать, что и в наше время существуют здравосмысленные предрассудки типа «земля плоская», «солнце вращается вокруг земли», «тяжелое падает быстрее, чем легкое» и пр. и что наши представления о причинно-следственной связи – «причина предшествует следствию» – именно такого рода. И тут возражение типа «это противоречит нашему опыту» не принимается: утверждение «земля круглая» еще как противоречит нашему опыту – просто горизонты опыта могут расширяться. Невозможно опровергнуть темпоральную концепцию доводами классического детерминизма, как невозможно поставить под сомнение круглость земли, указывая пальцем на плоскость футбольного поля, или отрицать квантовую механику аргументами из классической.

Важно подчеркнуть, что темпоральная концепция не отрицает возможность и продуктивность описания множества объектов с использованием классических детерминистских схем. Она лишь обозначает границы классического подхода, показывает, что, строго следуя традиционной причинно-следственной логике (классической каузальности), невозможно и близко подойти к пониманию многих феноменов, прежде всего – эволюционных.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Рассмотрев миры, приобретенные действиями,
пусть брахман достигнет безразличия – не бывает
несотворенного благодаря сотворенному.

«Мундака-упанишада»

Постановка проблемы эволюционных новаций

Понятие «темпоральные системы» я впервые ввел в книге «Новации», где они еще назывались *распределенными во времени*. Необходимость этого шага была продиктована развитием некоторых идей в русле эволюционной парадигмы. Попробую кратко воспроизвести логику, приведшую к появлению концепции темпоральных систем.

Исходное положение эволюционной парадигмы формулируется просто: для любого объекта возможно указать точку на исторической шкале времени, когда этого объекта не существовало. Событие первого появления объекта я стал называть *новационным событием*, а сам объект – *новацией*. Термин «новация» был введен для того, чтобы исключить неоднозначность использования понятия «эволюция», которым зачастую обозначают развитие, никак не связанное с возникновением нечто принципиально нового, или даже любое движение. Итак, в моей терминологии эволюция – это последовательная цепочка *новаций*. Все остальное, что в некоторых сферах называют этим словом и что не связано с появлением принципиально нового – эволюция конкретной химической реакции, эволюция космологических объектов, эволюция организма, – можно обозначить словами «изменение» и «развитие» (появление нового *у* и *для* конкретного объекта, но не нового вообще).

Проблема эволюции – это, по сути, проблема перехода от простого к сложному, проблема формирования систем нового уровня, принципиально отличающихся от ранее существовавших. Как свободные молекулы смогли собраться в клетку? Как сформировались новые организменные системы? Откуда берутся новые изобретения, научные теории, произведения искусства? Вот вопросы, на которые должна давать ответы любая теория эволюции.

В рамках традиционного классического научного подхода решение проблемы *новации* заключается в поиске причинно-следственной связи между старым и новым. Задача считалась бы решенной, если бы мы описали, *как некий существующий объект, пройдя через череду последовательных во времени детерминированных состояний, трансформируется в новый, ранее не существовавший объект*. Но ответ в такой формулировке так и не появился. Проблема даже не в том, что мы не обладаем научным формализмом для описания таких последовательных трансформаций. И даже не в том, что такой формализм в рамках классического детерминизма, основанного на формальной логике, невозможен: нельзя из существующего путем логических операций вывести несуществующее. Главная проблема детерминистского подхода к описанию эволюционных событий в том, что такой постепенной трансформации – через цепочку причинно-зависимых последовательных состояний – мы не наблюдаем эмпирически.

Эволюционно-новационное событие, то есть появление в Мире принципиально нового объекта, всегда выглядит как спонтанное, то есть причинно не обусловленное предыдущими событиями, как формирование новой целостной системы. Новационный объект никогда не формируется путем постепенного преобразования, пошагового изменения уже существующих объектов. В биологии этот факт зафиксирован в виде проблемы отсутствия промежуточных форм. Можно сказать, что эволюционные новации – живая

клетка, многоклеточный организм, социальные институты, технические устройства, произведения искусства, научные теории и т.п. – возникают практически мгновенно по сравнению со временем их последующего стабильного существования.

Еще более важным моментом новационного события является то, что новая система появляется сразу функционально полноценной – изначально «пригодной к употреблению» и уже согласованной с существующими. Это касается как биологических организмов и их органов, так и изобретений, произведений искусства, теорий. Безусловно, существует период подгонки, притирки новации, но мы никогда не сталкиваемся с ситуацией длительного существования *недосистем*, с наличием нечто такого, что пока еще кажется совершенно непонятым и ненужным и что только впоследствии, в ходе последовательной адаптивной эволюции приобретет черты новации. Представьте, вы спрашиваете «а что это?» – а вам отвечают «да так, сами еще не знаем, но уверены, что в результате естественного отбора оно скоро превратится в полезное новшество».

Появление новации невозможно представить как переделку ранее существовавшего объекта. Новый орган не возникает в результате медленной перестройки уже существующих органов. Речь, конечно, идет о системных, а не адаптивных, приспособительных изменениях биологического организма. Да, действительно, приспособление может быть медленным и явным – конечности постепенно трансформируются в лапы, копыта. Но ведь это и не эволюция, а деградация. А вот возникновение, скажем, иммунной системы, теплокровности разве можно представить как медленное преобразование ранее существовавших организменных систем? Так и появление, скажем, электродвигателя нельзя помыслить как результат постепенной модификации двигателя внутреннего сгорания – электродвигатель вообще не является модификацией хоть чего-то. Ну и понятно, что любые творческие (научные и художественные) новации человека возникают «из ничего» и сразу в готовом виде. Уж точно не вследствие переделки существующих: новый стих, новая мелодия, новая теория никогда не являются результатом последовательной переработки, доработки предыдущих творений.

Чтобы понять, что в современной научной парадигме нет средств для описания эволюционно-новационных событий, совершенно не нужно обращаться к примерам из биологии, техники, научного и художественного творчества. Достаточно простых рассуждений, доступных для понимания любого школьника. Скажем, у нас есть теоретическое описание некоего объекта, некой системы, сделанное в рамках современной науки. Цель этого описания всегда сводится к решению конкретной задачи: исходя из знания параметров текущего состояния системы (и среды), рассчитать параметры

последующих состояний. Следовательно, само понятие «новация» принципиально не вписывается в такую схему: если мы констатируем появление в системе нечто принципиально нового, ранее не существовавшего, значит, это нечто не может быть решением уже существующего уравнения. Или по-другому: новационная система – это такая система, которой до определенного момента не было, а значит, не было и ее описания. Или так: система *до* своего новационного изменения и *после* появления в ней принципиально нового элемента – это, с точки зрения современной научной парадигмы, две разные системы, и никакие теории ранее существовавшей системы не годятся для описания состояния новой, более сложной.

Новации и классический детерминизм

Итак, классический детерминизм при попытке решения эволюционной проблемы столкнулся с серьезной преградой: проблема появления эволюционных новаций на его языке просто не формулируется. То есть проблему возникновения нового нельзя свести к решению традиционной для него задачи о причинно-следственной связи двух состояний некоторого объекта (системы). Ведь понятно, что сам факт однозначного выделения нами эволюционно-новационного события (скажем, появления новой научной теории) свидетельствует о том, что это событие (новая теория) не есть некое новое состояние уже существующего объекта (старой теории). Аналогично образование живой клетки невозможно описать как новое, пусть и специфическое, состояние ранее существовавшей химической (не биологической) системы. Ну и конечно, несерьезно представлять появление новой картины художника, как изменение состояния холста и красок, а новые поэтические строки – как трансформацию, скажем, одного из предыдущих стихотворений поэта.

Приведенные рассуждения лишь раскрывают смысл понятия *новация*, которую мы определили как нечто принципиально новое, ранее не существовавшее, а значит как то, что принципиально не могло образоваться путем постепенной трансформации некоего предшествовавшего объекта. В противном случае мы имели бы не дискретный ряд новаций, а непрерывный спектр плавно «перетекающих» друг в друга объектов. Скажем, животные с недоразвитыми органами непонятной функциональности, электродвигатели с поршнем, формулы научных законов с пропущенными членами.

Внутренняя логика новационной цепочки

Но, несмотря на то, что локально, при описании самого акта спонтанного появления новации, детерминизм не работает, у приверженцев классической идеологии есть вполне существенные основания верить в линейную причинность эволюционного движения. Ведь, действительно, если

мы рассматриваем новации последовательно, перед нами всегда предстанет вполне логичная, закономерная цепочка усложняющихся объектов – от первой клетки к приматам, от каменного топора к коллаидеру, от суждений здравого смысла к формулам квантовой механики. Понятно же, что теория относительности не могла возникнуть раньше электромагнитной теории Максвелла, а последняя раньше закона Кулона, компьютер не мог быть изобретен до телевизора, авангардизм в живописи не мог появиться прежде импрессионизма. То есть в последовательности новаций явно просматривается некоторая логика, закономерность, что вселяет надежду в приверженцев классического детерминизма: мол, если эту логику выявить, линейный детерминизм будет реабилитирован.

Цепочка новаций и причинность

Но вопрос следует поставить более точно: а возможно ли из факта видимой закономерности однозначных последовательностей новаций сделать вывод об их взаимной причинной обусловленности? Перед нами практически та же проблема детерминизма в потоке событий, которую мы уже обсуждали: свидетельствует ли хронологическая последовательность событий о наличии причинно-следственных связей между ними? Не имеем ли мы дело с рядами такого же типа, как последовательность нот в мелодии? Ведь возможно, как любая нота в мелодии не является причиной последующих нот при полном ощущении закономерной необходимости их последовательного звучания, так и любая новация в эволюционной цепочке не связана непосредственной причинностью ни с предыдущими, ни с последующими новациями, она лишь очередной аккорд в симфонии эволюции.

Новации и случайность

Но вернемся к обсуждению попыток разрешить эволюционную проблему в классической научной парадигме. В рамках традиционного детерминист-

Доминанта [есть] выражение исторической причинности в самом конкретном ее выражении, постепенной подготовке и накоплении факторов, в дальнейшем «взрывном» выявлении подготовленного события, в его кажущейся неожиданности и немотивированности текущими ближайшими раздражителями, в «роковом» привкусе, который получается при этом для созревшего и вырвавшегося наружу порядка событий...

Ухтомский, «Доминанта. Статьи разных лет»

ского мышления нашлось только одно приемлемое решение, позволяющее избежать казуса Творения – описать появление новаций как случайное событие, более того, как случайный сбой. Ведь действительно, если при традиционном описании каждое состояние биологического организма представляется как системно целостное (исчерпывается описанием его структуры), то в такой системе начисто исключается возможность *закономерного, predeterminedного прошлым системы* образования нового органа – он может появиться лишь случайно. Так и возникло представление о мутациях (макромутациях) генома как о причине появления биологических эволюционных новаций. По аналогии с биологией впоследствии были сформулированы варианты эволюционных эпистемологий, пытающихся показать, что появление *интеллектуальных новаций* тоже есть результат отбора случайных мыслей (повторю, обсуждаются не адаптивные изменения организма или подгонка уже существующей теории к конкретным условиям, а системные новации, то есть появление принципиально новых систем, новых теорий). Кстати, современные биологи, работающие в русле синтетической теории эволюции, отрицают принципиальное различие между адаптивными и системными новациями, то есть между изменениями, вызванными приспособлением к конкретным факторам среды (смена окраски, преобразование лап в ласты и т.д.), и появлением новых организменных систем. В синтетической теории эволюции системные новации предлагается понимать как предельное развитие адаптивных. Такой ход мыслей вполне понятен и оправдан в рамках традиционного детерминизма – таким образом удастся избежать упомянутого казуса Творения: причины адаптивных модификаций организма всегда ясны – приспособление к изменениям среды, ну а далее в силу случайных факторов адаптивные модификации как-то там преобразуются в системные. Вы спросите: а как именно? А биологи на чистом глазу ответят: это вопросы не к нам, а к естественному отбору.

Однако при детальном рассмотрении теории естественного отбора становится очевидно, что она не отвечает на поставленные вопросы о появлении эволюционных новаций. Ведь концепция отбора утверждает лишь, что из многих случайно возникших вариантов новых систем «выживает» одна, наиболее соответствующая текущим условиям. И ни слова о том, откуда берутся сами новые *варианты* – как они возникают и зачем. Представьте себе организм, в котором случайно образуются то одни, то другие новые системы, изначально явно не согласованные (поскольку случайные) с общей системой организма, и лишь одна из них в результате отбора оказывается для чего-то годной. Ведь речь идет не о малых вариациях при подгонке окраски под цвет местности или приспособлении конечностей для скакания по горам или плавания в воде, а о бессмысленном случайном формировании целых органов, чью полезность должен выявить отбор. В общем, концепция

отбора случайных усложнений лишь ставит дополнительные вопросы и не дает ни одного ответа, кроме «ну так случайно получилось»^{*}.

Эмерджентность и прочие номогенезы

Вообще, об ограниченности теории Дарвина известно давно. Уже свыше ста лет исследователи обращают внимание на недостаточность традиционных научных подходов для описания эволюционно-новационных событий. Остроту проблеме придает понимание, что вероятность случайного сбоя, в результате которого якобы должна появиться сложная система, стремится к нулю. Для решения проблемы предлагалось дополнить описание эволюционирующей системы различными телеологическими элементами, призванными придать новационному акту некую целесообразность, целенаправленность – одна за другой появлялись так называемые концепции номогенеза^{**} (Л. С. Берг, Н. И. Вавилов, А. А. Любищев, С. В. Мейен). До теорий эти «концепции» не дотягивали, поскольку целесообразность, в виде некой творческой силы, эмерджентности^{***}, энтелехии^{****}, вкладывалась в биологическую систему, как дополнительный элемент типа творческой (творящей) души. Тут уж одно из двух: либо теоретическое описание, либо проявление непроявленного духа.

Предлагаемый многими исследователями переход от структурного описания к процессуальному («все есть процесс») ничего не менял: концепции оставались в рамках традиционного описания через смену состояний. Все существующие теории эволюции представляли биологический организм в виде локализованной во времени и пространстве структуры, на которую никак не удавалось «навесить» биологические системные качества, а тем более пресловутые эмерджентность или энтелехию. Процессуальное мышление все равно оставалось в рамках линейно детерминистского и лишь намекало на то, что решение надо искать вне структурно-пространственного подхода.

* Более подробно о проблемах синтетической теории эволюции можно посмотреть в «Новациях», сужд. 143–162.

** Номогенез (от греч. *nomos* – закон и ...генез), эволюционная концепция о внутренней запрограммированности исторического развития живой природы... («Биологический энциклопедический словарь»).

*** Эмерджентность [*<* англ. *emergent* – неожиданно появляющийся] – наличие у системы свойств целостности, т. е. таких свойств, которые не присущи составляющим элементам; эмерджентность является одной из форм проявления принципа перехода количественных изменений в качественные; целостность. («Словарь иностранных слов»).

**** Энтелехия (от греч. *entelecheia* завершение, осуществленность) по Аристотелю, форма, которая осуществляется в веществе; активное начало, которое превращает сначала возможность в действительность, а последняя приводит существование возможности к завершению. («Философский энциклопедический словарь»).

Скрытая сложность

Для того, чтобы свести концы с концами, я решил допустить, что системная сложность объекта не исчерпывается пространственным положением его частей, что системные качества такого объекта, как биологический организм, не фиксируются в мгновенно данной структуре, что в том же биологическом организме существует большее системное содержание, лишь частично проявленное в его пространственной организации. Сделав такое допущение, можно предположить, что на некотором промежутке времени новация формируется в такой системе скрыто, то есть без проявления в пространственной (структурной) сложности. Тогда акт спонтанного возникновения пространственной структуры представляется как мгновенное преобразование неявной сложности в явную (пространственную) в момент достижения «скрытым содержанием» функциональной завершенности (избыточности).

Распределенные во времени системы

Ответ на вопрос «а где же может быть запрятана эта непроявленная в пространственной структуре сложность?» получался однозначным: во времени. Вот так и появилось представление *о распределенной во времени суще-*

«Произведения природы можно узнавать, только схватывая их в становлении». Задача труднейшая, ибо «люди, – продолжает он [Гете], – обладают вообще только понятием рядоположности и совместности, но не чувством внедрения и взаимопроникания».

...Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть хоть сколько-нибудь живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же подвижность и пластичность.

...Перворастение становится самым удивительным созданием в мире, из-за которого мне должна завидовать сама природа. С этой моделью и ключом к ней можно в дальнейшем до бесконечности изобретать растения, которые должны быть последовательными, именно: даже те из них, которые не существуют, смогли бы все-таки существовать, являясь не чем-то вроде живописных или поэтических теней и призраков, но имея внутреннюю правду и необходимость. Этот же закон можно будет применить ко всему живому.

...Настоящая символика, – говорит он, – там, где частное представляет всеобщее не как сон или тень, но как живое мгновенное откровение неисследимого.

Из К.А. Свасьян, «Философское мировоззрение Гёте»

ности объекта – то есть о темпоральной, не пространственной сложности. Мысль проста: если предполагаемая сложность объекта никак не втискивается в его пространственную оболочку, то объекту следует приписать еще одно измерение – объем во времени. Тем более разумно сделать это по отношению к биологическим объектам – не нужно особой наблюдательности, чтобы заметить принципиальную разницу между объектом «газ в сосуде» и объектом «бабочка»: вся сложность, все параметры первого представлены и могут быть измерены *здесь и сейчас*, в едином пространственном срезе, а для описания второго надо привести долгий перечень параметров, размазанных по времени цикла воспроизводства. Да еще понятно, что сугубо биологические качества объекта «бабочка» вообще невозможно прицепить к мгновенному состоянию ее тела: как ни анализируй все физические и химические качества организма в единомоментном пространственном срезе, прийти к заключению, что перед нами нечто живое, невозможно.

Преобразование темпоральной сложности в пространственную

Вот тут-то и появляется возможность описать новационный переход не как случайный сбой в причинно-следственной последовательности состояний пространственных структур, а как закономерное событие в темпоральной системе.

Как говорилось выше, в темпоральной концепции единовременный срез распределенной во времени системы – мгновенно явленная нам пространственная структура – не обладает системной полнотой и должна рассматриваться как частная реализация, ограниченная проекция целостной системы на пространственную плоскость. Более того, между отдельными проекциями, последовательными пространственно-структурными реализациями системы нет и не может быть причинно-следственных связей. Каждое мгновенное структурное воплощение темпоральной системы (скажем, пространственное отображение системы «бабочка» в виде структуры «куколка») не является ни следствием предыдущих («гусеница»), ни причиной последующих состояний («бабочка с крыльями»). Все они детерминированы исключительно сверху, то есть являются следствием существования темпоральной системы «бабочка». Тогда, если в этом ряду вдруг появится новая пространственная структура, *новация*, нам должно быть понятно, что (1) последняя не является следствием предыдущей структуры, и (2) в качестве источника новой сложности следует рассматривать именно темпоральную систему, как безусловную причину всех возможных пространственно-структурных реализаций.

Мы уже знаем, что содержание, структурная сложность темпоральной системы может никак не проявлять себя в виде пространственной структуры – достаточно вспомнить мелодию. Поэтому несложно предположить,

что таким структурно не явленным содержанием обладают и такие темпоральные системы, как биологический организм, популяция организмов, социальные образования. Если темпоральная составляющая сложной системы изменяется, то понятно, что до некоторого момента эти изменения могут не отражаться на ее пространственных воплощениях – внешне явленная структура системы остается неизменной. Однако при достижении некоторой избыточной темпоральной сложности происходит ее реализация в пространственном состоянии системы в виде *новационной структуры*, скажем, нового органа, новой теории, изобретения, произведения искусства. В этой идеологии появление новой организменной системы описывается уже не как случайный сбой, а как закономерная реализация уже существующих (темпорально) отношений в виде новой пространственной структуры. То есть можно сказать, что любому акту локализации функции в виде отдельного органа предшествует темпоральное существование этой функции, ее реализация в виде распределенной во времени сложности. Следовательно, используя терминологию темпоральных систем, новационный акт может быть описан, как *спонтанная реализация, отображение, редукция распределенной во времени, темпоральной сложности в пространственную*.

Идея и творчество

Описанная схема реализации темпоральной сложности в пространственную вполне соответствует нашим представлениям о творчестве: автор ощущает накопление некоего непроявленного содержания, которое потом спонтанно реализуется в виде новой структуры – формулы, текста, картины и пр. Упомянутую «непроявленность» и в этом случае следует понимать буквально, как наличие темпоральной, распределенной во времени сложности, не зафиксированной в пространственных структурах – сложности, которую можно ощутить, но на которую нельзя указать пальцем.

Помните, в начале этой главы, при постановке вопроса о возможности существования у объектов «толщины» во времени, я упомянул об идее как об объекте, не представленном в пространстве? Теперь, в терминологии темпоральной парадигмы, мы можем терминологически строго объяснить, что стоит за расхожим выражением «воплотить идею в жизнь» – оно означает *перевести сложность сугубо темпорального объекта в пространственную сложность*.

Мы не сомневаемся в том, что *идея* – содержание нового открытия, нового произведения искусства – существует еще до момента своей реализации, до воплощения в конкретных продуктах творчества. Просто не знаем, в виде чего и где она существует, не можем указать на нее. А не можем по той же простой причине, по которой не можем показать, в какой точке пространства существует мелодия – темпоральное содержание идеи до своего

«воплощения в жизнь» существует в распределенном во времени виде. По сути, новационный акт представляет собой не появление нечто «из ничего», а *переход (отображение) темпоральной сложности в пространственную.*

Также становится понятно, где искать эту эмерджентность, энтелихию, этот непроявленный дух, движущий эволюцию: вся эта пространственная непроявленность, на которую невозможно указать пальцем, запрятана в темпоральной сложности.

Появление биологической клетки как преобразование темпоральной сложности в пространственную

Для наглядности попробую продемонстрировать, как в терминологии темпоральных систем описываются новационные акты формирования живой клетки и многоклеточного организма.

Согласно предлагаемому подходу, живая клетка как целостный объект, обладающий всеми присущими ему качествами, является темпоральной

Ответ будет такой: конечно, для того, чтобы произвести чувственно-го коня, да и всякое другое животное, Ум должен иметь предварительно концепцию или эйдос этого животного, но из этого вовсе не следует, что в Уме прежде всего возникает желание создать коня, а потом уже он образует эйдос коня; напротив, ясно, что в Уме должен быть эйдос коня прежде, чем он пожелает создать коня, и что, следовательно, эйдос коня в Уме не следствие, но причина или основание для желания создать коня.

Другими словами, не рожденный конь предшествует коню, имеющему родиться, и так как первый конь предшествует происхождению чувственных коней и эйдос его вовсе не обусловлен предшествующим желанием создания или происхождения коней, то это значит, что Ум содержит в себе и эйдос коня, и все ноуменальные сущности вообще, вовсе не сообразуясь с судьбой чувственных вещей и вовсе не связываясь потребностью создать этот род вещей; эйдосы изначально существовали в Уме, а соответствующие им чувственные вещи произошли уже потом в силу естественной необходимости, ибо не мог же процесс происхождения остановиться на ноуменах. Что, спрашивается, могло бы остановить и задержать эту силу, которая в одинаковой степени способна и выступать из себя наружу, и пребывать в себе?!

Плотин, «Эннеады»

системой: множеством последовательных и параллельных химических процессов, зацикленных на периоде между отдельными делениями клетки и пространственно фиксированных в пределах клеточной мембраны. При этом каждый моментальный срез пространственной структуры клетки следует трактовать не как состояние полноценного пространственного объекта, а как частное отображение, единичную проекцию протяженной во времени, темпоральной системы.

В традиционной научной идеологии (не темпоральной), где системное содержание клетки исчерпывается описанием ее пространственной структуры (указанием набора молекул и принципов их взаимодействия), образование такого объекта представляется лишь актом случайной самосборки: счастливое стечение обстоятельств свело в одной луже несколько молекул, и они под воздействием землетрясения и ударов молний (видимо, испугавшись) удачно прижались друг к другу. Хотя это не только выглядит маловероятным, но и вызывает улыбку.

Темпоральная логика предлагает другую картину, суть которой достаточно проста: еще до реализации всей функциональной полноты клетки в едином пространственном объеме все задействованные процессы были «отработаны» как распределенные во времени. То есть следует предположить, что до новационного акта появления пространственно ограниченной клетки существовал сугубо темпоральный (без пространственной локализации) объект, включавший в себя всю последовательность реакций

Идея хронотопа в том, что событие не создается, не определяется сейчас пришедшими факторами, – последние приходят лишь затем, чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом. В сейчас только подытоживается то, что было и складывалось. Человеку странно и обидно думать, что это не он сейчас решает, что делать; но, всматриваясь в ход событий, он начинает понимать все более, что то, что решается сейчас, в действительности было предрешено задолго! Ничто прежнее не проходит бесследно. Сейчас все учитывается. Выявляется в действии то, что скрывалось внутри. Пришло время, чтобы обмакнулась трость изречения и подписала ту хартию, которая писалась давно: то, зачем ты пришел, – делай скорей. Предрешенное прежними событиями, но требующее созревания и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех выявиться, – вот хронотоп в бытии и доминанта в нас.

Ухтомский, «Доминанта. Статьи разных лет»

органического синтеза – по сути, та же клетка, но «размазанная» по времени, не локализованная в пространстве. Эта означает, что отдельные биохимические реакции во многом еще проходили последовательно, порождая и возобновляя друг друга, то есть изначально не образовывали единого цикла собственного *воспроизводства* с однозначно заданной точкой начала/конца. Естественно, эти взаимообусловленные циклы свободно (не синхронно) протекали в некой среде вне замкнутого объема. Увидев такую среду, мы заметили бы, что в ней проходят какие-то непрерывно возобновляющиеся органо-химические реакции. Проанализировав эти процессы, мы пришли бы к выводу, что их содержание, сущность не выходят за рамки химии – никакой биологии, никакой жизни. То есть мы не обнаружили бы никаких биологических свойств, вернее, никакого пространственного объекта, которому могли бы их приписать: не нашли бы самовоспроизводящихся, размножающихся организмов – объектов, порождающих себе подобных. Ведь для нас, привыкших мыслить структурами, живым является только нечто, имеющее «тело» (моментально данные пространственные границы).

Далее допустимо предположить, что ускорение во времени этой последовательности реакций вполне могло привести к абсолютному их заикливанью – у некой совокупности процессов появилась единая, фиксированная во времени точка начала/конца, которую мы ассоциируем с событием деления клетки. То есть изначально случайно, не синхронно повторяющаяся совокупность реакций органического синтеза стала регулярно однозначно воспроизводиться во времени, а следовательно, локализоваться в некоторой пространственной области. По сути, процесс формирования живой клетки

Последним основанием того многообразия в пространстве или во времени, которое мы наблюдаем в развитии организмов и в их «поступках», должен быть признан фактор, сам по себе лишенный экстенсивного многообразия, то есть локализации в пространстве или во времени. За этим фактором может быть признано лишь «интенсивное» многообразие; выражаясь другими словами, мы можем сказать: как понятие – энтелехия многообразна, как фактор природы – целостна, нераздельна. Энтелехия, не будучи многообразием в пространстве и во времени создает таковое, подобно тому, как акт художественного творчества, сам по себе не пространственный, выливается в создание пространственного характера.

Дриш, «Витализм. Его история и система»

образно можно описать как собирание в кучку «размазанных» по времени и пространству протобиологических циклов реакций органического синтеза, концентрацию в едином пространственно-временном объеме ранее сугубо темпоральной системы.

В описанной концепции «зарождения жизни» самой важной для понимания является мысль, что *клетка* как система, реализующая всю полноту функциональной сложности, которую мы называем словом «жизнь», существовала еще до своей пространственной локализации, до формирования «тела». То есть эта сложность до поры была распределена во времени, реализовывалась в последовательности несинхронизированных циклов синтеза. Следовательно, необходимо четко разделять две проблемы: возникновение в протобиологическую эпоху *жизни как сугубо темпорального объекта* и начало биологического эволюционного этапа, которое мы связываем с новационным событием локализации темпоральной клетки в однозначно воспроизводимой пространственной структуре.

Кстати, вирус с этой точки зрения следует рассматривать как живой объект с нефиксированными пространственными и временными границами – нечто среднее между чисто темпоральной, еще пространственно не фиксированной протобиологической системой и пространственно-временнo ограниченной системой клетки. То есть темпорально – на всем периоде функционирования – вирус обладает системным свойством «жизнь», но как локализованная пространственная структура живым он не является.

Такое представление о зарождении жизни, а по сути, пространственной локализации уже существовавшей темпоральной системы «жизнь», безусловно, снимает проблему случайности и маловероятности этого эволюционного события: если сложность уже есть, пусть и темпоральная, то она уже всяко никуда не денется – локализуется не в этой, так в той луже, а еще вероятнее, во всех подходящих лужах одновременно (по типу параллельности воплощения идей научных открытий и изобретений).

От темпоральной сложности клетки к многоклеточным организмам

Практически в такой же логике, как появление живой клетки, описывается и новационное формирование многоклеточного организма. Известно, что одноклеточные обладают способностью к специализации и обладали ею еще до появления многоклеточного организма. Опишу типичную ситуацию в колонии одноклеточных. При некоторых экстремальных условиях, скажем, при недостатке пищи, начинается дифференциация однородной популяции одноклеточных организмов: одни из них образуют нечто наподобие тела, другие – хвостик, и всем скопом уплывают вдаль... Естественно, что такая специализация у одноклеточных обратима – после устранения усло-

Установить абсолютный ноль во времени для жизни или какой-либо другой данной в опыте реальности в отличие от того, что мы полагали раньше, теперь не представляется возможным. Для данного универсума и для каждого из его элементов при рассмотрении в опытно-феноменальном плане есть лишь одна длительность, и она безбрежна позади нас. Таким образом, всякая вещь самой своей сущью продолжает свою структуру, уходя корнями все дальше в прошлое. Пусть в каком-то очень разжиженном виде, но все начинается с самого начала.

...Без длительного периода созревания никакое глубокое изменение в природе произойти не может. Но зато, если такой период есть, неминуемо образуется нечто *совершенно новое*. Земная эра мегамолекулы – это не только дополнительный член в нашей таблице длительностей. Это также и главным образом требование найти критическую точку, которая эту эру завершает и заканчивает. Но это как раз нам и было нужно для подтверждения идеи о том, что на уровне, отмеченном появлением первых клеток, находится эволюционный разрыв крупнейшего масштаба.

...Но поскольку я допустил, что первые проявления имманентности внутри материи возникли гораздо раньше и, по существу, с самого начала, то предо мной встает задача объяснить, в чем состоит специфическая модификация внутренней («радиальной») энергии, соответствующая внешнему («тангенциальному») установлению клеточного единства. Если в длинной цепи атомов, затем молекул, далее мегамолекул уже помещены малозаметные, отдаленные истоки элементарной свободной деятельности, то клеточная революция должна психически выразиться не в абсолютном начале, а в *метаморфозе*. Но как представить себе скачок (и даже найти место для него) от предсознания, заключенного в преджизни, к сознанию, хотя бы и самому элементарному, первого по-настоящему живого существа? Значит ли это, что существует несколько способов иметь внутреннее?

Внешняя реализация принципиально нового типа корпускулярной группировки, открывающего возможность более гибкой и более централизованной организации безграничного числа веществ в виде частиц самых разнообразных величин, и одновременно появление внутри нового типа сознательной деятельности и определяемости – этой двусторонней коренной метаморфозой мы можем реально определить в его специфическом своеобразии критический переход от молекулы к клетке – ступень жизни.

Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека»

вий, вызвавших специализацию, клетки возвращаются к обычному универсальному состоянию. В течение жизненного цикла клетка последовательно, одну за другой, реализует все свои возможные специализации, то одну функциональность, то другую.

Перед нами типичная темпоральная система с большей сложностью (темпоральной), чем сложность клетки, не способной к специализации. Но эта повышенная темпоральная сложность пока реализуется лишь последовательно, распределенно во времени – каждое текущее специализированное или универсальное состояние лишь частично реализует темпоральную сложность системы. Дальнейшее развитие клетки в направлении наращивания числа специализированных состояний неизбежно приводит к избыточной темпоральной сложности. Именно темпоральной, потому что вся совокупность специализированных состояний никогда не реализуется клеткой одновременно – если мы хотим узнать все допустимые степени свободы клетки, то должны проследить за ней на протяжении многих циклов размножения. В такой ситуации энергетически более выгодным для темпоральной системы «клетка» оказывается состояние с параллельным существованием ранее последовательных специализированных пространственных реализаций, и тогда темпоральная сложность трансформируется в пространственную. То есть последовательность специализированных состояний заменяется их параллельным существованием в виде новой пространственной структуры. Так и образуется новая пространственная система – многоклеточный организм, пространственно-локализованная сложность которого тождественна предшествующей темпоральной. Как и в случае с образованием самой клетки (ее тела), ранее размазанная по времени функциональность сосредоточилась в единовременном пространственном срезе – все специализации в одном флаконе многоклеточного организма.

Отмечу серьезное отличие представленного варианта образования многоклеточного организма от традиционного. Согласно темпоральной концепции, многоклеточный организм формируется в результате деления одной клетки с избыточной сложностью. Именно вследствие этой избыточности она распадается не на две универсальные клетки, а на две специализированные с усеченной функциональностью, которым уже действительно никуда друг без друга. В традиционном же варианте описания формирования многоклеточных мы имеем дело с таким же маловероятным событием, что и при соединении разрозненных молекул в клетку – со случайным слипанием разношерстных клеток. При этом совершенно неясно, каким образом этот конгломерат из клеток с разными геномами приобретает возможность размножаться.

От кустаря к фабрике

Приведу еще один наглядный пример аналогичного по форме преобразования темпоральной сложности в пространственную, произошедшего спустя несколько сот миллионов лет после появления многоклеточных. Он относится к периоду промышленной революции. Ремесленник, сидя в своей мастерской, выполнял все специальные операции, скажем, изготовления сапог (кройка, шитье и пр.), совсем как одноклеточный – последовательно. То есть фактически сапожная деятельность перед нами предстает как темпоральная система – сложность деятельности распределена во времени (сложность именно *деятельности*, а не сложности сапожника). При достижении некой избыточной сложности ремесленной деятельности (тут уже, конечно, следует говорить не узко о сапожной деятельности, а о системе, объединяющей множество деятельностей) – так вот, при достижении распределенной во времени ремесленной сложности определенного предела произошло формирование новационной структуры: появились промышленные предприятия. Фабрика это, по сути, новая структура, локализирующая в своей пространственной сложности ранее распределенную во времени сложность: предприятие устроено так, чтобы все операции выполнялись одновременно. То есть новационный скачок в производстве выглядит не иначе, как преобразование темпоральной сложности в пространственную.

Традиционные преобразования сложности и новация

Вообще-то, с фактом преобразования темпоральной сложности в пространственную и обратно мы сталкиваемся постоянно. К примеру, подобную трансформацию претерпевает телевизионная картинка: сначала пространственная сложность изображения преобразуется в темпоральный (распределенный во времени) код, потом опять пространственно разворачивается на экране. Такие же преобразования постоянно совершаются и с нашей любимой мелодией: ее записывают значками на листе бумаги, на котором ее можно охватить одним взглядом, или превращают во вполне пространственные дорожки на винило-

Ибо пуруша – божественный, бестелесный; ибо он – и снаружи, и внутри, нерожденный; // Ибо [он] – без дыхания, без разума, чистый, выше высшего, непреходящего. // От него рождаются дыхание, разум и все чувства; // Пространство, ветер, свет, вода, земля – всеобщая опора.

«Мундака-упанишада»

вых дисках, а потом при проигрывании опять преобразуют в темпоральный вид. То есть само преобразование темпоральной сложности в пространственную и обратно это технический момент, который не особо и интересен. А вот интересен вопрос первого, новационного появления какой-либо структуры: пространственной (картина) или темпоральной (мелодия). И хотя сам тезис о преобразовании темпоральной сложности в пространственную еще не дает нам ответа на вопрос о появлении новаций, он дает простор для рассуждений. Во-первых, представление о существовании темпоральной сложности снимает проблему спонтанного появления пространственной сложности ниоткуда. Мы уже понимаем, где искать эту сложность – не в предыдущих пространственных отображениях темпоральной системы, а в ее распределенной во времени структуре. При этом мы понимаем, что спонтанность появления новой сложности объясняется лишь тем, что темпоральная сложность просто не наблюдаема в пространстве. Ну и во-вторых, понятно, что темпоральная концепция избавляет от необходимости искать причину появления новационной структуры в предыдущих структурах темпоральной системы.

Темпоральность и информация

Уверен, что при словах «преобразование сложности» у читателей вполне естественно возникают соображения о необходимости перевести рассуждения на рельсы теории информации. Наверное, этому вопросу стоит уделить немного внимания и объяснить, почему я не буду делать этого.

Главное тут понять, что на языке теории информации невозможно зафиксировать различия между темпоральной и пространственной сложностью. Биты, они и в Африке биты – бегут ли они один за другим по оптоволокну или упакованы рядышком друг с другом в слое компакт-диска. То есть информация индифферентна к тому, как она зафиксирована – в темпоральной или в пространственной структуре, в виде нотной записи или непосред-

Во всех областях, когда какая-либо величина достаточно выросла, она резко изменяет свой вид, состояние или природу. Кривая меняет направление, плоскость переходит в точку, устойчивое рушится, жидкость кипит, яйцо делится на сегменты, вспышка интуиции освещает нагромождение фактов... Критические точки изменения состояний, ступени на наклонной линии, в общем разного рода скачки в ходе развития – это для науки отныне *единственный*, но зато *истинный* способ представить себе и уловить «первый момент».

Пьер Тейяр де Шарден, «Феномен человека»

твенного распределенного во времени звучания. Сама по себе информация это лишь мера сложности, она ничего не говорит нам о сущности объекта – информационный подход принципиально игнорирует онтологическую составляющую, для него важно лишь количественное измерение сложности. Ну и самое главное: основная проблема, решаемая темпоральной концепцией, это возникновение сложности, и проблему эту невозможно даже сформулировать в теории информации.

К тому же, само упоминание слова «информация» сразу ставит кучу вопросов: а где источник? а где приемник? а интерпретация? а что является носителем? Тогда пришлось бы объяснять, что, мол, это не та информация, которая в компьютере, а та которая без носителя, без источника, без приемника, то бишь просто сложность. И чего ради? Ради модного слова? И чтобы окончательно запутать читателей?

Скажу так: мне концепт информации, этот «с-боку-бантик», как-то пока не потребовался.

Инволюция и трансреальные философские концепции

Сформулировав для себя мысль, что появление эволюционной новации можно трактовать как выпадение в пространственный осадок темпоральной

Мысль об эволюции зародилась в глубокой древности, почти тогда же, когда появилось человеческое сообщество, но по мере того, как человечество накапливает знания, она кажется все более современной. Однако древние понимали и другую сторону эволюции, еще не вполне осознанную в наши дни, – инволюцию.

Разум может и не проявлять себя, но именно он, инволюционировавший разум, раскрывает себя до тех пор, пока окончательно не проявится в совершенном человеке.

...Всякая эволюция предполагает инволюцию. Ничто не может развиваться, эволюционировать, развернуться, что не существовало уже в свернутом виде.

...Эволюция не может получить начало из ничего, из нуля. Откуда же она получает его? Из предшествовавшей инволюции. Ребенок – это инволюционировавший человек, а человек взрослый эволюционировавший, развившийся ребенок. Семя инволюционировавшее, свернувшееся дерево, а дерево развившееся, эволюционировавшее семя. Все возможности всякой жизни уже находятся в зародыше.

Вивекананда, «Джняна-йога»

сложности, я закономерно произнес слово «инволюция». И тогда я впервые столкнулся с совпадением развиваемого мной темпорального подхода с представлениями об эволюции в древних трансреальных, мистических философских концепциях. Суть древней мудрости проста: ничего не берется из ничего, если что-то появилось – значит оно уже существовало; любой эволюции – восхождению, разворачиванию предшествует *инволюция* – нисхождение, сворачивание.

Инволюция и обеднение темпорального содержания

Предложенное в темпоральной концепции понимание эволюционного события как *фиксации в пространственной структуре ранее распределенной во времени сложности*, на мой взгляд, точно соответствует древним представлениям об *инволюции*. По сути, новационный (творящий) акт есть не что иное, как *инволюция* уже существующего, но фиксированного в темпоральном виде содержания. Отличие лишь в том, что в трансреальных концепциях инволюция предшествовала эволюции в целом, то есть сначала идеальная (темпоральная) сущность целиком опускалась на «материальный» уровень, а потом начиналось эволюционное восхождение. В темпоральном же подходе *каждое* новационно-эволюционное событие рассматривается как *инволюционное*.

Здесь существенно, что это действительно *инволюция*, то есть *обеднение исходного содержания*, лишь частичное воплощение его в пространственной структуре. К примеру, новационный акт формирования многоклеточности не выглядит как прогрессивное развитие одноклеточного организма – наоборот, налицо деградация отдельных клеток, ограничение их функциональности. Общая функциональность сохранилась лишь системно, а каждый пространственный элемент новой структуры, каждая клетка были пожизненно переведены в состояние с урезанными свойствами. К тому же, в самом новационном акте формирования многоклеточного организма (как и при образовании живой клетки) ничего принципиально нового не появляется – все системное содержание было

Но Материя означает инволюцию сознательного наслаждения бытия в самозабывающую силу и в самоделяющуюся, раздробленную на бесконечно малые формы субстанцию. Поэтому весь принцип и усилия материального мира направлены на разворачивание того, что свернуто, и развитие того, что недоразвито.

Шри Аурубиндо, «Синтез йоги»

темпорально реализовано раньше. Перед нами лишь смена последовательной специализации на параллельную. Наглядно эту мысль иллюстрирует и пример с промышленной революцией – мы не наблюдаем никакого прогресса в сапожной деятельности, наоборот, налицо деградация ее элементов. В сухом остатке, как всегда, *новая пространственная структура*. Ну и сокращение хрональных размеров темпоральной системы (что естественно при переходе от последовательных действий к параллельным).

Наиболее ярко проявляется инволюционный характер новаций в человеческом творчестве: общеизвестно, что любая научная теория, любое произведение искусства лишь частично реализуют предшествующее содержание, изначально поселенное в голове автора. Мы так и говорим, что в творческом акте идея не рождается, а лишь реализуется, обеднено воплощается в виде новых конечных объектов.

Формирование темпоральной сложности

С введением представления об *инволюции* автоматически встает вопрос о недостающем звене в рассуждениях – о механизме формирования *самой* темпоральной сложности. Ответ, естественно, получается симметричным: если появление в одномоментном временном срезе новационной структуры трактуется как локализация темпоральной сложности, то *формирование темпоральной сложности следует понимать как рассредоточение, дифференциацию во времени пространственной*.

Все так, как я описывал в примере с образованием многоклеточного организма. После новационного акта образования пространственно-локализованной клетки начался длительный процесс модификации, усложнения ее структуры, в конечном итоге приведшей к формированию клетки с рядом специализированных состояний. Вот именно этот ряд последовательно реализуемых состояний и есть наша темпоральная сложность.

В частичном претворении возможностей в действительность... и заключается фундаментальная функция энтелехии.

...Энтелехия не есть пространственное, то есть экстенсивное понятие и поэтому к ней не применимы все виды пространственных взаимоотношений, к которым принадлежит и делимость... Энтелехия может быть только мыслима. Воспринятыми же могут быть только результаты ее деятельности.

Дриш, «Витализм. Его история и система»

Наш мир частных вещей возник отнюдь не как результат чьего бы то ни было продуманного решения сотворить нечто именно такое или ему подобное, но как продукт абсолютно необходимой реализации творческой потенции второго начала – Ума. Это, конечно, вовсе не означает, что в самой природе Ума есть нечто, понуждающее его творить, хотя бы это было и против его воли. Просто его энергии столь велики и изобильны, что самый акт творения не требует с его стороны даже желания творить.

...Таким-то образом Ум, сохраняя свое невозмутимое единство, создает, как бы проливая избыток своих энергий на материю, наш космос.

...Все разумное исходит из области Ума, но, эмануруя, утрачивает свои изначальные свойства.

Плотин, «Эннеады»

В общем, можно сказать так: после каждого акта формирования новационной структуры начинается период *дифференциации, специализации, вариантного размножения* этой структуры, что и создает нелокализованную в пространстве (то есть не связанную с единичным объектом) распределенную во времени сложность. В биологии этот процесс называется *адаптивной радиацией* исходного универсального организма. Возникновение специализированных состояний одноклеточного организма и есть вариант адаптивной радиации. Хотя более точно эту радиацию нужно трактовать как появление множества вариантов некоторой системной организации (скажем, млекопитающих), приспособленной к существованию в специализиро-

Влияния жизненного мира всегда изливаются на материальное существование, вызывают там свои силы и результаты, которые затем возвращаются в виталический мир для его модификации. Эти высшие миры являются супраментальными; они принадлежат принципу сверхразума, свободному, духовному или божественному разуму, или гносису, и тройственному духовному принципу Сатчитананды. Отсюда воспроизводятся низшие миры, путем как бы падения Пуруши в определенные специфические или ограниченные узкие условия игры души с ее природой.

Шри Ауробиндо, «Синтез йоги»

Если один уровень бытия каким-то образом воздействует на другой, то их взаимоотношения уже несколько тоньше и сложнее, чем отношения между творцом и тварью, поскольку и тот, и другой включены в общее им обоим целое, а, значит, и их действия необходимо согласованы с этим целым.

Плотин, «Эннеады»

ванных условиях: на земле, под землей, над землей, в воде. В темпоральной концепции для обозначения этого явления я ввел понятие «деволюция». То есть *деволюция – это процесс длительной последовательной дифференциации исходно универсальной новационной структуры.*

Тогда ход эволюции следует описать как чередование практически мгновенных актов инволюции (локализации темпоральной сложности в пространственную) и длительных периодов деволюции (хронально рассредоточенного постепенного усложнения, дифференциации, специализации новационных объектов). И так по кругу, вернее, по спирали, ведь в конце каждого деволюционного этапа к нам в виде пространственно-локализованной новации спускается новое темпорально накопленное содержание.

Это и есть ответ на загадку цепочки эволюционных новаций – они действительно не могут быть описаны как возникающие одна из другой, но при этом составляют вполне логичный ряд усложняющихся систем, поскольку темпорально возвращаются на бульоне, сваренном из специализированно размноженных вариантов предыдущей новации.

В результате эманации умопостигаемого мира эйдосов, целостного при всем своем многообразии, возникает, а точнее, как бы висит на нем наш, чувственный мир, уже лишенный целостности и единства. Пространственная разделенность вещей этого мира порождает отчуждение, незнакомое царству ноуменов. Более того, потребность в обладании своим местом в пространстве приводит к тому, что на смену согласию приходит откровенная враждебность. Утрата единства порождает также ощущение своей частичности и неполноты, откуда возникает желание восполнить ее, отняв недостающее у другого. Таким образом, эта потребность в другом не столько сплавивает, сколько еще больше разъединяет.

Плотин, «Эннеады»

Непрогрессивность новаций

Следует особо остановиться еще на одном интересном выводе из темпоральной концепции: *эволюция приращивается инволюционными актами*, то есть каждый ее шаг вперед не является в полном смысле слова прогрессивным – он не прибавляет содержание, а лишь являет нам уже темпорально существующее в виде новой структуры. Да и то с обеднением. Прогрессивность эволюционной последовательности проявляется лишь ретроспективно: *каждая следующая новация является прогрессивной не сама по себе, не по отношению к состоянию «породившей» ее темпоральной системы, а лишь по сравнению к предыдущими новациями*. Так, каждое изобретение беднее своего идеального содержания, то есть по сравнению с замыслом изобретателя не выглядит как «прогресс». Прогрессивнее оно только относительно предыдущих изобретений.

Это очень важный тезис. Он противопоставляется традиционному представлению об эволюционных событиях как об актах *самоусложнения, саморазвития, самоорганизации* уже существующих объектов, как о событиях спонтанного приращения их сложности. Такое традиционное представление порождает множество вопросов – в первую очередь о малой вероятности спонтанного усложнения. В темпоральной же концепции формирование новации предстает как реализация наиболее вероятного состояния темпоральной системы: происходит преобразование избыточной темпоральной сложности в пространственную. Понятно же, что система из специализиро-

Дух свободно осуществляет низшие дифференцирующие принципы, как второстепенные условия своего существования, руководимого высшими, и посредством их достигая их же истинных возможностей. Это само по себе являлось бы законченной эволюцией того, что вовлечено в инволюцию, и развитием неразвитого, тем, ради чего искал Пуруша в материальном мире, как бы испытывая себя, наибольших трудностей.

...Природа, таким образом, является эволюцией или прогрессивным самопроявлением вечного и тайного существования, с тремя последовательными формами в качестве трех ступеней ее восхождения, и мы считаем условием всей нашей деятельности эти три совершенно друг от друга независимые возможности, телесную жизнь, ментальное существование и завуалированное духовное бытие, являющееся в инволюции их причиной, а в эволюции – их результатом.

Шри Ауробиндо, «Синтез йоги»

ванных клеток (с предельно урезанной функциональностью) более вероятна и стабильна, чем одна клетка с избыточной функциональностью (с избыточным количеством степеней свободы). То есть новационно-инволюционный акт выглядит не как творение новой сложности из ничего, а лишь как перевод сложности с высшего (темпорального) уровня на низший (пространственный). При этом и *деволюция*, то есть процесс накопления избыточной темпоральной сложности, также представляется вполне прозаически – как результат длительной дифференциации новационного объекта, реализации его во всевозможных формах.

Инволюция и деволюция радиотехники

Описанная схема приращения новаций наиболее наглядно демонстрируется на примере цепочки технических изобретений. Скажем, изобретение радиосвязи невозможно представить как усложнение, тем более «самоорганизацию» некоего уже существующего устройства. Однако идея передачи сообщений без проводов была подготовлена развитием, с одной стороны, электродинамики, а с другой – *деволюцией* телефонной связи, разнообразным специализированным ее использованием. Можно сказать, что к определенному моменту была накоплена темпоральная сложность – совокупность знаний, технологий, – достаточная для реализации идеи радио в новационной пространственной сложности конкретного устройства. В этом примере примечателен факт независимого изобретения радио несколькими учеными (Тесла, Маркони, Попов), что свидетельствует об объективности идеи радио, темпорально существовавшей в научно-технической сфере того времени. Дальнейшее развитие радиосвязи выразилось в появлении множества специализированных устройств. Этот процесс можно описать как *деволюцию новации*, приращение общей сложности за счет адаптивной дивергенции. Рост разнообразия естественно породил избыточную рассредоточенную сложность, которая в результате дальнейших инволюционных актов реализовывалась в появлении таких новаций, как телевидение, вычислительная техника и т.д.

Повторю существенные моменты темпорального описания эволюции. Каждая очередная новация является не актом непосредственного усложнения имеющихся объектов, а лишь пространственной реализацией избыточно накопленной темпоральной сложности. *Прогрессивной новация выглядит только при ее сравнении с предыдущими новациями, то есть при ретроспективном взгляде на всю цепочку новаций* (телефон, радио, телевизор), *а каждый очередной новационный акт не является «прогрессивным», он лишь выполняет «сброс» избыточной темпоральной сложности, реализуя наиболее вероятное состояние эволюционной системы.*

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И РАЗУМА

Проблема фиксации понятий «жизнь» и «разум»

Традиционная (не темпоральная) научная парадигма позволяет нам рассуждать о *жизни* и *разуме* лишь как о неких качествах, свойствах пространственных объектов – *биологического организма* и *человека* соответственно. Любые дефиниции жизни и разума в классической традиции, по сути, есть указания на специфичность этих объектов: белковый состав, метаболизм, размножение, адаптация, коммуникация, производство, решение задач и пр. И понятно, что эволюционное появление этих свойств связывается исключительно с моментами формирования пространственно ограниченных носителей этих свойств: живой клетки и человека разумного. Как следствие такого подхода, перед наукой стояла и стоит неизмеримо сложная проблема – описать практически мгновенное (по историческим меркам) появление принципиально новой сложности. Вот была лужа с молекулами – а вот уже в ней живая клетка. Вот на дереве обезьяна – а вот под деревом человек. И мало того, что практически мгновенно, так еще и непонятно, *что же такое появилось* – наука до сих пор не дает нам ответа на вопрос, что такое *жизнь* и *разум*.

Темпоральность жизни и разума

Темпоральная концепция принципиально меняет подход к пониманию и описанию происхождения и сущности *жизни* и *разуме*. Прежде всего, из всех рассуждений о темпоральности и из приведенных примеров следует однозначный вывод: *то, что мы называем словами «жизнь» и «разум» невозможно приписать единичным пространственным объектам* – биологическому организму и человеку соответственно. То есть *жизнь* и *разум* нельзя представить как некие свойства, качества, присущие пространственно ограниченным объектам в момент времени, по аналогии со свойствами и качествами типа твердости, скорости, температуры и пр., которые мы приписываем физическим объектам: кристаллам, механизмам, средам и пр. Таким образом, хотя мы и называем организм *живым*, а человека *разумным*, из этого никак не следует, что жизнь и разум являются качествами, свойствами биологического организма и человека. Согласно развиваемой концепции, живыми и разумными являются только и исключительно темпоральные системы, а биологический организм и человека нужно рассматривать лишь как элементы, частные реализации, пространственные проекции этих систем. Иными словами, клетка живая не потому, что у нее есть некое особое жизненное свойство, а потому, что она является элементом темпоральной системы «жизнь»; а человек разумен, поскольку он включен в качестве элемента в разумную социумную систему.

Обратившись опять к музыкальному примеру, можно сказать, что жизнь и разум не принадлежат локальным пространственным объектам точно так же, как тональность, ритм, размер мелодии не принадлежат отдельным нотам – что, по сути, означает, что системные качества темпоральных систем не фиксируются на уровне отдельных элементов. Ноты лишь реализуют, воплощают мелодию. И биологический организм, и человека разумного следует рассматривать как пространственные отображения, пространственные локализации систем (живой и разумной), значительная часть сложности которых реализована темпорально, распределена во времени. То есть полноценным биологическим объектом является не тело (яйцо, гусеница, бабочка), и даже не совокупность всех состояний тела на полном цикле метаболизма, а популяция организмов на длительном этапе ее существования. Аналогично в полной мере разумным является не отдельный человек, а социумная деятельность, в которую он включен в качестве элемента. Можно сказать: как ноты представляют музыкальную мелодию, так и организмы лишь проигрывают темпоральную мелодию жизни, а люди реализуют разумную деятельность социума.

Живые организмы не могут создать то, чего нет в природе. Они могут только собрать и использовать то, что заложено в общих свойствах Мира. Эти свойства должны быть, следовательно, и в неживой природе. Их надо искать именно здесь, где можно пользоваться методикой точных наук и опереться на их огромный опыт познания.

Козырев, «Человек и природа»

Результаты опытов показывают, что организующее начало, которое вносит активное свойство времени, оказывает на системы влияние очень малое в сравнении с обычным разрушающим ходом развития. Поэтому неудивительно, что это жизненное начало было пропущено в системе наших научных знаний. Но будучи малым, оно в природе рассеяно всюду, и поэтому необходима только возможность его накопления, подобная той, при которой малые капли воды, падающие на обширные области, поддерживают непрерывное течение могучих речных потоков. Такая возможность осуществляется в организмах, поскольку вся жизнедеятельность противодействует ходу разрушения систем.

Козырев, «Время как физическое явление»

Итак, жизнь – это темпоральная система, явленная нам в виде множества своих пространственных проекций, одномоментных структурных срезов, которые мы называем организмами. И все системные биологические качества, которыми мы можем охарактеризовать жизнь, и тем более ее основной процесс – *воспроизводство* – принадлежат темпоральной системе «жизнь», а не ее единичным ограниченным пространственным проекциям. То есть не организмы, не самки и самцы размножаются, а темпоральная система периодически воплощается во все новых и новых организмах. И аналогично, разумное производство следует ассоциировать с социумной системой как целой. Отдельные действия людей не являются разумными, таковыми они характеризуются только как включенные в некую темпоральную систему – разумную деятельность.

Нежизненность живого организма и неразумность разумного

Если задуматься, темпоральный подход, темпоральная логика более рациональны, вразумительны, чем традиционные линейно-детерминистские. Ведь как нам приходилось рассуждать в рамках классической пространственной парадигмы: *организм* это пространственная система (структура), нечто целое, самодостаточное, борющееся за поддержание своего функционирования. Все действия организма должны быть направлены на сохранение своего основного качества – жизни. А тут, скажем, роды – акт, не только снижающий защищенность организма, но и во многих случаях заканчивающийся его гибелью. Действие абсолютно бессмысленное с точки зрения локально-организменного подхода, бессмысленное по отношению к единичной пространственной системе. Представление же, что целостным носителем атрибута «жизнь» является темпоральная система, по своим временным границам значительно превосходящая срок жизни особи, все ставит на свои места – именно эта система *самосохраняется и самовоспроизводится*. Цепочка рождений и смертей организмов – это отображение, проекция темпоральной системы на пространственную плоскость.

Аналогично и разумная деятельность конкретного человека не всегда разумна. Но знание, что разум является не атрибутом элемента-человека, а системным качеством темпоральной социумной системы, позволяет нам рационально рассуждать о человеческих действиях, противоречащих разуму. Как любой жизненный акт связан с некоторым биологическим организмом, но не всякое действие организма направлено на сохранение жизни, так и темпоральный разум, реализуемый действиями людей, не гарантирует непрерывной разумности всех действий каждого человека.

Начальная локализация жизни и разума

Второй вполне очевидный вывод, следующий из темпоральной идеологии и, в частности, из инволюционной концепции формирования новаций, заключается в том, что сущности «жизнь» и «разум», которые мы приписываем первым клеткам и первым гоминидам, уже должны были существовать на момент формирования этих пространственных объектов. То есть события появления живой клетки и человека разумного нужно понимать как *инволюционные акты* трансформации темпоральной сложности в пространственную, как локализацию распределенной во времени сложности в пространственные структуры клетки и мозга. Буквально это означает, что начало жизни и разума не следует относить к моменту появления их пространственных носителей, поскольку само это появление стало возможным лишь при наличии темпоральных систем «жизнь» и «разум».

Мы уже пришли к выводу, что появлению первой живой клетки необходимо предшествовал длительный период формирования темпоральной системы «жизнь», реализовавшей все основные элементы воспроизводства органо-химических циклов. Так вот, локальное проявление разума необходимо трактовать в той же самой логике, что и появление первой клетки. То есть во избежание казуса мгновенного творения разума, внезапного его возникновения у первых гоминид следует принять, что разум уже существовал на предшествующем социумному биологическом этапе эволюции – но еще в распределенном во времени, темпоральном виде.

Итак, разум – это темпоральная система, внепространственное, нелокализованное формирование которой происходило на биологическом этапе эволюции; появление же человека разумного есть лишь инволюционный акт фиксации ранее распределенного во времени содержания (сложности) в пространственной структуре мозга. Следовательно, акт возникновения человеческого разума следует понимать как втискивание уже имевшейся темпоральной сложности в пространственные и временные пределы жизни единичного биологического организма.

Пока что все рассуждения о темпоральности жизни и разума представлены здесь в виде логической схемы, без указания специфики этих систем. Продвинуться к пониманию этой специфики нам поможет формализм иерархии темпоральных систем.

Жизнь есть целенаправленная деятельность

Напомним, что от уровня выделенного элементарного события можно построить вполне формальную иерархию темпоральных систем: *переход*, *процесс* (система переходов), *действие* (совокупность процессов, объединенных событием-результатом), *деятельность* (целенаправленная система

действий или деятельный процесс), *творение* (совокупность деятельности, приводящая к новации).

Попробуем наполнить эту иерархию содержанием, приняв за элементарные события электромагнитные и другие физические взаимодействия. Понятно, что в таком случае физический мир предстает перед нами как множество пространственно-фиксированных структур, а изменения этих структур во времени – как последовательность переходов между ними. То есть в темпоральной иерархии физические взаимодействия ассоциируются с системами-переходами. А химический уровень соответствует процессуальности: система «химическая реакция» безусловно представляется как совокупность последовательных переходов, у нее есть направленность, но нет выделенной точки, фиксированного результирующего события. Органо-химические циклы протобиологического уровня уже имеют однозначно выделяемые события – точки конца-начала воспроизводства цикла. Эти циклы следует рассматривать как простейшие системы-действия с фиксированным результатом. В этой логике и терминологии одноклеточный организм следует трактовать как локализацию (фиксацию в пространственных и временных границах) элементарного действия – воспроизводства. Можно сказать, что до появления клетки живые системы-действия были сугубо темпоральными, распределенными во времени. Мы могли наблюдать лишь последовательности результатов, не связывая эти результаты с пространственными объектами. Первая же клетка, первый организм это первый пространственно-локализованный объект, реализующий результат действия – акт воспроизводства. С появлением биологических организмов действия приобрели своих субъектов. (Кстати, возвращаясь чуть назад, можно сказать, что исключительно темпоральные физические процессы на химическом уровне обрели в лице молекулы локализованного в пространстве субъекта.)

Жизнь в темпоральной идеологии должна пониматься как система, поддерживающая воспроизводство, как совокупность действий по воспроизводству, то есть как *деятельность, деятельный процесс*. Можно сказать, что *жизнь – это темпоральная система-деятельность, обеспечивающая*

...Нас омывает благодетельная влага, в которой мы черпаем силы, чтобы работать и жить. Мы непрестанно вбираем что-то из оксана жизни, в который погружены, и чувствуем, что наше существо или, по крайней мере, руководящий им интеллект, сформировались в этом океане как бы путем локального затвердения.

Бергсон, «Творческая эволюция»

непрерывность воспроизводства органо-химических циклов. Если же не обращаться к темпоральной терминологии, то жизнью можно назвать нехимическую форму воспроизводства органических циклов. (А сам химизм следует трактовать как нефизический способ обеспечения физических взаимодействий.)

Дальнейшая эволюция системы «жизнь» заключалась во все более полном воплощении деятельности в своих локальных реализациях – в действиях биологических организмов. В ходе эволюции через усложнение действий организмы и их сообщества все более полно реализовывали деятельность по воспроизводству.

В темпоральной трактовке жизнь, понимаемая как *система-деятельность*, деятельный процесс, непосредственно связывается с системообразующим качеством деятельности – *целью*. То есть жизнь необходимо имеет телеологическую составляющую. Наделяя живое такими атрибутами, как энтелехия, эмерджентность, «жизненная сила» и пр., многие мыслители именно и стремились указать на самое существенное отличие живого от неживого: наличие целенаправленности в движении биологических систем. В темпоральной же концепции вывод о телеологичности жизни непосредственно следует из отнесения системы «жизнь» к темпоральному уровню *системы-деятельности*.

... В наше отношение к живому нередко вплетено представление о «целесообразности» или «цели». Первоисточником этого представления служит сознание нашей воли как фактора, действующего сообразно какой-либо цели.

Но гораздо более глубоким, чем это статистически-телеологическое суждение, основанное лишь на аналогии, мы должны признать добытое эмпирическим путем и вложенное в нашу «энтелехию» представление о нераздельно, хотя и со своими частями, существующем «целом». Это *«целое» становится для нас вполне реальным, если отсутствие любых частей сложного целого является основанием для нового появления этих частей, т.е. для восстановления «целого» в его цельности, предполагая, что для этого процесса восстановления частей не предшествовали отдельные, специальные причины. Мы не в состоянии в этих случаях обойтись без специального, господствующего над частями фактора, понимание этого фактора немислимо помимо категории, включающей в себя понятие «целого».*

Дриш, «Витализм. Его история и система»

Здесь уместно напомнить, что жизнь не является свойством, атрибутом единичного живого организма. Организм следует трактовать лишь как элемент темпоральной системы «жизнь», элемент целенаправленной деятельности, пространственно-локализованное действие, пространственную структуру, реализующую *результат*. Я еще раз подчеркнул эту мысль, чтобы напомнить: биологические организмы не имеют индивидуальных целей и лишь цепочками результатов своих действий реализуют деятельность, деятельный процесс, который по своим хрональным границам значительно превосходит срок жизни отдельных организмов.

Кстати, примечательно, что наш язык довольно точно согласуется с темпоральной концепцией. Часто, когда речь идет именно о формировании системы-действия, о результативных действиях, мы употребляем слово «организм». Так о слаженной футбольной команде, успешно проведшей голевую атаку, мы говорим «она действовала, как единый организм».

Разум творящий

Итак, я описал жизнь как *деятельность* (систему действий, деятельный процесс), а момент появления первой живой клетки как пространственную объективацию конкретных действий, ассоциирование действий с пространственным объектом – биологическим организмом. Продолжая эти рассуждения, можно сказать, что разум следует ассоциировать со следующей в темпоральных иерархии системой – *творящей*. То есть *разум* – это *темпоральная система, объединяющая целенаправленные деятельности, системообразующим фактором которой является новационный «результат»* – новая структура. Или так: разум – это совокупность деятельностей, приводящих к творению, к генерации новаций.

Он сказал, что, будучи учителем, заинтересован в том, чтобы я как следует уяснил себе, что такое жизнь и что значит жить, то есть какое различие между феноменом жизни как следствием действия биологических сил, и процессом жизни как деятельностью, направленной на познание.

– Говоря о формировании жизненной ситуации, – продолжал дон Хуан, – маги имеют в виду формирование осознания процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для формирования последствий каждого сделанного нами выбора и всего хода нашей жизни.

Карлос Кастанеда, «Искусство сновидения»

Теперь, надеюсь, понятен смысл фразы «разум существовал до появления человека» – она означает, что творящая система была темпорально, распределенно во времени реализована на совокупности биологических деятельных процессов еще до возможности ассоциировать ее проявление (творческое) с конечным пространственным объектом. Как акты воспроизводства органо-химических циклов на протобиологическом этапе мы не могли ассоциировать ни с одним пространственно локализованным объектом, так и *акты разумного производства новаций* на биологическом этапе мы не можем ассоциировать ни с одним единичным организмом. То есть, *новации* налицо, и вполне разумные с нашей человеческой точки зрения – эволюционные изменения биологических организмов, – а субъекта этих творческих актов нет. Или можно сказать, что творческий субъект на биологическом уровне сугубо темпорален – и в качестве такового следует признать популяцию на длительном этапе ее эволюции.

Как мы связали начало биологического этапа эволюции с появлением живой клетки (локализованного во времени и пространстве субъекта воспроизводства органо-химических циклов), так и начало социумного этапа следует отсчитывать с момента, когда стало возможно связать акт производства новаций с отдельным биологическим организмом. Как клетка есть первый локализованный субъект биологического воспроизводства, так человек есть первый локализованный субъект производства разумных новаций. Перед нами та же схема, что и при переходе от протобиологического этапа к биологическому: в ходе инволюционно-деволюционных циклов происходит, с одной стороны, хрональное сжатие темпоральных систем, внешне проявляющееся в ускорении эволюции, в уменьшении временных промежутков между новациями, а с другой – увеличение темпоральности биологических организмов, которое можно описать как втискивание все большей пространственной сложности в постоянно расширяющиеся хрональные границы жизни организма. Попробую пояснить. Если на реализацию первых биологических новаций (скажем, формирование клеток с ядром – эукариотов) уходило миллиарды лет, то время между появлением динозавров и началом эры млекопитающих исчисляется уже десятками миллионов лет – что можно интерпретировать как хрональное сокращение творящей темпоральной системы. С другой стороны, с эволюцией существенно возрастает темпоральность самих биологических организмов – увеличивается срок жизни и одновременно растет их пространственная сложность. И вот, благодаря двум этим встречным курсам (хрональному сжатию творящей системы и темпоральному расширению организма), на промежутке жизни одной особи и на множестве событий в такой сложной системе, как ее мозг, становится возможной реализация темпоральной системы «целенаправленная де-

тельность». То есть то, что раньше воплощалось лишь «совместными усилиями», а точнее, действиями множества организмов на протяжении многих поколений (именно так формировалась новация на биологическом этапе), стало возможным реализовать в течение одной жизни одного организма. Таким образом, суть нового социумного эволюционного этапа можно сформулировать просто: у разумных новаций появился автор – производитель (так в свое время у биологических действий появился воспроизводящий их организм, а у химических процессов их субъект – клетка).

Под разумным объектом следует понимать объект *производящий* (в отличие от *воспроизводящей*) клетки). По аналогии с жизнью, которую ранее мы определили как нехимическое воспроизводство органического синтеза, разум можно определить как небологическую форму производства жизни.

Напомню еще раз: как живая клетка является не воплощением жизни, целенаправленной деятельности, а лишь элементом этой деятельности, реализующим результативные действия, так и человек, будучи конечным во времени и пространстве объектом, есть лишь элемент творящей системы. Человек связан с новацией не как творец, а как реализатор, производитель.

В точной темпоральной терминологии следует говорить так: человек разумный (именно разумный социумный человек, а не просто особь вида *Homo Sapiens*) есть локализованная темпоральная система, реализующая в своих временных и пространственных границах, то есть на периоде единого жизненного цикла и в пределах одного тела (мозга), разумное производство. Фактически, локализованная в человеке пространственно-структурная и

...Сумма разума, проявляющаяся во вселенной, – это инволюционируемый универсальный разум, раскрывающий себя. Универсальный разум мы и называем Богом. Но каким именем его ни называть, совершенно ясно, что началом всего был Бесконечный космический разум. Космический разум инволюционирует, затем эволюционирует, пока не находит свое выражение в Христочеловеке, в Буддочеловеке, в совершенном человеке. После этого он возвращается к своему источнику. Вот почему священные книги всех религий сходятся на одном: «В Нем мы живем, действуем, в Нем мы есть». Вот почему священные книги всех религий учат, что мы вышли из Бога и к Богу мы возвращаемся. Не пугайтесь теологической терминологии, ибо, если вас пугают термины, то какие же вы философы? Теологи называют Богом космический разум.

Свами Вивекананда, «Джняна-йога»

темпоральная сложность соотносима со сложностью, ранее реализовывавшейся лишь на длительном периоде деятельности популяции биологических организмов. Метафорически можно сказать, что деятельная темпоральная система была втиснута в пределы единичного пространственного объекта. Точно так же, как за три миллиарда лет до появления человека тогда еще сугубо темпоральная жизнь, реализуемая на длительной последовательности протобиологических циклов, была втиснута в пределы объекта «клетка».

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

От натурфилософии к онтологии

В первой части книги я определил *онтологию* как объектное описание философского мышления, противопоставляя ее *гносеологии* – описанию в категориях – и *логике* как структурно-формальному описанию. По сути, вторую часть книги, посвященную концепту «темпоральность», следует признать онтологической: в ней шла речь о различии в нашей действительности двух типов объектов – пространственных и темпоральных. Хотя я сам затрудняюсь сказать, к какой области познания возможно отнести рассуждения о темпоральности: метафизика? протофизика? натурфилософия? Впрочем, какая разница?.. Пусть каждый для себя решает сам, главное – ухватить идею. А я перехожу к чистой философии – к попытке изложить темпоральную онтологию.

Проблема начала онтологии

Очень многие проблемы связаны с абсолютизацией начала, исходных позиций мышления. Точнее, начала не самого мышления, а исходной точки его фиксации в тексте. Даже имея близкие картины Мира, люди подходят к их описанию с противоположных сторон, что влечет за собой нестыковку терминологий и другие проблемы. Одни начинают плясать от многообразия Мира, которое для собирания в единую картину неизбежно требует видения рационального однообразия Мира – иначе никак не удастся пристыковать друг к другу столь различные его кирпичики. Естественным образом всплывает тезис о материальном единстве Мира: все объявляется либо материальным, либо атрибутами материи. Другие начинают рассуждения с Единого (Бога) и разнообразие Мира видят как следствие эманации, случайных реализаций Единого. Но ведь понятно, что выбор той или иной схемы повествования о Мире, вернее, о своем частном видении Мира, его представлении в своем мышлении, не имеет никакого отношения к Миру, к его началу. Хотя, конечно, различные онтологии прибавляют нечто к нашему пониманию Мира, показывают, как его можно описать в той или иной терминологии, с той или иной точки зрения.

Релятивизм и начала онтологии

Абсолютный релятивизм, о котором шла речь в первой части книги, дает нам некоторые ориентиры для построения онтологии. Во-первых, релятивизм не позволяет абсолютизировать какое-либо начало мышления, то есть начинать рассуждения с постулирования некоего абсолюта – материи, Бога, Я. Скажем, обращаясь к аллегории с тенями, мы не можем утверждать, как это делал Платон и весь последующий идеализм, что истинный мир существует вне нашего пещерного бытия, где-то там, за нашими спинами. Понятно, что с позиции релятивизма мы также не можем абсолютизировать, принимать за «истинную реальность» и теневую картинку на стене, как это делает материализм. Да-да, именно материализм принимает неподвижные тени от близких к стене субъектов за незыблемую реальность, обосновывая ее абсолютность лишь тем, что все мы, находящиеся одинаково далеко от стены, видим тени одинаково. Аллегория с пещерой в ее конечном релятивистском варианте демонстрирует, с одной стороны, что воспринимаемая каждым из нас действительность не есть отражение некоего истинного мира (за нашими спинами), и с другой – что нет и никакой единой реальности (на стене перед глазами). В рамках релятивизма мы вынуждены начать онтологические рассуждения с тезиса, что явленный нам Мир, картинка перед нашими глазами, зависит от нашего положения в Мире.

Релятивистская онтология не только не отвергает возможность других вариантов онтологических рассуждений, но и примечательна тем, что логично объединяет их в себе, демонстрирует их необходимость как фиксированных частных случаев. Действительно, все три упомянутых абсолютистских подхода к описанию Мира – реалистический, субъективный и идеалистический – по сути, описывают предельные варианты релятивистской онтологии.

Реализм (материализм), абсолютизируя теневую картинку, объявляя ее истиной основой Мира, стремится по выявленным закономерностям отношений теней построить рациональную картину Мира. Ведь действительно, как еще это можно сделать, если не путем анализа неизменно повторяющихся наблюдаемых явлений. И реализм, безусловно, достиг больших успехов – мы имеем современную науку, способную однозначно предсказывать поведение теней на стене. Но не всяких, а лишь четко очерченных теней-феноменов от объектов, расположенных близко к стене и далеко от нас. Неспособность описать тени-ноумены оправдывается либо заявлением, что их описывать и не надо – мол, это произвольные фантазии, эпифеномены и черт с ними, либо указанием, что мы просто еще не познали все тонкости рациональной связи ноуменов с феноменами (скажем, философских идей с химией мозга).

субъектной позиции, а следовательно, что бы мы ни говорили, мы описываем не Мир, а частное его видение, некую проекцию Мира – конкретную действительность. Обращаясь к теневой аллегории, следует сказать, что в нашем языке есть только слова для описания движения теней и нет понятий для различения положения объектов, отбрасывающих тени. Именно поэтому мы всегда будем описывать не Мир, а лишь субъектные его отображения. Но такую позицию релятивизма не следует понимать как негативную, отрицающую познание Мира; наоборот, именно она дает хоть какую-то надежду на возможность познать, понять Мир (Мир, а не частные действительности) путем интеграции в мышлении всех возможных субъектных точек зрения. По сути, релятивизм предлагает круговую панораму Мира вместо разрозненных углубленных подкопов под него.

Второй важнейший вывод философского введения: тезис о существовании множества равноуровневых субъектов, для каждого из которых Мир явлен в виде их уровневых действительностей, разделенных на две части, феноменальную и ноуменальную (в традиционных терминах – на материальную и идеальную). Смысловое ударение в этом тезисе следует делать на слово «множество» – да, множество субъектов, и для каждого своя граница между идеальным и материальным. Вывод о невозможности однозначного абсолютного (независимо от субъекта) деления объектов на ноумены и феномены вполне естественен в релятивистской идеологии, где принципиально невозможно помыслить существование некой единой для всех абсолютной реальности.

Заканчивалось философское введение постановкой вопроса: «Что же меняется в субъекте со смещением его уровня?». Думаю, ответ на этот вопрос сейчас уже очевиден для читателя: это *темпоральная сложность* или просто *темпоральность*. Или так: онтологический уровень субъекта (и объекта) определяется его темпоральностью.

Пространственная и темпоральная сложность

Итак, именно темпоральность является тем скрытым параметром и в точном смысле (как я отмечал в философском введении) дополнительным – временным – измерением объектов, позволяющим нам расставить их по полочкам *онтологических уровней*, разместить по пещере. То есть следует представлять так: в пещере рядом со стеной размещаются объекты с малой темпоральной сложностью, а ближе к свету – высокотемпоральные.

Надеюсь, понятно, что, говоря об онтологических уровнях, я имею в виду вполне традиционный спектр объектов от физических (электрона и камня у дороги), химических и биологических (молекулы, клетки) до ментальных (понятий). Все приведенные ранее примеры равноуровневых объ-

ектов – электрон, клетка желудка, йогин – демонстрирует разнесенность именно по этим уровням. Здесь резонно задаться вопросом: а при чем тут темпоральность? Ведь объекты упомянутых уровней – физического, химического, социального – без особых проблем различаются по пространственной структуре, то есть составляют вполне однозначный ряд по возрастанию сложности: молекула пространственно сложнее атома, живая клетка – молекулы и т.д. Попробую ответить на этот резонный вопрос.

Во-первых, сложность пространственной структуры, определяемая количеством элементов и связей между ними, сама по себе ничего не говорит об онтологическом уровне объекта. Скажем, сколько ни усложняй механический агрегат, он останется механическим агрегатом; как ни объединяй молекулы в пространственную структуру любой сложности, не получишь ничего большего, чем химическое вещество. Онтологический уровень объекта определяется не сложностью его пространственной структуры, а типом связей, объединяющих его элементы: гравитационные, электромагнитные, химические, физиологические, психологические, экономические. Скажем, самый простой по структуре вирус по онтологическому рангу выше, чем сложнейшая химическая молекула, поскольку он живой – темпорально живой. Аналогично и кустарное сапожное производство по своей сложности (пространственной) на порядок проще живой клетки, но принимая во внимание тип связей, включенность этого производства в темпоральную экономическую систему социума, мы должны отнести его к высшему относительно биологического онтологическому уровню.

Во-вторых, по пространственной структуре можно сравнивать только сугубо пространственные объекты – механизмы, молекулы, организмы и пр. Однако множество объектов исключительно темпоральны. Та же популяция организмов – не как стая, а как распределенный на длительном промежутке времени субъект производства биологических новаций – не имеет пространственной структуры, но однозначно относится к более высокому онтологическому уровню, чем единичный организм, поскольку обладает большей темпоральной сложностью.

Или для наглядности можно сравнить пространственную сложность таких объектов, как «бабочка на стадии гусеницы» и «кольчатый червь» – различие будет несущественным. Но если рассмотреть всю – темпоральную, распределенную на всех этапах развития – сложность бабочки, то принадлежность ее к высшему по сравнению с червями онтологическому уровню станет очевидна.

Ну и, безусловно, мы должны иметь возможность как-то соотносить онтологические уровни феноменов и ноуменов. По данному в философском введении определению ноумены не имеют пространственной структуры.

Скажем, опустившись на уровень молекулы желудка, мы должны как-то соотносить такой пространственно явленный ей объект-феномен, как молекула, и явный ноумен – пищеварение. Понятно, что сделать это на уровне сравнения пространственных структур невозможно (напомню, пищеварение для клетки желудка, как экономика для человека, ноуменальна, не представлена в пространстве).

И в-третьих, хотя этим можно было бы начать и закончить, любая система (сложный объект) при взгляде с уровня элементарных событий сугубо темпоральна. Вспомним: кристалл, рассматриваемый с «точки зрения», с уровня ядерных взаимодействий, имеет распределенную во времени структуру (сложность), предстающую как пространственная лишь с позиции высших уровней, где «ядерной» темпоральностью можно пренебречь. Следовательно, если все объекты можно представить как темпоральные, то есть как последовательности событий, то и сопоставлять их онтологические статусы следует именно по распределенной во времени сложности – по темпоральности.

Универсум событий (1)

Итак, изначально вполне абстрактное, умозрительное ранжирование объектов по уровню приобрело у нас вполне конкретный онтологический критерий – различение по темпоральной сложности. То есть привычный ряд объектов – электрон, молекула, живая клетка, организм и т.д. – характеризуется последовательным ростом темпоральности. И понятно, что, какой бы сложной ни была молекула, темпорально она меньше вируса, чья сложность не исчерпывается пространственной структурой – он, безусловно, более «толстый» во времени, хотя и не в полной мере живой (вирус это живой объект с недолокализованными пространственными и хрональными границами).

Ассоциировать уровень объектов с темпоральностью стало возможно только с признанием исключительной темпоральности всех объектов. А «исключительная темпоральность», по сути, означает одно: любой объект следует представлять как множество событий. Мы так и делали, сопоставляя пространственные объекты и уровни темпоральной иерархии: физический уровень реализуется *системами-переходами*, химическому соответствует *процессуальность*, протобиологическому – *системы-действия*, жизни – *деятельность*, разуму – *творящая темпоральная система*.

Итак, в качестве исходной единицы, исходного элемента онтологии темпоральная концепция однозначно предлагает рассматривать событие. В темпоральной идеологии каждый объект – то есть так или иначе выделенное нечто, различаемое субъектом в его действительности, – можно представить как совокупность несовпадающих событий. А онтологический уровень, онтологический статус объекта определяется его темпоральной структурой:

Монада – простая субстанция, то есть не имеющая частей... Где нет частей – нет ни протяжения, ни фигуры... Будучи не локализуемой, монада, равно как и ее проекции не могут быть описаны перечнем свойств. Вместе с тем они не тождественны... Каждая монада должна быть необходимо отлична от другой.

Лейбниц, «Монадология»

является ли он переходом, процессом, образован ли множеством параллельных процессов, объединенных в действие или деятельность, представляет ли собой творящую систему.

Здесь следует напомнить, что, в полном соответствии с релятивистским подходом, одно и то же событие, в зависимости от уровня рассмотрения, может являться как элементарным, так и сложным, составленным из множества событий. Можно сказать, что любое событие логически элементарно, но онтологически может быть представлено как сложное. Здесь под логической элементарностью подразумевается невозможность разделить событие некоторого конкретного уровня на подсобытия, описать его как ряд событий этого же уровня. Так, скажем, событие появления буквы на экране монитора элементарно – буква не появляется постепенно (если бы она появлялась поэтапно, то событием следовало бы считать каждый этап появления). На уровне же программы событию появления буквы соответствует целый ряд операций, которые в свою очередь, на своем – программном – уровне вполне элементарны: они не делятся на подоперации. Но на уровне процессора компьютера каждая программная операция представлена последовательностью команд и т.д. до событий на электронном уровне.

Можно ли представить самый-самый нижний онтологический уровень, события которого безусловно элементарны? В рамках релятивизма, я думаю, этого делать не стоит – не хотелось бы полагать какой-либо уровень онтологически исходным и тем самым декларировать его абсолютность. Релятивистская онтология должна признавать равноправность всех уровней, а значит, должна строиться не снизу вверх и не сверху вниз, а от любой произвольно выбранной точки – от произвольного субъекта. И понятно, что для субъекта любого уровня найдется уровень, ниже которого он не сможет различать сложные объекты, и верхний уровень, на котором для него будет существовать только один объект, включающий в себя все объекты его действительности и называемый им «мой Мир».

Мы плавно подошли к введению термина *универсум событий*, которым я хотел бы обозначить всю совокупность событий. Резонно задать

вопрос: каких событий, какого онтологического уровня? Событий в действительности какого субъекта? Отвечу так: никакого конкретного уровня или всех возможных уровней. Или так: вне уровней и вне субъектов – просто совокупность всех событий. И чтобы уж точно не привязываться к уровням и субъектам, лучше назвать эти события элементарными. *Универсум событий, понимаемый как исчерпывающее множество элементарных событий*, попросту постулируется мной, принимается за некое исходное понятие, но исходное, скорее, как гносеологическое, а не онтологическое. *Универсум событий* – это не онтологическая первооснова Мира, не его исходный уровень, а исключительно форма мышления Мира. Можно сказать, что *универсум событий* это Мир, помысленный вне субъектно-объектных срезов, после очистки его от любой онтологии. Каждый субъект выделяет, различает в своей действительности фиксированные объекты, которые мы условились понимать как совокупности событий. Другой субъект выделяет другие объекты. Но события «принадлежат», приписаны к объектам только в конкретной действительности, и понятно, что одно и то же событие в разных действительностях может принадлежать к разным объектам. Так вот, всю совокупность этих событий, вне их принадлежности к объектам, я и предложил мыслить как *универсум событий*.

Именно поэтому универсум событий невозможно представлять как нечто онтологическое, как субстанцию. Хотя с последней у него есть общие черты: субстанция и универсум событий есть нечто безатрибутное, бескачественное, что лишь принимает форму объектов. Между ними, однако, имеются и существенные различия – субстанция абсолютна, она и логически, и онтологически предшествует существованию, а универсум событий нельзя рассматривать как основу, источник субъектных действительностей. Он скорее продукт, чистый мыслимый продукт – то, что остается в нашем (философском) мышлении после абстрагирования от множества действительностей, от субъектных точек зрения. Абстрактная внеобъектная различимость*.

Универсум событий (2)

Могу предложить и другой вариант введения понятия «универсум событий». Просто для того, чтобы продемонстрировать вторичность логического

* Идея универсума событий чем-то близка так называемой бутстрап-концепции, предложенной физиком Джеффри Чу в 70-х годах прошлого века, основу которой составляет отказ от постулирования каких-либо субстанциональных (материальных) и логических первоначал Мира и представление последнего как паутины взаимосвязанных событий.

обоснования по отношению к пониманию. Ну и для того, чтобы уточнить само понимание.

Фраза «Мир есть “нечто”» подразумевает, что этот самый Мир не есть нечто единое, равное самому себе. По-простому: Мир представлен, явлен субъекту как сложный, из чего-то состоящий. Как минимум из субъекта (*Я*), который излагает свою точку зрения на Мир. А поскольку «нечто», стоящее после «Мир есть ...», является первым в мышлении определением Мира, оно должно пониматься как «нечто такое», которое охватывает все мыслимые (излагающим субъектом) различия содержания Мира. «Мир есть Бог» – означает, что все, на что мы можем указать пальцем, все, что бы ни помыслилось, есть Его творения. «Мир есть материя» – аналогично указывает на то, что есть нечто единое и вечное, а все сущее лишь конструкции из этого нечто (материи) и отношения этих конструкций между собой.

Но не следует забывать, что в любом случае все эти «начала» из области «а я так вижу». И понятно, что изложению любой онтологии должен предшествовать гносеологический вопрос: «а почему я так вижу?». Он же необходимо тянет за собой более существенные вопросы: а все ли так видят? а возможны ли другие видения, другие точки зрения? И вот ответы на последние вопросы лежат уже в чисто эмпирической плоскости и вполне очевидны. Как очевиден и вывод из них: то, что составляет содержание нашего логического восприятия (да скорее всего, и любого другого) – это не сам Мир, а лишь и исключительно форма, способ его видения.

Так вот, если и начинать осмысление Мира с онтологической формулы типа «Мир есть...», то только исходя из понимания, что это проблема все же гносеологическая (проблема осмысления). А посему точнее и содержательнее будет заключить, что *Мир есть универсум всех точек зрения всех субъектов*. Ну а чтобы эта фраза звучала более онтологично, «все точки зрения всех субъектов» можно заменить на «события»: *Мир есть универсум событий*. При этом понимая под событиями и онтологически, и гносеологически (события восприятия объектов субъектом). Хотя из исходных рассуждений понятно, что это одни и те же события, события одного универсума.

Конечно, к введению понятия «событие» можно подойти и чисто онтологически, обобщив все возможные мироописательные конструкции – опять же в полном согласии с тезисом, что Мир есть универсум точек зрения всех субъектов. События это и акты божественного творения, и акты формирования и функционирования материальных образований, и акты рефлексии *Я*, и акты отношений между всеми упомянутыми актами.

Есть еще один умпостижимый момент, обосновывающий целесообразность выбора «события» в качестве логического и онтологического «первоэлемента». Связан он с пониманием необходимости исключить из началь-

ных соображений такие конструкты, как *пространство и время*, поскольку они непосредственно и жестко завязаны именно на «точку зрения», на познавательную схему, следовательно, задаются лишь процедурой указания субъекта и никак не могут приниматься за основу, исходное условие актов познания – событий.

Конечно, событие «намекает» на возможность и необходимость пространственно-временного описания. Событие это, безусловно, точка в некоем пространстве, а выделение нескольких событий неизбежно требует введения понятия «время». Но ясно также, что единичное, абстрактное событие (элементарное событие универсума) может и должно пониматься как нечто вне времени и пространства; или как единственное событие в пространстве-времени единичной размерности *здесь и сейчас*; или, наоборот, как событие, потенциально могущее объектно являться в неконечном множестве пространственно-временных континуумов различных субъектов.

Начала темпоральной онтологии

Мир – это целокупленность; универсум – совокупность всех событий; или Мир есть целокупленность универсума событий. Особо обсуждать эту фразу, наверное, не стоит. Но не потому, что она безусловно понятна и претендует на истинность (хотя она логически такой – истинной – и является, как априори принятая аксиома), а наоборот, поскольку возможно неконечное число подобных начал: «Мир определен лишь относительно Бога», «Мир есть Абсолютный Дух», «Мир есть Я», «Мир есть мультиверсум материи» и т.д. Понятно, что эти и другие возможные начала онтологий (включая обсуждаемую здесь темпоральную) не имеют никакого отношения к Миру. Вернее, они имеют к нему лишь «отношение», да и то косвенное, опосредованное через конкретно-так или иначе ограниченного познающего субъекта, желающего поведать миру свою точку зрения на Мир. То есть фактически всегда речь идет лишь о «точках зрения», а не о самом Мире. И если это лишь «точки», частные моменты, а они безусловно таковые, поскольку выражены словами, то даже нет смысла искать различия между ними. Принципиальные различия между ними существуют лишь на воспринимающей стороне, где они оцениваются по принципу – соответствует или нет некая точка зрения моей (совпадает ли имя Бога и т.д.). Или по более конструктивному критерию: что можно разглядеть с этой точки зрения, что нового увидеть?

Но вернемся к Началу. Если в русле онтологии и задаться вопросом о *начале* Мира, то в событийной концепции на него будет банальный ответ: начало Мира – это первое событие, разделившее прежде непосредственный и неопределенный универсум событий на субъект и объект, на абсолютный равный Миру субъект познания и абсолютный объект познания как уни-

версум возможностей. Можно аллегорически сказать: Мир захотел познать себя, вот до сих пор и не может разобраться, какая из двух совпадающих частей его есть субъект, а какая – объект познания.

Но если серьезно, то вопрос Начала и Финала может существовать лишь в рамках конкретных онтологий, схем Мира, конкретных «точек зрения». Тезис «Мир есть универсум событий» не отсылает нас напрямую к некому Началу, не требует от нас неперменного ответа о Начале. Этим событийная концепция принципиально отличается от других, в которых тот или иной способ восприятия Мира может быть осмыслен только при отсылке к Началу. Тезис «все есть творение Бога» истинен лишь тогда, когда и Мир сотворен Богом. Формула «все есть формы материи» логически истинна лишь тогда, когда принимается вечность и неизменность материи (в духе закона сохранения энергии).

Универсум событий рассматривается действительно как универсум – он априори не наполнен объектами, он не явлен, пока не указан тот, кому он явлен. Подразумевается, что выдвигение тезиса о начале Мира является прерогативой субъектных (субъективных) точек зрения. Или можно сказать, что в рамках конкретных онтологических конструкций в качестве начального может быть принято произвольное событие. И относительно него Мир может быть явлен и как застывший вне времени и пространства, и как эволюционирующий, и как бесконечно циклически повторяющийся.

Но и эти рассуждения о Начале суть не более чем концепция, точка зрения, имеющая отношение лишь к выделению субъектом конкретного уровня действительности, в которой возможно сосуществование Миров с Началом и без оногo.

В итоге, формально можно представить так (если тут вообще уместно говорить о «представлении», которое у нас однозначно завязано на пространство и время): *Мир есть универсум элементарных, несовпадающих событий, а некоторые множества событий можно ассоциировать с объек-*

Истинно есть царство, где нет ни твердого, ни жидкого, ни жара, ни движения, ни этого мира, ни какого-либо другого мира, ни солнца, ни луны... Это, о монахи, Нерожденное, Невозникшее, Несозданное, Неоформленное. И если бы не было этого Нерожденного, этого Невозникшего, этого Несозданного, этого Неоформленного, то было бы невозможно спастись из этого мира рожденного, возникшего, созданного и оформленного

Будда, «Удана», VIII

тами. Причем объекты различаются объемом множества составляющих их событий – событийной насыщенностью или, в терминологии развиваемой концепции, *темпоральностью*. Использование терминов «событие» и «темпоральность», как явно ассоциированных по смыслу со временем, здесь не совсем корректно – понятно, что в универсуме нет различия пространства и времени, абстрактно универсум можно представлять лишь как математическое множество. Правильнее, наверное, было бы говорить просто о несовпадающих элементах универсума и их множествах. Однако я посчитал, что при обсуждении общей концепции темпоральности говорить о *событиях* более удобно, поскольку при выделении конкретного пространства-времени этим *элементарным единицам универсума* соответствуют именно *события* в действительности субъекта, а объему множества этих событий – *темпоральность объекта*.

Логика первого различения

Итак, в основание темпоральной онтологии положено понятие «событие», вернее «единство всех событий» в виде универсума событий. Глупо спрашивать «а что это такое?». Ну как спрашивать «а что такое Бог? что такое материя? что такое Брахман?» – ответ во всех онтологиях один: единое основание всего мыслимого дальше, основание всего ноуменально и феноменально явленного. По сути, постулирование универсума событий означает простую вещь (как и в любой другой онтологии): все объекты «состоят» из событий (ну, как все есть материя, все есть Бог и т.п.).

И вот тут возникает самый главный момент в любой онтологии – объяснение первого толчка, первого шага, акта потери исходного единства. Зачем Богу понадобилось Творение, материи – форма, Брахману – Атман? Можно сказать, что универсум событий содержит в себе свое различие: с одной стороны, он есть множество неразличенных событий, с другой – события как множественные необходимо являются несовпадающими. Таким образом, мы вынуждены одновременно говорить о тождественности событий (ведь они не есть различенные объекты) и об их нетождественности (поскольку мы постулировали их множество). Это противоречие разрешается, если высказывается относительно единичного выделенного события: оно как выделенное, обособленное, уже не тождественно другим событиям универсума, но как случайное, как одно из этих событий, безусловно, тождественно им. Вот такое выделенное событие понимается как первый объект и одновременно же первый субъект. Следующим закономерным логическим шагом в этой онтологии будет выделение действительности этого субъекта – еще пустой, поскольку другие события универсума пока не различены, но содержащей весь Мир как всю объектную потенцию. В этом противопоставлении

единичного элементарного события, понимаемого как элементарный субъект, и всего универсума теперь вскрывается первое реальное субъект-объектное отношение: отношение между элементарным субъектом и не тождественным ему Миром. И Мир, как первый опосредованно, содержательно выделенный объект (в отличие от непосредственно, случайно выделенного элементарного субъекта), становится и первым реальным субъектом. А поскольку он является максимальным (по объему событий) субъектом, его следует называть *абсолютным субъектом*. И действительность этого абсолютного субъекта дана уже не абстрактно, как акт случайного выделения элементарного события из универсума, а конкретно, как множество уже различных относительно него элементарных объектов. Это отношение абсолютного субъекта к универсуму как к своей действительности и к себе как к субъекту, отличному от этой действительности, и есть первое реальное разделение универсума, потеря им единства, тождества себя с собой.

Конечно, можно сказать, что это лишь логический трюк, что эти рассуждения не имеют ничего общего с Миром... Стоп-стоп. Неужели кто-то возьмет на себя смелость утверждать, что он знает, что такое *мир-сам-по-себе*? Неужели кто-то сидел рядом и наблюдал за актом Творения?

Хотя, ладно, оставим Мир самому себе. Это действительно лишь логический ход, пассаж а-ля Гегель. За приведенными рассуждениями ничего не стоит, как ничего не стоит за фразой «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» или за утверждением «наша Вселенная началась с Большого взрыва». Начало любой онтологии – это всегда условность, форма договора между автором и читателем, введение в понятийное пространство, в терминологию, в логику.

А логика такова: любой разговор о Мире есть разговор о соотношении конкретного субъекта (субъектов определенного уровня) и его действительности (уровневой реальности).

Деление действительности на феноменальную и ноуменальную

Итак, исходные общеполитические рассуждения в идеологии релятивизма, поставленные на фундамент темпоральной концепции, приобрели онтологические очертания. Мир вне и до субъектного взгляда не «наполнен» объектами. Или, наоборот, можно сказать, что он есть множество неразличенных, но несовпадающих объектов, которые мы назвали *событиями* – таким видится Мир с точки зрения элементарного субъекта. Для него Мир есть универсум событий. Нечто различное от элементарного субъекта, не совпадающее с ним, но не имеющее различий в себе.

Ну и дальнейшие логические шаги вполне очевидны. Перескакивая сразу с уровня элементарного события, элементарного субъекта на уровень

привычной нам действительности, следует заключить: *любой объект есть множество событий*. Онтологический уровень объекта определяется объемом составляющего его множества событий. Ну и конечно, этот объем следует определить как темпоральность объекта.

А теперь внимание – ключевой момент темпоральной онтологии. Понятно, что выделяя некий субъект (электрон, клетку желудка, йогина) мы имеем в виду некую темпоральность, задающую онтологический уровень субъекта. Как мы уже условились, действительность любого субъекта разбита на две области: феноменальную и ноуменальную действительности. Ну и, думаю, вполне очевиден следующий шаг: феноменальная действительность субъекта представлена объектами с меньшей, чем у субъекта, темпоральностью, а ноуменальная – с большей. Таким образом я просто повторил уже известные по первой части книги рассуждения о строении действительности субъекта, ассоциировав уровень объектов с темпоральностью. Субъект-клетка воспринимает объекты-молекулы – обладающие меньшей темпоральностью – как феномены своей действительности, а объект-пищеварение – с большей темпоральностью – как ноумен.

Действительность максимально темпорального субъекта «Мир», который мы назвали абсолютным субъектом, вся явлена феноменально. А для элементарного субъекта, отождествляемого с элементарным событием единичной темпоральности, существует только ноуменальная действительность.

Время и пространство

Говоря об универсуме событий, я принципиально не акцентировал внимание на понятиях *время* и *пространство*. Они просто не понадобились – для рассуждений вполне достаточно было представления о несовпадении событий. По сути, речь шла лишь о нечто логически различимом. Так, к примеру, мы рассуждаем о различии чисел в математике – мы не представляем их расположенными в некотором пространстве или последовательно появляющимися во времени. Просто различаем, говорим как о несовпадающих.

И это предельно интересно: нам удалось составить некое начальное онтологическое представление, выделить в Мире субъекты с их феноменальными и ноуменальными действительностями без введения понятий *пространство* и *время*. Конечно, это стало логически возможным благодаря концепту «темпоральность», позволившему ввести относительное различие объектов без указания «среды», «фона» этого различия, избежать принципиально немыслимого в релятивистской идеологии акта: априорного постулирования абсолютных сущностей – пространства и времени. (Следует отметить, что здесь – в онтологических рассуждениях – мы определили темпоральность исключительно как характеристику событийного объема

объектов, без какого-либо намека на *время*, без указания, где и как распределены элементарные события.)

Избежали постулирования, а следовательно, поставили задачу логического введения в онтологию. И решение этой задачи в развиваемой схеме вполне очевидно. Субъект в своей действительности различает объекты исключительно относительно себя, своего уровня, своей темпоральности, разделяя их на феномены и ноумены, формируя свою феноменальную и ноуменальную действительности. Но в этих действительностях субъект вынужден еще и различать объекты друг от друга. Так вот, *пространство и время есть способ, форма, принцип различения объектов в субъектной действитель-*

Я предлагаю следующее в качестве наброска возможной структуры мира. Это не более, чем набросок, и он не предлагает больше, чем возможно. Мир состоит из некоторого числа, возможно конечного, возможно бесконечного, сущностей, которые имеют различные отношения друг к другу и, быть может, из различных качеств. Каждая из этих сущностей может быть названа «событием». С точки зрения устаревшей физики, событие происходит в короткое конечное время и занимает небольшую конечную часть пространства, но поскольку мы не собираемся иметь дело с прежним пространством и временем, это утверждение не может пониматься буквально. Каждое событие имеет отношение к определенному числу других, которые могут быть названы «сжатыми». С точки зрения физики, вся совокупность сжатых событий занимает небольшую область пространства-времени. Одним из примеров множества сжатых событий может служить то, что будет называться содержанием сознания некоторого человека в определенное время, т. е. все его ощущения, образы, воспоминания, мысли и т. п., которые могут существовать в одно время. Его визуальное поле в известном смысле имеет пространственную протяженность, которая не должна смешиваться с протяженностью физического пространства-времени. Каждая часть его визуального поля сжата каждой другой частью и всем остальным «содержанием его сознания» в данное время, а совокупность сжатых событий занимает минимальную область в пространстве-времени. Такие совокупности существуют не только там, где имеется мозг, но и всюду. В любой точке в «пустом пространстве», если использовать камеру, можно сфотографировать множество звезд.

Бертран Рассел, «Логический атомизм»

ности. Субъект, различая феномены, представляет их размещенными в пространстве. Время же следует трактовать как способ восприятия, различения ноуменов. Соотношение ноуменов и феноменов воспринимается субъектом как *движение*.

Попробую пояснить схему введения понятий «пространство» и «время». Мы постулировали универсум как множество элементарных несовпадающих событий. При выделении в универсуме субъекта это абстрактное несовпадение событий и их множеств – объектов – должно приобрести для субъекта конкретное значение – он должен их различать, как-то отделять друг от друга. Объекты меньшей темпоральности – феномены – воспринимаются им «сразу» и «целиком». (Ну очень уж трудно хоть что-то сказать, построить фразу, избежав при этом слов, однозначно намекающих на *время* и *пространство*. Так и тянет написать: в своем *здесь-и-сейчас* субъект воспринимает феномены одновременно.) Так вот, несовпадение феноменов в этом «сразу» субъект называет *пространственным различием* – феномены даны ему в восприятии «одновременно» (можно сказать, в пределах его темпоральности), но различенными, распределенными в пространстве. А вот объекты большей темпоральности – ноумены – субъект не может охватить «сразу» и «целиком», он вынужден воспринимать их «постепенно». Эту «постепенность» субъект называет *временем*. Можно сказать, что субъект воспринимает ноумены, «проплывая» вдоль них. (Помните, мы представляли темпоральные объекты в виде отрезка? Так вот, если изобразить субъект таким образом, то феномены следует рисовать как отрезки меньшей длины, а ноумены – как отрезки длиннее «субъекта».)

Вместо движения разумной Души мы имеем движение одной только ее части, вместо тождества, равномерности и постоянства – нечто непостоянное, создающее один раз одно, а другой раз – другое, вместо неделимого и единого – отражение единого, единство которого проявляется только в непрерывности, вместо бесконечного и целостного – бесконечную смену явлений, вместо замкнутого целого – ряд частей, стремящихся образовать целое...

Нельзя, далее, считать время сопутствующим или последующим фактором, подобно тому, как и вечность не занимает такого положения в ноуменальном мире. Время есть продукт созерцания, неразрывно связанный с Душой, как и вечность неразрывно связана с умолстигаемым миром.

Плотин, «Эннеады»

Множество ноуменов, в отличие от множества феноменов, субъект воспринимает не «сразу», а исключительно последовательно. Такое последовательное различение ноуменов субъект «человек» называет мышлением: он мыслит ноумены один за другим. Субъект «клетка желудка» различает феномены (скажем, молекулы) сугубо пространственно: внутри себя, вне себя, справа/слева и т.п. А вот для различения («мышления») ноумена «пищеварение» клетке нужно *время*: только проанализировав (умея она делать это) множество своих состояний, клетка смогла бы понять, что ею управляет нечто большее, в которое она включена как элемент. Ну совсем как нам для понимания ноумена «экономика» нужно изрядно подумать – нам не охватить его своим восприятием «сразу» и «целиком» (*здесь-и-сейчас*).

Наиболее важно в таком понимании времени и пространства – как субъектных форм различения феноменов и ноуменов, – что мы устранили из темпоральной онтологии понятия абсолютного времени и абсолютного пространства: каждый субъект существует в своем времени и в своем пространстве. Говорить о времени и пространстве вне субъекта, вне его действительности принципиально нельзя. Нет субъекта – нет объектов – и нет времени и пространства. В такой логике пространство можно понимать как *эпифеномен*, а время как *эпиноумен*.

Пространство-время элементарного и абсолютного субъектов

Интересны граничные варианты выделения субъектов. В действительности элементарного субъекта, ассоциируемого с элементарным событием, нет феноменальной части, или можно сказать, что его пространство точечно, имеет нулевую размерность. Его действительность абсолютно ноуменальна. Но она и пуста – элементарный субъект, не обладая темпоральностью, не может различать ноумены. Элементарный субъект существует в непрерывном потоке, в абстрактном времени, в чистом, содержательно не наполненном мышлении.

Действительность абсолютного субъекта, ассоциируемого с полным универсумом событий, наоборот, не содержит ноуменальной части – в его

Время в самой душе. Когда душа приводит в действие ум и появляется мысль, тогда появляется и время. Если нет души, то, конечно, нет мысли, а вне мысли нет времени. Следовательно, нельзя сказать, что душа существует во времени, ибо само время существует в душе.

Свами Вивекананда, «Джяняна-йога»

действительности нет времени. Весь Мир для абсолютного субъекта дан одновременно, пространственно развернуто – от элементарных событий до сложнейших объектов (которые мы воспринимаем как ноумены). Для него нет ни прошлого, ни будущего. Он воспринимает все события сразу. Он не мыслит, он просто видит.

Неточечность сейчас

До сих пор я не акцентировал внимание на одном очень важном и интересном моменте темпоральной онтологии – неточечности самого субъекта, его собственной темпоральной протяженности. Мы обсуждали, что именно темпоральность (событийная сложность) субъекта определяет его уровень, относительно которого происходит разделение его действительности на феноменальную и ноуменальную: объекты меньшей темпоральности он воспринимает как феномены, распределенные по своему пространству, а объекты большей темпоральности – ноумены – мыслит во времени. Но как же субъект воспринимает сам себя?

3. Она сказала: «На чем, Яджнявалкья, выткано вдоль и поперек то, что над небом, что под землей, что между небом и землей, что зовется и прошедшим, и настоящим, и будущим?»

4. Он сказал: «Гарги, то, что над небом, что под землей, что между небом и землей, что зовется и прошедшим, и настоящим, и будущим – это выткано вдоль и поперек на пространстве». ...

«А на чем же выткано вдоль и поперек пространство?»

8. Он сказал: «Поистине, Гарги, брахманы называют это Непреходящим. [Оно] ни велико, ни мало, ни коротко, ни длинно, ни красно, [как огонь], ни текуче, [как влага], ни окрашено, ни темно, оно ни ветер, ни пространство, [ни с чем] не связано, без вкуса, без запаха, без глаз, без ушей, безо рта, [оно] не имеет меры, не имеет ничего ни внутри, ни снаружи. Оно никого не поедает, и его никто не поедает.

...

11. Поистине, Гарги, это Непреходящее не видно и видит, не слышно и слышит, не мыслимо и мыслит, не познается и познает. Нет другого, кто видит, кроме него; нет другого, кто слышит, кроме него; нет другого, кто мыслит, кроме него; нет другого, кто познает, кроме него. На этом непреходящем, Гарги, и выткано вдоль и поперек пространство».

«Брихадараньяка-упанишада»

Наиболее простой ответ: в своем пространстве-времени субъект точечен, его следует ассоциировать с началом системы координат, с центром его феноменального пространства и с точкой *сейчас* на его временной оси. Так мы рассуждали и в философском введении: субъект не обладает никакими атрибутами, характеристиками, параметрами и т.п. – все это принадлежности различаемых им объектов.

Однако, с другой стороны, следуя темпоральной онтологии, мы должны представить субъекта как «перекрывающего» собой, своей темпоральностью собственную феноменальную действительность. Ведь мы, находясь в центре пространства своей феноменальной действительности, воспринимаем ее сразу и целиком (ну, по крайней мере, видимый глазами сектор). Мы не сканируем пространство поточечно, подобно лучу в электронно-лучевых трубках. То есть можно предположить, а памятуя об относительности понятия «момент времени» в темпоральной концепции, даже необходимо утверждать, что наше *сейчас*, в котором фиксируется картинка нашей действительности, неточно. Как мы не замечаем разрывов в телевизионной картинке, связанных с пробеганием электронного луча по экрану, точно так же мы не замечаем, что наше *сейчас* обладает ненулевой длительностью.

Ну посудите сами – вы сейчас видите вокруг себя одновременно множество предметов. Возможно ли все это воспринять мгновенно? В промежуток времени равный нулю? Наверное – нет. Для этого наверняка требуется некоторое время. И вполне резонно предположить: то, что мы воспринимаем как мгновение (наше личное), имеет протяженность во времени. Это не значит, что за время *сейчас* мы «проходим» от начала до конца этого временного промежутка – мы занимаем весь этот промежуток. Мы имеем протяженность, размер во времени.

Собственно, именно так мы и представляли субъекта в самом начале обсуждения темпоральной концепции – мы рисовали его на временной оси в

Там не светит ни солнце, ни луна и звезды, не светят эти молнии – откуда [может быть там] этот огонь?// Все светит лишь вслед за ним, светящим; весь этот [мир] отсвечивает его светом.// ...Поистине, Брахман – это бессмертное, Брахман – впереди, Брахман – позади, справа и слева,// Он простирается вниз и вверх; поистине, Брахман – все это, величайшее.

«Мундака-упанишада»

виде отрезка. Вот этот отрезок – равный темпоральности субъекта – и есть его *сейчас*, «единица измерения» его времени. Теперь можно сказать так: все, что субъект успел зафиксировать в своем протяженном *сейчас*, он и видит как *сейчас* данное в его феноменальном пространстве, а что в *сейчас* не влезло – додумывает.

Легко пояснить, почему мы воспринимаем *сейчас* как мгновение, как не-протяженное. Время есть форма, способ различения, восприятия субъектом ноуменов – объектов большей, чем у него, темпоральности. Ну и резонно задаться вопросом: как в ноуменальной действительности субъекта, а, по сути, в его собственном времени, должен восприниматься ноумен, равный темпоральности субъекта? То есть, как в собственном времени субъект должен различать себя? Ответ очевиден – мгновенно. Можно сказать, что на обдумывание себя в собственном *сейчас* субъект не тратит времени. Или так: субъект во времени есть мера самого себя. Иными словами, протяженность субъекта в собственном времени равна нулю.

Темпоральная онтология и релятивизм

В темпоральной онтологии речь идет о следующем этапе развития релятивизма, следующем после теории относительности шаге отказа от абсолютистских идей. Эйнштейн изъясил из наших представлений о Мире концепцию абсолютного пространства-времени, после чего стало бессмысленно говорить об одновременности событий вне конкретной системы координат. Но представление, что событие все же происходит именно в *единых для всех пространстве и времени* сохранилось – просто параметры события были поставлены в зависимость от системы координат наблюдателя. Так вот, следующим шагом отхода от абсолютистских взглядов является принципиальный отказ от концепции *единого про-*

Субъективность и объективность – это только две стороны одного сознания, и кардинальным фактом является то, что любое данное Пространство и Время или любое данное Пространство-Время как целое являются статусом бытия, в котором есть движение сознания и силы бытия, движение, которое создает или проявляет события и происходящее; именно отношение видящего сознания и силы, формулирующей происходящее, отношение, внутренне присущее статусу, определяет ощущение Времени и создает наше осознание движения Времени, связи Времени, меры Времени.

Шри Ауробиндо, «Жизнь божественная»

странства-времени. Это означает, что вне выделения субъекта наблюдения мы не только не имеем права говорить о каких либо пространственно-временных измерениях, но и о каком-либо пространстве-времени вообще. То есть, как разговор о промежутках времени и расстояниях между событиями без указания конкретной системы координат считается бессмысленным (согласно теории относительности), точно так же и утверждение, что событие вообще «находится» в пространстве, без указания «субъекта наблюдения» следует считать некорректным. Таким образом перед нами вполне логичное, закономерное продолжение движения человеческой мысли от абсолютизации любых понятий в сторону признания их относительности.

Есть только большая или меньшая вооруженность наблюдателя средствами измерения и исчисления. Разница лишь в том, что делает субъект со своими наблюдениями, какое применение из них делает. «Абсолютной» точки отправления, «абсолютного знания» нет и быть не может. Если есть для знания абсолютное и безотносительное, то это «интервал между двумя событиями в хронотопе», но именно в хронотопе то есть в неразрывной связи пространственных и временных координат реальности, но не в пространстве отдельно и не во времени отдельно. Реально лишь непрерывно и закономерно преобразующаяся форма во времени, или интервал, переживаемый от одной формы до другой. «Вещи» как действительного постоянства не существуют в реальности. Всякая «вещь» есть более или менее медленное протекание из одной закономерности хронотопа в другую. Топор протекает чрез свои измерения, конечно, медленнее, чем человек, но он тоже есть протекание в хронотопе, и от нашего интереса к нему зависит, рассматривать ли его «историю» совершенно упрощенно как некоторый образ исключительно пространственной формы (отвлекаясь от его изменений во времени), или более конкретно, или технологически как сцепление материалов той или иной прочности, или, наконец, социологически как орудие производства. Во всех случаях: 1) наблюдение, 2) измерение и 3) исчисление. И топор, и полено, и человек, и деревья, и лес, и солнечная система, и Ньютон, и Лена Бронштейн – все это «мировые линии в хронотопе», в закономерном протекании, а выделение их из совокупности бытия и из множества других линий – дело интереса наблюдателя.

Ухтомский, «Доминанта. Статьи разных лет»

Фактически утверждение об относительности фиксации пространства-времени означает, что мы не можем констатировать, что какие-либо выделенные в нашей действительности феномены и ноумены являются таковыми абсолютно, априори, вне нашего их наблюдения.

Здесь важно заметить, что речь идет не о солипсизме – не об отсутствии вообще объектов вне нашего сознания, и не о пресловутой кантовской *вещи-в-себе*, как некой непостижимой сущности объекта. Речь идет именно об относительности фиксации *формы, пространственно-временного статуса* объекта, зависимости этой формы только и исключительно от указания субъекта наблюдения – фактически об относительности выделения феноменов и ноуменов. При этом сами объекты принимаются существующими и вне субъектной их фиксации. То есть принцип относительности объектов или относительности их феноменально-ноуменального, пространственно-временного представления утверждает, что любой объект вне и до выделения его субъектом не находится ни в пространстве, ни во времени, не является ни феноменом, ни ноуменом.

Пространство-время и реальность

Утверждение, что о пространстве и времени невозможно говорить вне конкретного субъекта, ничуть не противоречит нашей практике жизни по одним часам и измерения всего и вся одним аршином, то есть не противоречит нашему существованию в единой для всех (или точнее сказать для большинства) реальности. Ведь мы и определили реальность как область пересечения действительностей близкоуровневых субъектов. И понятно, что физические, химические объекты, которые мы однозначно принимаем за реальные, занимают одинаковые области в наших индивидуальных феноменальных дейс-

Теория пустоты и теория отсутствия самости вещей не подразумевают несуществования вещей. Вещи действительно существуют. Когда мы говорим, что все явления лишены самобытия, то это вовсе не означает, что мы утверждаем идею несуществования этих явлений, отрицаем сам факт их существования. Что же мы в таком случае отрицаем? Мы отрицаем или отвергаем положение о том, что какая-либо вещь существует сама по себе, независимо от других вещей. Следовательно, утверждается, что вещи лишены независимого самобытия именно потому, что они в своем существовании обусловлены некими существующими помимо них причинами и условиями.

Далай-лама XIV, Интервью в Бодхгайе, 1981-1985 гг.

твительностях. Аналогично и большинство ноуменов и уж точно ноуменов, непосредственно связанных с феноменами (понятия «пищеварение», «футбол» и т.п.), у большинства людей совпадают. По сути, воспитание и обучение являются именно инструментами унифицирования уровней субъектов, подгонки их под стандартную для социума темпоральность.

Итак, для всех субъектов одной темпоральности разделение объектов на феномены и ноумены совпадает – и мы говорим, что эти субъекты существуют в одном пространстве-времени. Ну и понятно, что любые различия в мировоззрении, в различении или неразличении каких-либо объектов разными людьми есть прямое следствие несовпадения их онтологических уровней, их темпоральностей. Ведь, в сущности, разница в объеме знаний, опыта есть не что иное, как разница в сложности, а соответственно – в темпоральности. Ну и понятно, что эти малые различия в темпоральности (знание, опыт) проявляются в разном видении лишь близких по темпоральности к человеку объектов, скажем, политических, культурных, религиозных ноуменов. Объекты, значительно отличающиеся от нас по уровню, к примеру, вещественные предметы, воспринимаются практически всеми людьми одинаково. «Практически» здесь добавлено для указания на то, что редко, но наблюдаются факты случайно-патологического или сознательного смещения уровня темпоральности у отдельных людей. Вследствие чего их видение Мира сильно отличается от стандартного, соответствующего обычному уровню человеческой темпоральности.

Кстати, именно отсутствие хоть какого-то параметра, принципа разделения, классификации объектов, а самое главное, субъектов, кроме их

...Формы психической упорядоченности являются актами творения во времени. Кстати, именно поэтому я выделил элемент времени, как характерную черту этих феноменов, и назвал их синхронистическими... Вообще-то, я склоняюсь к той точке зрения, что синхронистичность в узком смысле является всего лишь отдельным примером общей акаузальной упорядоченности – а именно, эквивалентности психических и физических процессов, где наблюдатель занимает выгодную позицию, поскольку способен опознать *tertium comparationis*. ... Пространство и время теряют свое значение или становятся относительными, ибо в этих условиях причинность, которая предполагает наличие пространства и времени, больше не может считаться существующей и становится совершенно немислимой.

Юнг, «Синхронистичность: акаузальный связующий принцип»

пространственно-временного положения, до сих пор не позволяло никому сделать еще один шаг в направлении от абсолютизации элементов нашей картины Мира. Он стал возможен лишь благодаря введению, казалось бы, столь очевидной концепции различения объектов по темпоральности.

Множественность реальностей

Исходя из определения реальности как области пересечения действительностей близкоуровневых субъектов, следует заключить, что таких реальностей существует множество. Если, скажем, относительно физической, химической, отчасти биологической областей действительностей у людей есть единое представление, то на уровне социально-политических объектов уже наблюдаются существенные расхождения. То есть буквально – одно и то же множество событий универсума разные субъекты «оформляют» в различные объекты, помещая их в отличающиеся действительности. При этом наличие в социуме механизмов унификации уровней (образование, религия, идеология) позволяет говорить о формировании устойчивых реальностей – действительностей, совпадающих для некоторой группы субъектов.

Вообще, существование устойчивых реальностей можно рассматривать либо как необходимое условие формирования и выделения уровней, либо, наоборот, как следствие такого выделения. В любом случае, при наличии множества субъектов всегда можно некие совокупности частных феноменальных действительностей объединить в устойчивые уровневые реальности.

Сложный субъект

Для более точного понимания перехода от субъектных действительностей к уровневым реальностям введем понятие «сложный субъект». Как эмпирический факт следует признать, что некоторые объекты в феноменальной действительности субъекта являются особенными, выделенными – это абсолютно пространственно совпадающие с субъектом феномены, всю совокупность которых мы называем телом субъекта, при необходимости разделяя его на физическое, физиологическое, психическое, психологическое тела. При этом, что естественно в развиваемой концепции, тело жестко пространственно связано с субъектом – находится в центре его системы координат.

В отличие от феноменальных объектов, которые однозначно подразделяются субъектом на собственное тело (тела) и прочие объекты, размещенные в пространстве субъекта, объекты в ноуменальной действительности субъекта все «принадлежат» ему. Ноумены субъект различает последовательно и исключительно как свои, как поток своих мыслей. Хотя, учитывая то, что ноумены темпорально шире субъекта, точнее было бы говорить, что не но-

умены «принадлежат» субъекту, а он им – он включен в них, подчинен им. Ведь действительно, нам никуда не деться от своих мыслей – мы их рабы. Однако *разумный* субъект способен и номены подразделить на «свои» и «не свои», то есть из потока мыслей однозначно выделить те, которые (как ему кажется) порождаются им же, постоянно сопровождают его – составляют его «ментальное тело».

Итак, субъект, трактуемый нами ранее как некое единое множество событий, теперь представляется как многоуровневый конструкт, состоящий из некой точки, однозначно определяющей уровень его действительности, и ряда прицепленных «снизу» и «сверху» объектов. То есть можно сказать,

Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и внутренней связи. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. И мы не отдаем себе отчета в их жизненно важном значении до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой реальности нам требуются новые характеристики энергетической однородности и внутренней связи.

Я спросил, что такое однородность и внутренняя связь. Он ответил, что под однородностью понимается однородность формы – все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что человеческая форма сохраняет компоновку шара или яйца, говорит о наличии у человеческого энергетического поля определенной внутренней связи. Примером формирования нового типа энергетической однородности и внутренней связи может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики однородности обусловили их превращение в полосу: все они как один сделались полосами. А новые характеристики внутренней связи позволяют им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же новых характеристик однородности и внутренней связи на уровне энергетической полосы позволяют древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

Карлос Кастанеда, «Искусство сновидения»

что субъект есть, как минимум, единство феноменального (физического) тела, ноуменального (ментального) тела и точки их сочленения (*Я*).

Феноменальное и ноуменальное тела субъекта в свою очередь можно представить как составные. К примеру, из феноменального тела можно вычленил биологическое тело и зафиксировать его как субъект. Тогда относительно этого физиологического субъекта, относительно его уровня психическое и все другие тела будут иметь ноуменальную природу и, естественно, относиться к ноуменальной, а не феноменальной действительности. Наверняка такова действительность людей, выросших вне социума – они не воспринимают объекты выше физиологического уровня.

Безусловно, ноуменальное тело также может пониматься как сложное. Но лишь *пониматься*. С позиции субъекта никаких явленных границ в его ноуменальной действительности принципиально не существует. Уровневость ноуменального тела различима лишь с позиции субъекта большей темпоральности. Но для него эти уровни уже не являются ноуменальными – они явлены ему как феноменальные.

Субъектная действительность и уровни реальности

Представление о сложном субъекте было введено для более убедительного обоснования принципа формирования реальности. Теперь единую феноменальную действительность субъекта мы можем представить как сложную – составленную из действительностей субъектов (протосубъектов), соответствующих его феноменальным телам (физического, химического и т.д.). Понятно, что чем ниже уровень (темпоральность) протосубъектов, тем более «стабильна» их действительность, то есть она совпадает для множества одноуровневых протосубъектов. А это значит, что их феноменальные действительности с позиции высших уровней объединяются в единую уровневую реальность – физическую, химическую, биологическую и т.д. То есть фиксированность, однозначность, или, как принято говорить, объективность физической реальности субъектов определяется не столько их одноуровневостью, как отмечалось ранее (в точке *Я* они имеют заметный разброс), а идентичностью уровней протосубъектов их феноменальных тел. Мы вполне однозначно соотносим наши субъектные действительности, приходим к соглашению о наличии некой объективной реальности (то есть единого для всех множества феноменов), поскольку мы как субъекты жестко закорены на уровне действительностей наших пространственно феноменальных тел. И понятно, что чем ниже уровень тела, тем более стабильной и однозначной видится нам соответствующая реальность.

Итак, единую реальность следует рассматривать как многоуровневую, причем с восхождением от физического уровня до уровня субъекта эта ре-

альность все более расслаивается на отдельные субъектные действительности, в пределе переходя в полную субъективность в точке *Я*.

Уровень субъекта и различие тел

Вообще, можно сказать, что каждый субъект обладает полным спектром тел в иерархии от элементарного до абсолютного субъекта. Различаются же субъекты друг от друга по тому, с каким из тел они себя отождествляют, на каком из уровней располагается их *Я*, их субъектная действительность. Если же обратиться к терминологии темпоральных систем, то можно сказать, что субъекты различаются по их соотносению с тем или иным уровнем в темпоральной иерархии (процессом, действием, деятельностью).

Как уже рассматривалось, биологический субъект соотносится с системой-действие, что, по сути, означает, что он способен индивидуально реализовать совокупности процессов, завершающихся конкретным событием-результатом. Понятно, что необходимым условием для успешного выполнения действия является выделение живым субъектом себя, своего тела в качестве отдельного объекта в своей феноменальной действительности. Собственно, мы и описываем действие как пространственно-временное совмещение тела биологического субъекта и события-результата. На быденном языке эта мысль звучит так: действие пчелы, перелетающей на цветок, заключается в совмещении в пространстве двух объектов, которые она должна различать – цветка и себя. Исходя из вышесказанного, можно предложить еще одно определение биологического субъекта: *живыми являются субъекты, распознающие себя (свое тело) как объект своей феноменальной действительности*. При этом сложные биологические объекты распознают не только свое тело как целое, но и его отдельные части (конечности и пр.), что позволяет им выполнять более сложные действия. Здесь еще необходимо отметить, что ноуменальные тела (то есть высшего уровня, чем система-действие) биологического субъекта не принадлежат ему индивидуально – тело-деятельность (разумное, ментальное тело) реализуется на биологическом уровне сугубо темпорально на «популяционных» событиях, оно не индивидуально.

По ранее приведенной классификации разумный субъект – это деятельный субъект, то есть локально отождествленный с системой-деятельностью. Это означает, что для индивидуальной реализации деятельности он должен совместить себя (свое *Я*) с системообразующим фактором системы-деятельности – ноуменом «цель». Если живой субъект для выполнения действия должен выделять себя (свое тело) как объект своей феноменальной действительности, то разумный субъект для реализации деятельности должен выделять себя как самостоятельный объект своей ноуменальной действи-

тельности, то есть обладать индивидуальным ноуменальным телом. Последний тезис можно считать вполне формальным определением разумного субъекта.

Здесь следует отметить, что выделение границ тел вполне условно – при различных подходах, различных логиках возможна более или менее детальная их классификация в иерархии уровней. Что мы и наблюдаем при сравнении различных трансреальных концепций – деление субъекта на физическое, психическое, витальное, ментальное, астральное, супраментальное и др. тела происходит в них по-разному. Важно понять принцип: субъект

В любом случае, если Дух есть фундаментальная реальность, то Время и Пространство должны быть либо концептуальными условиями, при которых Дух обзорекает свое собственное движение энергии, либо они должны быть фундаментальными условиями самого Духа, который предполагает различную видимость или статус в соответствии со статусом сознания, в котором они проявляются. Другими словами, для каждого статуса нашего сознания существуют различные Времена и Пространства, и даже в пределах каждого статуса есть различные движения Времени и Пространства; но все будет передачей фундаментальной духовной реальности Пространства-Времени. В действительности, когда мы выходим за физическое пространство, то начинаем осознавать расширение, на котором базируется все движение, и это расширение – духовное и не материальное; это «я» или Дух, содержащий все действие своей собственной Энергии. Это происхождение или базисная реальность Пространства начинает становиться видимой, когда мы отходим от физического: ибо тогда мы начинаем осознавать субъективное расширение Пространства, в котором сам разум живет и движется и которое есть нечто другое, чем физическое Пространство-Время, и все же в этом есть некоторая интерпретация; ибо наш разум может двигаться в своем собственном пространстве таким образом, чтобы вызвать движение также в пространстве Материи или действовать на что-то удаленное в пространстве Материи. В еще более глубоком состоянии сознания мы осознаем чисто духовное Пространство; в этом осознании Время кажется больше не существующим, поскольку прекращаются все движения, или, если что-то движется и происходит, то это может иметь место независимо в любой наблюдаемой последовательности Времени.

Шри Ауробиндо, «Жизнь божественная»

определенного уровня отождествляет себя с телами низших уровней и входит как элемент в тела высших уровней. С ростом темпоральности субъект смещает привязку своего Я, отождествляя себя с телами все более высоких уровней. Это может происходить в результате последовательного закономерного усложнения субъекта, и тогда мы говорим об эволюции – появлении биологического организма или человека разумного. Но потенциально субъект обладает также возможностью спонтанного расширения темпоральности, в результате чего может отождествлять себя с телами высших уровней, и тогда мы говорим об прозрении, откровении, просветлении.

Итак, каждый субъект вписан в полную иерархию темпоральных систем-тел от элементарного события до абсолютного субъекта. Тела низшей относительно себя темпоральности субъект воспринимает феноменально и позиционирует их как начало системы координат своей феноменальной действительности. Тела большей темпоральности в общем случае не «принадлежат» единичному субъекту. Однако разумный субъект, как действующий, отождествляет ноумены низших порядков со своим Я, фиксирует их как индивидуальные мысли, как свое ментальное тело. «Мысль, следовательно, существую». Этот тезис Декарта именно и определяет сущность разумного субъекта, как обладающего собственным ноуменальным телом, как выделяющего себя в качестве объекта своей ноуменальной действительности. Перефразируя Декарта, о живом организме, различающем себя в своей феноменальной действительности, можно сказать так: он действует, следовательно, существует (как живой).

Событийное единство Мира

Центральным моментом в темпоральной онтологии является понимание *трансреальности элементарных событий*. То есть элементарное событие не принадлежит никакой конкретной реальности/действительности – оно может одновременно относиться (входить в состав объектов) неконечно-го числа действительностей. А значит, выделение отдельных физических, химических, биологических действительностей/реальностей нельзя представить как «вырезание» из универсума событий неких специфических областей – на каждом субъектном уровне универсум «представлен» целиком, полной совокупностью событий. Просто на разных субъектных уровнях, в разных действительностях совокупности событий проявляются в виде различных объектов – локализуются в специфических для конкретного уровня феноменах и ноуменах. Скажем, для химического субъекта (молекулы) Мир будет наполнен ядерно-физическими взаимодействиями, другими молекулами, химическими реакциями. Но явленные субъекту-молекуле объекты нельзя представить как лишь ограниченную область универсума, вне кото-

рой, остались биологические и социумные совокупности событий. Химическая действительность охватывает весь универсум: и химические взаимодействия в геологических породах, и химические реакции в биологических организмах, и процессы на химических предприятиях социума. Только для субъекта-молекулы такие объекты, как «клеточный метаболизм», «изготовление капроновых чулок», «жаренье яичницы на газовой плите» не существуют – для него это принципиально непостижимые ноумены. На уровне химического субъекта горение природного газа в расщелине породы неотличимо от горения газа в конфорке плиты.

Еще раз акцентирую внимание: не то, чтобы некоторые события универсума были «недоступны», «невидимы» с химической «точки зрения» – нет, на химическом субъектном уровне, как и на любом другом, событийно явлен весь универсум. Просто вследствие недостаточной собственной темпоральной сложности химический субъект не может различить событийные образования со значительно большей темпоральностью. Можно сказать, что у него не хватает темпоральности для «охвата одним взглядом» распределенной во времени сложности объектов высших уровней. Хотя каждое химическое событие в них (в живой клетке, на химическом предприятии) феноменально явлено в его действительности.

Событийное единство ноуменов и феноменов

Понятно и то, что элементарные события (как *элементарные*) принципиально не могут разделяться на сугубо «феноменальные» и «ноуменальные», принадлежащие исключительно к феноменальным или ноуменальным объектам: событие, выделенное в феномене некоторой субъективной действительности, необходимо входит и во множества событий, составляющих ноумены этой же действительности. То есть в темпоральной онтологии недопустимо представлять, что субъект разделяет универсум на две части:

То, что называется ключом ко всему, – это знание, что Земля является чувствующим существом, и, как таковая, может дать воину мощный толчок – импульс, идущий от Сознания самой Земли, в то мгновение, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие эманации внутри кокона Земли. Ну, а поскольку и Земля, и человек – чувствующие существа, их эманации совпадают, или лучше сказать, у Земли есть все эманации, присутствующие в человеке и во всех чувствующих существах, – органических и неорганических.

Карлос Кастанеда, «Внутренний огонь»

одни события образуют феномены, а другие – ноумены. Универсум – он всегда универсум.

Пояснить эту мысль можно с помощью пространственной аналогии. Скажем, электрон в нейроне моего мозга одновременно принадлежит и моему телу, и этому нейрону, и молекуле, и атому. Так и элементарное событие, выделенное в некоем феномене, одновременно включено и во все феномены, образующие пространственную иерархию (атом, молекула, клетка), и во множество ноуменов (процесс, действие, деятельность). Так и мое тело, к примеру, одновременно входит в состав нескольких человеческих сообществ: семья, соседи, коллектив на работе, фан-клуб футбольной команды и т.д. Аналогично и элементарные события одновременно входят во множество ноуменов. Пример с сообществами демонстрирует, вдобавок, еще и плавность перехода от феноменальной действительности к ноуменальной: коллектив есть нечто промежуточное – не чистый феномен, поскольку пространственно не локализован, но и не ноумен, поскольку не есть нечто лишь мыслимое.

Событийное единство феноменов и ноуменов можно продемонстрировать и обратившись непосредственно к темпоральной онтологии. Рассмотрим, к примеру, мгновенное состояние тела биологического организма – перед нами феномен, составленный из множества химических событий. Ограничившись этим уровнем анализа – на уровне среза химических событий, – мы не сможем сделать вывод, что перед нами живой организм, то есть сопоставить ноумен «жизнь» с феноменом «тело». Однако наблюдение тела на длительном промежутке времени (соизмеримом с метаболическим циклом или циклом размножения) позволит заключить: перед нами нечто живое. Этот вывод означает, что мы смогли зафиксировать, распознать ноумен «жизнь». Фактически ноумен «жизнь» мы выявили, наблюдая те же химические события, но на большом отрезке времени – никаких других особых жизненных, ноуменальных событий не существует.

Прошлой ночью мы с Хенаро показали тебе две последние точки, образующие целостность человека, – нагуаль и тональ. Однажды я говорил тебе, что эти две точки находятся вне нас, и в то же время это не так. Это парадокс светящегося существа. Тональ каждого из нас является просто отражением неопишемого неизвестного, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас является только отражением неопишемой пустоты, которая содержит все.

Карлос Кастанеда, «Сказки о силе»

Эту же мысль можно продемонстрировать на примере мелодии. Сколько бы мы ни анализировали изменение амплитуды колебания звуковой волны, мы не найдем в этом потоке никаких специфических событий, которые можно было бы по отдельности отнести к таким объектам, как «нота», «ритм», «тональность». То есть мы принципиально не можем выделить «нотные» события, составляющие ноты, или «тональные» события, составляющие ноумен «тональность». Все перечисленные объекты строятся из одних и тех же событий, просто по-разному конфигурируемых и выбранных на отрезках разной длительности звучания: для выделения ноты достаточно периода в одно или несколько колебаний, для фиксации ноумена «тональность» как более темпорального по сравнению с нотой необходим больший отрезок мелодии, большая совокупность событий. Но опять отмечу: события, составляющие объект «тональность», это те же события, что составляют и объект «нота».

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

Мир идей и вещь-в-себе

Итак, мало того, что субъекту каждого уровня явлен весь универсум – нет никаких специфически уровневых событий, – так еще в универсуме и в субъектных действительностях нет разделения на феноменальные и ноуменальные события: *все объекты составлены из одних и тех же событий – феномены и ноумены различаются по способу выборки совокупностей событий из единого множества (потока).*

По сути, сейчас, вот этой простой фразой, я сформулировал ответ на два концептуальных философских вопроса: об объективном существовании платоновских эйдосов/идей и о природе кантовской *вещи-в-себе*.

В темпоральной онтологии любой ноумен, как объект, выделяемый субъектом в своей действительности, существует столь же объективно, как любой феномен. Различия онтологических статусов феномена и ноумена

Чтобы преодолеть это препятствие, два китайских мудреца, царь Вен и князь Чу, в двенадцатом веке до нашей эры, взяв за основу гипотезу о единстве природы, попытались объяснить одновременность протекания психического состояния и физического процесса, как эквивалентность смысла. Иными словами, они предположили, что как в психическом состоянии, так и в физическом процессе, выражалась одна и та же настоящая реальность.

Юнг, «Синхроничность: акаузальный связующий принцип»

сводятся к различному отношению их собственной темпоральности к темпоральности субъекта: первый различается в пространстве, а второй, не вмещаясь в пространство субъекта, может только мыслиться им во времени. Но и феномен, и ноумен, оба являются множествами событий, причем одних и тех же событий, оба являются темпоральными системами, только распределенными на различной длительности потока событий – как, к примеру, химико-физиологические феномены в теле биологического организма и ноумен «жизнь». Более того, как мы уже знаем из темпоральной концепции, существование эйдоса-ноумена «жизнь» обязательно должно предшествовать появлению пространственно-локализованных объектов, которые мы называем живыми – организмов. Отрицание объективного существования эйдосов аргументом, что, мол, эйдос есть лишь наш мыслительный конструкт, мне кажется совершенно несостоятельным: наше мышление ноуменов ничем онтологически не отличается от нашего восприятия феноменов, которые, как и ноумены, есть лишь субъектные образы, только не мысленные, а зрительные/слуховые/тактильные и пр. Таким образом, можно сказать, что мир эйдосов, мир идей это совокупность объектов (ноуменов), выделенных на одном с феноменами потоке событий и обладающих большей темпоральностью, чем субъект. То есть мир идей это просто ноуменальная действительность субъекта. Хотя, наверное, точнее было бы говорить о «ноуменальной реальности» – области пересечения ноуменальных действительностей близкоуровневых субъектов.

Проблема же кантовской *вещи-в-себе*, проблема ноумена, сокрытого в *вещи* – в пространственно явленном объекте – трансформируется в проблему *вещи-вне-себя*, *вещи-в-мире*, в проблему «перекрытия» ноуменами феномена. В темпоральной онтологии познание феномена понимается не как проникновение внутрь его, постижение его собственной сложности, а наоборот, как видение (мышление) темпорально большей ноуменальной сложности, видение встроенности феномена в эту сложность, вписанности феномена в ноумены текущего потока событий. Максимальное знание возможно лишь через познание ноуменов предельной темпоральности, через постижение абсолютного ноумена. Познание – это всегда восхождение, а не углубление.

Наше знакомство с воспринимаемым нами миром принуждает нас верить, что мы окружены предметами, существующими сами-по-себе и независимо, то есть так, как мы их воспринимаем. Но, в действительности, нет мира предметов, а есть вселенная эманаций.

Карлос Кастанеда, «Внутренний огонь»

Эти мысли можно продемонстрировать на известных нам примерах. Скажем, сущность феномена «тело биологического организма» принципиально невозможно постичь, анализируя его пространственную структуру, то есть путем углубления в *вещь-в-себе*. Эта сущность – понятие, ноумен «жизнь» – находится вне феномена, она темпорально больше него. Аналогично, если мы попытаемся предельно досконально проанализировать объект «конкретная голевая атака» – все пробежки и пасы, – то не выявим ее сущность, не доберемся до ее содержания, до понимания ноумена «темпоральная система-деятельность футбол». Однако, если мы будем наблюдать множество атак, с голами и без голов, со свистками судьи, штрафными и прочими вариациями, то в конечном счете мы поймем, что существует нечто темпорально большее единичной атаки, некий ноумен, который ее формирует, является ее сущностью. Так и сущность (место, значение, воздействие на слушателя) конкретной ноты в мелодии не может быть выявлена путем анализа ее физических параметров (частоты, амплитуды) – понять эту сущность можно только через восприятие ноуменов «тональность», «ритм», «художественный замысел», «эмоция композитора и исполнителя» и пр.

Темпоральность познания

Следовательно, основным методом познания феномена является не анализ его структуры, а распознавание объемлющей его ноуменальной сложности, то есть стремление к поиску более темпоральных объектов, распределенных на одном с ним потоке событий. В терминологии темпоральной иерархии эта мысль звучит просто – понять любой объект возможно только через анализ темпоральной системы высшего относительно него ранга: переход – через анализ процесса, процесс – лишь как включенный в действие, действие – только как элемент деятельности. А продвинуться в таком познании возможно только путем расширения темпоральности познающего

И вот высшие этажи, эти наиболее дальнзоркие и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы, предвидят предстоящую реальность задолго, у больших людей они могут предвидеть в истории за сотни лет, ибо хронотоп гения чрезвычайно обширен, и именно гениальные деятели в своем индивидуальном поведении для себя чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления, для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил.

Ухтомский, «Доминанта. Статьи разных лет»

субъекта, смещения его уровня. Так и получается, чтобы познать феномен, постичь *вещь-в-себе*, надо прежде всего познать себя, расширить свое темпоральное содержание.

Это не образное выражение, не игра слов, а строгий тезис темпоральной гносеологии. Сможет или не сможет субъект различить некий ноумен, зависит исключительно от его собственной темпоральной сложности, то есть попросту от его уровня. Единственный способ постичь нечто, лежащее за пространственной структурой феноменов, то есть понять их ноуменальное содержание (хотя точнее говорить ноуменальное «обрамление») – это расширить собственную темпоральность. Для этого существуют вполне традиционные методы, скажем, обучение, которое фактически и есть не что иное, как метод усложнения субъекта познания. В ходе обучения, а по сути, в результате роста темпоральности, субъект обретает способность различать все большее разнообразие ноуменов, а следовательно, понимать сущность все большего числа феноменов. Сжимание же темпоральности (по старости или по болезни) ведет к потере способности различать сложность.

Значительного повышения сложности – вплоть до перехода субъекта на следующие онтологические уровни – можно достичь специальными трансреальными практиками.

Формы познания

На основе полученных выводов о природе и механизме познания можно попытаться зафиксировать специфику различных его форм: научного, художественного, философского, религиозного, мистического.

Научное познание есть, по сути, анализ воспроизводимых событий, выявление регулярных структур в темпоральных системах. Рационально познать значит, как минимум, зафиксировать в потоке событий однозначно повторяющиеся события, и таким образом выделить на этом потоке новый объект (чаще ноумен).

На начальном уровне научное познание сводится к классификации, систематике. На следующем этапе развития рационального познания происходит фиксация более сложных ноуменов, объединяющих множество не столь явно (как в классификациях) подобных событий. Скажем, ноумен «гравитация» выявлен на множестве воспроизводимых событий падения тел и движения планет, а ноумен «генетическая наследственность» на повторении в поколениях некоторых признаков биологического организма.

В основе современного естествознания лежит точное предсказание однозначно воспроизводимых событий. Достигается оно за счет сопоставления двух потоков событий: событий действительности познающего субъекта и

событий в регулярных математических вычислениях. Если на некотором отрезке наблюдается совпадение событий двух потоков, то предполагается, что совпадение будет наблюдаться и далее. Взгляд на научное познание, как на анализ регулярных структур в темпоральных системах, дает вполне простой ответ на загадку эффективности математических методов в естествознании: если нашей целью является выявление именно регулярности, однозначной воспроизводимости, то почему нас удивляет, что увиденная нами «природная» структурность совпадает с созданной нами же «искусственной» (математической) структурностью.

Художественное познание – это форма выявления субъектом ноуменов на едином, объединенном потоке событий его феноменальной действительности и психо-эмоциональной части его ноуменальной действительности. По сути, художественное познание это поиск гармонии между феноменальной и ноуменальной сферами индивидуальной действительности субъекта. В отличие от рационального познания, речь здесь идет о выявлении уникальных или не регулярно воспроизводимых эмоциональных ноуменов. Художественное творчество это способ фиксации познанных эмоциональных ноуменов в создаваемых субъектом потоках событий – в произведениях искусства – с целью их передачи другим субъектам.

Философское познание, понимаемое как мышление мышления, в терминах темпоральной гносеологии может быть определено как выявление однозначно воспроизводимых структур – новых объектов – в ноуменальной действительности субъекта. Со стороны рациональности – выявления регулярных образований – философия близка к науке. Однако как ориентированная на сугубо индивидуальный предмет – ноуменальную действительность субъекта – она подобна художественному познанию.

Религиозное познание – это поиск единой основы всех субъектных действительностей, всех различаемых объектов, стремление постичь ноумен максимальной темпоральности, который мы ранее определили как абсолютный субъект. Религиозное познание напрямую реализует принцип темпоральной гносеологии «познание элементарного возможно только через постижение абсолютного». Движение к пониманию абсолютного субъекта в

...В этом мнимом феноменальном мире, созданном для науки, все отношения, которые нельзя выразить в одновременности, т.е. в пространстве, непознаваемы научными методами.

А. Бергсон. «Опыт о непосредственных данных сознания»

религии обычно реализуется через ритуалы – упорядочивание, синхронизацию событийного потока.

Мистическое познание предельно сложных ноуменов высших уровней, вплоть до абсолютного субъекта, осуществляется при помощи специальных практик, направленных на приведение собственной темпоральности субъекта в тождество с темпоральностью объекта познания. Именно поэтому иногда мистическое познание называют *тождественным познанием*. Основное отличие трансреальных практик от традиционного обучения заключается в том, что смещение уровня субъекта достигается не посредством его структурного усложнения, а путем очищения ноуменальной действительности субъекта от низкотемпоральных объектов. Образно можно сказать так: расширение темпоральности субъекта в ходе традиционного обучения реализуется как бы «распираем» его изнутри, его «наполнением», и этот метод принципиально ограничен сложностью субъекта; мистические же практики достигают эффекта за счет «очищения» действительности субъекта. Можно представить, что объектное наполнение действительности удерживает темпоральные границы субъекта, а в результате методичной очистки действительности субъект «растекается» в прошлое и в будущее, бесконечно увеличивая свою темпоральность вплоть до абсолютной.

Обобщенно можно сказать, что любое познание есть выявление ноуменов на потоке событий субъектной действительности и/или творение фено-

Мы же явно не в силах подчинить себе всю объективную реальность. Это невозможно. Рыбка готова взлететь в воздух, спасаясь от врагов, преследующих ее в воде. Как она может это сделать? Отрастив крылья и превратившись в птицу. Рыба не изменяет ни воду, ни воздух, изменения в ней самой. Изменения всегда субъективны. Проследивая весь процесс эволюции, можно убедиться в том, что природа преодолевается путем изменений субъекта. Перенесите этот принцип на религию и на мораль, и вы обнаружите, что преодолеть зло можно только изменениями субъекта. Именно поэтому философия адвайты построена преимущественно на субъективной стороне человеческой природы. Бессмысленно говорить о зле и о страданиях, ибо они не существуют вне нас. Если я недосигаем для злости, я никогда не злюсь. Если я свободен от ненависти, я никогда не испытываю это чувство.

Свами Вивекананда, «Джняна-йога»

менов, реализующих ноумены. Оба акта – выявление ноуменов и творение феноменов – усложняют субъектную действительность, что, по сути, мы и называем познанием или в терминах темпоральной онтологии и гносеологии – расширением темпоральности субъекта, восхождением по онтологическим уровням.

Творение

В одних онтологиях источником развития, творения является природа, материя, в других – абсолютный субъект, Творец, в третьих – субъект (*Я*). В темпоральной же концепции нет (и не может быть) локализованного источника развития. По одной простой причине: в ней нет однозначного, вне субъекта, общего для Мира различения ноуменальной и феноменальной действительностей – ноумены и феномены «состоят» из одних и тех же элементарных событий. Следовательно, любое изменение феноменальной действительности является изменением и ноуменальной – и наоборот.

Однако, поскольку системой отсчета, уровнем, относительно которого происходит выделение этих действительностей, является субъект, то любые изменения в действительностях фиксируются именно через субъекта – творение неизбежно связано с субъектом. Но субъект не является причиной, источником творения он лишь «трансформатор», «реализатор» творения, творчества. А истинной причиной творения (как и в любой онтологии) является исходное расчленение единства универсума – сам факт выделения субъекта. Субъект будет реализовывать свою функцию восстановления единства пока не достигнет до абсолютного субъекта.

В темпоральной онтологии эволюция не абсолютна. С позиции элементарного субъекта (элементарного события) каждое событие эволюционно ново, Мир есть непрерывное становление, перманентное творение. Для абсолютного субъекта Мир феноменально развернут, в нем нет времени, а значит, нет не только развития, но и движения. И если можно говорить о творении в таком застывшем Мире, то как о едином акте расчленения универсума на абсолютного субъекта и его действительность. И лишь промежуточные субъекты, способные в ходе познавательной деятельности смещать своей онтологический уровень, расширять свою темпоральность, могут наблюдать творение, выявлять в своей действительности новые ноумены и феномены.

Темпоральная философия

Темпоральная гносеология в разных своих аспектах, при разрешении различных проблем философского познания представляется то как монистическая, то как дуалистическая, то как плюралистическая.

Принятие универсума элементарных событий в качестве основы явленного нам Мира соответствует монистическому взгляду. Темпоральная концепция отрицает наличие множества исходных субстанций.

Однако ясно, что само явление Мира возможно только для и через субъекта – особого объекта, разделяющего Мир относительно уровня своей темпоральности на две несовпадающие части: феноменальную и ноуменальную действительности. Такое разделение Мира, безусловно, соответствует дуалистическим представлениям.

Однако утверждение тождественности феноменов и ноуменов, как лишь специфичной формы проявленности событийного универсума, а следовательно, и констатация их относительности при смещении уровня субъекта, делает концепцию плюралистической.

Кроме того, принята в темпоральной ноуменологии концепция исключительной субъектности ноуменальной и феноменальной действительностей напрямую соотносится с солипсизмом. Ведь действительно, как и в субъективном идеализме, в темпоральной концепции нельзя говорить о фиксации какого-либо объекта (множества событий) без указания субъекта – конкретная действительность существует только для конкретного субъекта. И в этой действительности объекты принимают

Душа, создавая этот мир в подражание миру сверхчувственному, мир, находящийся в движении, похожем на движение ноуменального мира, как копия на оригинал, сначала сама сделалась временем, которое заменило вечность. Затем она отдала во власть времени возникший видимый мир, поместив его целиком во время со всеми его изменениями.

Тогда мир, двигаясь в мировой Душе (в нашей вселенной нет другого места для движения мира), двигался во времени, этой Душе присутствием. Порождая одну силу за другой в непрерывном потоке, мир тем самым создавал и смену явлений и, переходя от одного акта к другому, вызывал появление того, что раньше не существовало, так как, с одной стороны, эйдос не выступал в качестве творческой силы, а с другой – ни один момент жизни не походил на предыдущий. Вместе с тем, жизнь непрерывно изменялась и, вследствие этого, текло время. Следовательно, время принадлежало жизни, как явлению протяженному; всякое поступательное движение жизни захватывало грядущее время, а время истекшее принадлежало жизни минувшей.

Плотин, «Эннеады»

статус феноменальных или ноуменальных только относительно уровня субъекта.

Однако развитие в темпоральной концепции таких понятий, как уровни субъектов и субъектные реальности, сближает ее с реалистическими философскими теориями. Реальность в темпоральной концепции не постулируется, а действительно *реальна*. Во-первых, она фиксируется не относительно единичного субъекта, а принципиально только относительно некоторого субъектного уровня – уровня темпоральности, которому необходимо соответствует множество субъектов. Для этого множества субъектов реальность объективна в смысле коммуникативной и деятельной однозначности. Во-вторых, субъект не понимается антропоцентрично: в качестве субъекта принимается любой выделенный объект – некоторое множество событий, относительно уровня темпоральности которого фиксируются феноменальная и ноуменальная реальности. Поэтому выделение химической реальности относительно биологического объекта, к примеру, клетки, реализуется независимо от существования представителей вида *Homo Sapiens* (если человек фиксируется в мире клетки, то он классифицируется как ноумен очень высокого уровня темпоральности).

Трансреальная онтология

Тут мы опять, как и в философском введении, подошли к сопоставлению релятивистской философии, уже дополненной темпоральными онтологией и гносеологией, с трансреальными мировоззрениями, такими, как буддизм, Адвайта Веданта, Каббала, суфизм, разновидности шаманизма. Ранее по тексту я уже сформулировал в терминах темпоральной концепции основные положения трансреального мышления. Сейчас лишь концентрированно воспроизведу их.

Нет и не может быть единой для всех реальности – Мир явлен каждому субъекту в форме его объектной действительности. Какие объекты сможет распознать субъект в универсуме событий и как он их разделит на феномены и ноумены, зависит от его собственной темпоральности. С изменением темпоральности субъекта меняется и его действительность. Хотя справедливо и обратное: изменение действительности меняет уровень субъекта.

У феноменов и ноуменов одна онтологическая природа – они как объекты есть совокупности событий. Более того, одних и тех же событий. Универсум онтологически един – разделение объектов на феномены и ноумены есть лишь следствие субъектной точки зрения.

Нет и не может быть единого времени и пространства – время и пространство понимаются как формы, способы различения субъектом феноменов и ноуменов. Изменяя свою темпоральность, субъект способен изменять пространственное и хрональное распределение объектов – по сути, управ-

лять временем и своим положением в пространстве. Расширение темпоральности позволяет заглядывать в будущее.

Нет и не может быть каузальной замкнутости мира, общего для действительностей всех субъектов детерминизма. Хрональные причинно-следственные связи есть лишь субъективный способ описания темпоральных объектов. Детерминизм наблюдаем лишь в пределах одного уровня, в границах плоских проекций. Расширение взгляда позволяет видеть причинные воздействия, нисходящие от систем высших темпоральных уровней. Изменение темпоральности позволяет субъекту менять причинную картину действительности.

Познание есть акт – одновременно причина и результат – изменения темпоральности субъекта. Субъект узнает нечто новое, смещая свой онтологический уровень, меняя точку зрения, переконфигурируя свою действительность. Рациональное познание (обучение) увеличивает темпоральность субъекта, но ограничено предельной сложностью последнего. Трансреальное познание, мистические практики расширяют темпоральность субъекта путем освобождения его действительности от низкотемпоральных объектов. С обретением феноменальной пустоты и ноуменальной полноты субъект достигает уровня абсолютного субъекта.

То, что вы называете материей, или духом, или умом, или любым другим именем, по сути, отвечает все тому же описанию: мы не можем утверждать, будто это существует, и мы не можем утверждать, будто это не существует. Мы не можем сказать, что они составляют единство, и мы не можем сказать, что они составляют множество. Постоянная игра света и теней – неразличимых, нераспознаваемых, неразделимых. Факт – который фактом не является, явь – которая есть сон. Это реальность, и это и есть то, что зовется майей. Мы рождаемся в майе, мы в ней живем, в ней мыслим, в ней мечтаем. Мы философы в майе, мы люди духа в майе, да нет, мы черти в майе, но мы и боги – тоже в майе. Сколь бы далеко ни простиралась ваша мысль, сколь бы высоко она ни взлетала, покажется ли она вам бесконечной или какой-то еще, все равно вашим мыслям не выйти из майи. Иного не дано, и все человеческое знание есть обобщение майи, есть попытка понять ее такой, какой она кажется. Все это нама-рупа, имя и форма. Все, что имеет форму, что создает образ в нашем мозгу, – все находится внутри майи, ибо внутри майи находится все, что подчинено законам времени, пространства и причинности.

Свами Вивекананда, «Джняна-йога»

ТРАНСРЕАЛЬНОЕ

МИР

Эволюция и абсолют

Абсолют не может расти, не может уменьшаться – он пуст или, наоборот, беспредельно наполнен. Абсолют простейшего есть абсолют совершеннейшего. Абсолют нуля есть абсолют бесконечности. Но движение от нуля до бесконечности, если уж мы Абсолют расщепили, не может проходить иначе, чем через рост небесконечного, несовершенного, то есть через рост сложности пространственно-временной локализации Абсолюта. Вся сложность Мира, его распределенного содержания, может оставаться бесконечной и в этом неизменной, но явление Мира единичному субъекту конечно, и в этом явлении сложность может изменяться – расти.

Эманация

Эманация Единого во многое – это не процесс, это феноменальная явленность. Единое в себе и для себя всегда остается незамутненным, в Едином нет движения, поскольку нет различий. Движение и различия есть только в субъективной действительности – можно сказать, что Единое является субъекту по его образу. Эманация Единого – это не прямая деятельность Единого, а творчество субъекта, который, внося в Единое точку зрения, границу, порождает объекты. Однако субъект не свободен в своем творчестве – он лишь орудие Единого.

Сознание

Сознание является основой всего бытия. Но не как первооснова, а как обоснование, как определенность: бытие имеет определенность только через сознание, через субъекта. Вне выделенной точки субъекта Мир не обладает бытием. Бытие всегда относительно – оно есть бытие субъекта: воплощение субъекта в Мире или реализация Мира в субъекте.

Субъект не порождает бытие, а определяет его (чем определяет и себя).

Пространство мыслей

Мысли, темпорально точечные относительно темпоральности человека, фиксируются не поочередно, а все сразу, одновременно. Вернее, следует говорить: они вмещаются в *сейчас* человека. Их множество воспринимается как пространство – пространство одновременных мыслей, которое не мыслится, а созерцается.

Объективная реальность

Субъект находится *здесь и сейчас*. *Здесь* он является точкой начала отсчета пространственного многообразия. *Сейчас* разграничивает прошлое и будущее субъекта. Так мы традиционно представляем пространственно-временной срез Мира. Так отображаем Мир на «плоскость» субъекта. Так Мир видится с нашей субъектной точки зрения. Видится как пространственно-временной континуум – движение пространства во времени или время, разворачивающееся в пространстве. А субъект в этой схеме играет роль лишь точки отсчета, роль рисок на линейке или циферблате, относительно которых отмеряются пространственно-временные отрезки.

Такая пространственно-временная картинка Мира позволяет вполне адекватно ориентироваться в нем на уровне физических (механических) отношений. На этом уровне субъект действительно не что иное, как точка. Множество субъектов – совокупность систем координат. И мы обладаем вполне рациональным, однозначным механизмом «пересчета» пространственно-временных отрезков при соотношении разных систем координат. То есть наши представления о мировых феноменах и ноуменах, сформулированные на языке протяженности в пространстве и длительности во времени, легко согласуемы. Такую согласованную совокупность феноменов и ноуменов мы называем «объективной реальностью».

Первичность и финальность Сознания

В утверждении «сознание первично» можно усмотреть вполне рациональное содержание. Если и было что-то первое в Мире, то этому Нечто предшествовало его Появление, сам акт появления. Без этого Появления не могло быть никакого самого элементарного, бессодержательного, непосредственного Нечто. А вот первому Появлению не могло предшествовать ни какое-либо Нечто, ни *появление* Появления – поскольку такое *появление*, как первое и непосредственное, само и есть это Появление.

Так вот, это первое непосредственное появление и есть первый акт Сознания.

То же можно сказать и о финальной полноте Мира. Все закончится на *осознании* Миром своего единства с самим собой.

Идеальность

Идеальность надо мыслить не как *другое* реальности и не как *другую* реальность, а как внутреннюю сущность реальности, воплощающуюся в ней, как в форме. Но и реальность – это не пустая оболочка, лишь видимость идеального, а его основание, содержание. Реальное воплощается в идеальном. Идеальное творит реальное. Центральное место в этих высказываниях

занимают понятия «воплощение» и «творение», которые можно объединить в рамках понятия «эволюция». Мир – это эволюционирующий Мир, Мир непрерывно развертывающийся, реализующийся, воплощающийся и творящийся.

Единство мира в сознании

«Если бы хоть одна точка вселенной была лишена сознания, то и вся вселенная была бы лишена его, потому что бытие должно быть единым.» (Шри Ауробиндо).

Болезнь корректно эту мысль, наверное, следовало выразить так: любая точка вселенной причастна к сознанию, в том числе и такая совокупность точек, как человек. Этой перефразировкой хотелось бы подчеркнуть, что сознание, понимаемое как абсолют, не есть атрибут точки – точка как единичная не наделена сознанием. Единство Мира заключается не в обладании человеком и всеми другими «совокупностями точек» сознанием, а в их совместном (хотя и не равнозначном) участии в его воплощении.

Время

Можем ли мы понять, что такое время? И да, и нет. Само наше понимание как таковое, даже просто понимание самой возможности понимания есть *процесс* или хотя бы *переход* – от непонимания к пониманию. Поэтому оно существует во времени – то есть сама способность понимания есть ощущение, понимание времени. Но тут же приходится заключить, что мы не можем пойти дальше этого ощущения, сформулировать понимание времени в виде конечного тезиса. Мы не можем выпрыгнуть из времени, остановиться и созерцать его извне. То есть абсурдно предполагать, что наш конечный интеллект может в виде некоей конечной формулировки зафиксировать то, что заведомо больше его и всех его возможных тезисов, осознать то, в чем он (интеллект) и его продукты существуют как локальные моменты.

Конечно, рассматривая множество событий (как минимум два), мы можем заключить, что события разнесены не только в пространстве, но и во времени. Это временное расстояние, эту длительность мы умеем измерять. Но эта длительность не есть само время. Как расстояние в пространстве не есть само пространство. Эта длительность есть отображение времени на плоскость той или иной пространственной реальности.

Поэтому нам приходится довольствоваться лишь осознанием того, что наша действительность движется и что это движение воспринимается, выявляется через соотношение локальных событий в терминах длительности и расстояния. Но это немало – ведь длительность и расстояние мы можем не только ощущать, но и измерять. Однако следует понимать, что измеряем мы не время и не пространство как таковые – длительность и расстояния харак-

теризуют лишь отношения событий. А события могут быть не только физическими, но и химическими, биологическими, социальными, психическими – и на каждом из этих уровней свои пространство и время, вернее, свои отображения единого Мира, понимаемого как совокупность всех событий.

Ощущение времени

Время ощущается как движение, когда человек цепляется мыслями за статичные сущности бытия. Время сносит его, судорожно хватаящегося за частокол событий. Время налетает на него, бросает из стороны в сторону. Мысль обрывается. Но не отпускает. Человек цепляется за следующее событие, и следующее, и следующее...

Так ощущается время. Как сила, лишающая стабильности, привязанности, несущая изменения. Но время не несет изменений. Изменения есть только там, где есть фиксация мысли, где есть последовательность поступков. Изменение – это череда цепляний-отрывов, признаков и событий, за которые отчаянно держится мысль. Изменение – это противление времени, порожаемое стремлением к стабильности.

Так понимается время.

И понятое так, время предлагает человеку отпустить свои мысли.

Так не ощущается время.

Жизнь и цель

Представление о локальности живого организма вынуждает нас при описании его активности апеллировать к понятию *управление*: мы вынуждены констатировать, что некий маленький орган, помещенный в черепную коробку, как-то там из себя самого, по своей воле и по своему хотению формирует цель и ведет организм к ней.

Понимание же того, что организм это совокупность процессов, согласованно вплетенных в общий поток движения мира (в частности биологического), дает нам совершенно другую картину: цель всегда *внешня* организму. Цель это не точка, а фрагмент потока, темпорально больший, чем организм. Цель, конечно, может восприниматься как результат совокупности действий организма, но она никогда не будет причинно обусловлена ими. Мозг не творит цель, а подчиняется ей, намечая путь к ней цепочкой результатов.

Инволюция силы

Создать силовое поле значит сотворить канал для инволюции темпоральной сущности, для реализации ее на нижестоящем уровне. Но это не процесс силового воздействия, а процесс объективации силы. Тонкий мир интегрирует энергию/силу физических уровней и ниспускает, редуцирует

ее обратно в виде новых элементов реальности. Человек может стать ее проводником.

Внутри времени

Движение в потоке или поток движения. Взгляд изнутри или взгляд со стороны. Движение пространственно локальной точки во времени или само время, объединяющее пространства, время как пространство всех движений.

Ты точка, гонимая потоком времени, или сам поток – неразделимое единство своего прошлого и будущего. Единство, в котором уже нет «своего» прошлого и будущего.

Я локально во времени и пространстве, будущее и прошлое существуют только относительно Я. Будущее и прошлое есть только у пребывающего в потоке, у несомого им.

Пролетающие мимо берега реальности создают иллюзию движения. Да нет, именно это и есть движение – движение как смена пейзажей.

Можно остановиться. Сесть на берегу. Теперь движение – это движение потока.

ПОТОК ЖИЗНИ

Событие

Событие всегда одно. Это иллюзия, что каждое мгновение мы делаем выбор, должны делать выбор. В мгновении нечего выбирать. Событие всегда одно. И оно есть.

Выбор возможен только в прошлом – среди прошлых, прошедших событий. Большинство из них мы не замечаем, не видим. Некоторым присваиваем статус выбранных, избранных. Некоторые *не* выбираем, пытаемся забыть, оправдать. Выбор всегда обращен в прошлое. И только так он предопределяет будущее. Но не будущее как таковое, не возможность самих событий, а нашу способность их замечать. *Оценивая* прошлые события, мы лишь ограничиваем возможность видеть разнообразие будущих.

Наша жизнь это последовательность событий, которые мы смогли увидеть, различить. А с нами происходит гораздо больше. Вернее, не так. Мир есть неисчерпаемый поток событий, а нас составляют только те события, которые мы сумели различить и связать с собой. Мы есть лишь ограниченная последовательность осознанных событий.

Уровни событий

События последовательны, но не однородны, они относятся к разным уровням реальности. Есть события физические, химические, биологические, социумные, ментальные... Каждый объект, каждый феномен, каждый

ноумен есть последовательность событий. Элементарные физические объ-екты – это поток однородных событий низшего уровня. Мысль – последо-вательность событий ментального уровня. Человек – сложный пакет раз-ноуровневых событий – от физических до ментальных. Высший уровень событий, реализующих человека, определяется способностью человека раз-личать события этого уровня.

Только элементарные события можно считать мгновенными. События высших уровней иерархии имеют протяженность во времени, они состав-лены из событий низших уровней. Они суть неким образом организованная последовательность событий низших уровней. Слова «можно считать» ука-зывают на относительность понятия «мгновенно» – события низших уров-ней воспринимаются как мгновенные относительно высших уровней. И, на-оборот, события высших уровней с точки зрения низших уровней вообще не воспринимаются как события.

Каждый объект имеет свою протяженность во времени, соответствующую «длине» пакета событий, которыми он реализован.

Все случается

Человек – это машина. Все его дела, поступки, слова, мысли, чувства, убеждения, мнения и привычки суть результаты внешних влияний, внешних впечатлений. Из себя самого человек не в состоянии произвести ни одной мысли, ни одного действия. Всё, что он говорит, делает, думает, чувству-ет – всё это случается. Человек не может что-то открыть, что-то придумать. Всё это случается.

Всё случается: народные движения, войны и революции, смены пра-вительств – всё это случается. И случается точно так же, как случается в жизни частного человека, когда он рождается, живёт, умирает, строит дома, пишет книги – не так, как он хочет, а так, как случается. Всё случается. Че-ловек не любит, не желает, не ненавидит – всё это случается.

Но это гурджиевское «всё случается» вовсе не производное от «случай-ность». Оно означает лишь, что человек, осознавая свои действия, свои пос-тупки, не может указать на их истинные причины. Он может лишь сказать «так случилось», «так вышло». Но это не означает, что никаких причин во-обще нет, что происходящее с человеком действительно дело случая. Вы-ходит-то все вполне целесообразно и закономерно. Правда, основания этой целесообразности лежат не на уровне цепочки предшествующих событий. Причину случившегося, как и всех предшествующих «случаев» надо искать на другом уровне, обычно невидимом для человека.

Хотя, конечно, в этом «всё случается» есть и большая доля случайнос-ти. Но случайным является не само событие, а совмещение конкретного

человека с конкретным случаем. Вот и получается, что «так случилось» случайно, не имеет видимой связи с другими произошедшими с человеком событиями, так же случайно связанными с ним. Эта случайность совмещения человека и необходимых событий одинакова и на обыденном уровне, и на уровне гениев. Люди случайно выбирают одну из возможных профессий, распределяясь по всему предложенному времени спектру вакансий. А кому-то повезло совместиться с событием научного открытия или появления нового художественного стиля, в то время как десяткам не менее талантливых людей не суждено было оказаться в нужное время в нужном месте. Но так уж устроен Мир – события предопределены, хотя для их конкретных исполнителей они лишь случаются.

Однако человек может вырваться из этой череды случайных случаев.

Реальность

Реальность – это пространство одноуровневых событий. Есть физическая, химическая, биологическая реальности, есть реальность обыденной человеческой жизни, есть реальность экономических процессов социума, есть реальности этических поступков, эстетических и интеллектуальных актов.

Каждая реальность как совокупность локализованных во времени и пространстве событий есть инволюция, реализация идеального содержания вышестоящего уровня иерархии Мира. Реальность может рассматриваться как совокупность точек объективизации распределенных во времени систем – систем идеальных по отношению к данной реальности.

Человек в некоторой степени свободен в выборе реальности своего существования, по сути, в выборе уровня своего представительства в Мире, уровня реализации. Уровень реализации здесь следует понимать не как точку приложения его усилий, не как объективацию некоего его внутреннего содержания, а как место человека в мировой иерархии. Фиксируя пространство своих поступков в той или иной реальности, человек становится механизмом реализации надстоящего идеального содержания.

Единственный способ сознательно (на уровне обыденного сознания) изменить свое идеальное содержание – это изменить цепочку (траекторию) своих поступков, сменить пространство реальности, перейти на другой уровень событий.

Случайность человека

Человек – это вектор в астральном и ментальном уровнях, и значимость его жизни зависит от длины этого вектора. Иным людям соответствуют лишь точки на этих уровнях, множество несвязанных точек, к реализации, воплощению которых были задействованы их тела.

Случайный поступок (пусть даже самый альтруистический), ничего не значит, поскольку это не поступок, а случайное участие в событии. Такое участие может только навредить людям, связав их, введя в зависимость друг от друга. Хотя бы в том смысле, что один будет ждать в будущем аналогичного, а у второго не будет возможности повторить такой поступок.

Изменять мир

В юности мне очень нравилась одна древняя молитва: «Господи, дай мне силы бороться с тем, что я могу изменить, дай мне смирения принять то, что я не могу изменить, и дай мне мудрости отличить одно от другого». Позже, имея в виду себя, я прокомментировал эту молитву так: «Он бросил все силы на различение, он достиг в этом совершенства, но изменять ему уже ничего не хотелось». Тогда мне казалось, что это очень грустный итог исканий, приведший ищущего в тупик. Но теперь я понимаю, что это не только закономерный, но и единственно возможный результат познания – работы по «различению» сущности явлений. Оно неизбежно приводит к осознанию единства Мира во всех случайных и закономерных событиях, к пониманию не столько бесполезности, тщетности, сколько глупости любых попыток изменить ход его разворачивания.

Поток времени

В чистом (свободном) потоке времени нет времени, нет изменения. В событийной реальности время воспринимается как насилие над бытием, как то, что лишает устойчивости. Человек либо не поспевает, либо опережает... Что? Время? Нет. Просто человек, не имеющий точки сборки, разными своими частями цепляется за разные события, прошедшие и будущие. В событийной реальности человек не может совместить себя с собой. Для него нет единого времени. Вернее, то, что он чувствует как время, есть разноритмичные случайные потоки событий, реализующих его.

Да, именно реализующих. Человек – это совокупность связанных с ним событий. Событий на всех планах: физическом, витальном, ментальном.

Сознательность, определенность

Сознательность – это собирание, фиксация своего Я. Элементарный человек распластан по времени, случайно сформирован из уже прошедших и еще не наступивших событий. Сознательность – это отсекание хвостов, привязывающих человека к прошлому и будущему. Концентрация его во временной точке. Имея нулевую протяженность, человек теряет себя как предмет для мышления в реальном мире – предметом его мышления становятся элементы реальности высших уровней. Он перестает быть объектом

реальности, в котором обитает его тело. Становится чистым субъектом в этой реальности и если поддерживает свое существование в ней, то только усилием воли, поскольку он сознательно уже вывел себя из-под управляющего влияния общего деятельного процесса социума.

Счастье и страдание

Человек приобретает некое единство в *Я*, лишь достраивая свою иерархию. Он обретает полное единство только на верхнем уровне, когда он является абсолютным творцом своих поступков. Элементарный человек попеременно управляем несколькими потоками. Если он остается на уровне физического тела, это не доставляет ему проблем и неудобств, он отождествляет себя с траекторией своих поступков. Каждый поступок элементарного человека целесообразен и логичен в этой цепи, поскольку абсолютно согласуется с общим потоком.

Надстраивая уровни, человек приобретает собственный вектор, собственное направление. И тогда он способен ощутить счастье как совпадение вектора и потока, личного волеизъявления и общей необходимости. Но и обречен на страдания, возникающие при неизбежных несовпадениях, неписываниях, биениях. Пока не поднимется над общим потоком. Пока сам не станет потоком.

Бороться или работать

Я лишь улыбаюсь... Почему эта тема так волнует вас? Да во все времена были новаторы и консерваторы. Всегда что-то было в тупике, а кто-то прорывался. Это нормальное, естественное положение дел во всех сферах человеческой деятельности. Общее место. И бороться с ним бессмысленно и глупо. Консерваторы умрут, а бывшие новаторы станут консерваторами.

Жалкое зрелище представляет из себя человек, который, сказав полслова или даже пару слов, остаток жизни тратит на их склонение в разных контекстах. А ведь сколько еще мог написать...

Так что тут я вас не поддержу в борьбе с консерваторами – по сути, в борьбе с прошлым. Мне как-то и в настоящем неплохо. Скажете, что вы за будущее боретесь? Нет – это самообман. Бороться за будущее нельзя. Бороться «за» вообще нельзя – всегда будет лишь «против».

И заметьте, прорывался вперед именно тот, кто не боролся, а неспешно делал свое дело. Борются те, кому делать нечего, кому не жалко тратить время на столь бессмысленное занятие.

Сейчас

Сейчас не имеет причины и не имеет следствия. *Сейчас* – как непосредственное, вне связи с прошлым и будущим – не обладает ни конкретным

смыслом, ни содержанием. Оно содержит в себе все смыслы. Причиной *сейчас* является все прошлое. *Сейчас* воплощает в себе все прошлое. И следствием *сейчас* может быть любое будущее. Оно порождает все будущее. Непосредственно сейчас.

Но наше частное *сейчас* не бывает непосредственным. Мы боимся воспринять его неограниченную полноту. Нам нужен смысл, содержание – и мы выдумываем причину. И этим уничтожаем будущее, его разнообразие. Найденная в прошлом причина *сейчас* делает из будущего *следствие*. Не следствие *сейчас* – *сейчас* не является причиной – а следствием некоего частного ограниченного прошлого.

И *сейчас* пропадает. Пропадает его непосредственная полнота. Оно превращается в переходящий момент между причиной и следствием, между урезанным до причины прошлым и низведенным до следствия будущим, уже ставшим прошлым в момент нахождения причины.

Любовь

Любовь единственное чувство, которое не связывает нас с известным. Единственное чувство, которое существует только в *сейчас*. Его не может быть ни в воспоминаниях, ни в мечтаниях. Любовь невозможно извлечь из прошлого. Ее нельзя продлить в будущее.

Любовь вырывает человека из времени. Любовь не имеет длительности. Вернее, она сама есть эта бесконечная длительность, воплощенная в *сейчас*.

Единственный способ пребывать в любви – не покидать *сейчас*.

Время мы замечаем по изменениям. Но любовь неизменна. Она не может быть другой. Она либо есть, либо ее нет. Когда она уходит – наступает время.

Страх перед будущим

Страх неизвестного в будущем – это не страх пустоты, это страх свершения или несвершения спроецированного на будущее прошлого. Оправдаются или не оправдаются ожидания? Будет лучше или хуже? Это страх вызван незавершенностью настоящего, недодуманностью мысли.

Страх из прошлого

Прошлое известно, прошлое не угрожает, прошлое безопасно. Каким бы ни было прошлое, мы не ждем от него ничего плохого. И так естественно стремление защитить себя от будущего превращением его в прошлое. Знакомое, привычное, обжитое.

И не страшно, что при такой экстраполяции в будущем будут те же самые страдания, те же проблемы, те же страхи. Они уже известные, родные.

Для них уже придуманы причины и последствия – то есть не будет ничего страшнее того, что уже было. Бояться не страшно.

Лучше сконструировать себе пусть и тяжелое, страшное, но известное будущее, чем ...

Нет страха неизвестного. Бояться можно только известного. Страх неизвестного, вызван не неопределенным будущим, а неспособностью найти в прошлом причину *сейчас*. Страх неизвестного – это судорожный перебор прошлых страхов.

Настоящая безопасность только в будущем. Именно оно свободно от страхов. Может быть свободно от страхов, если мы еще не успели расселить их в нем, выудив из прошлого.

Бояться надо прошлого. Опасаться обращения к прошлому. Именно прошлое предопределяет, конструирует будущие страхи.

Теория

Любая теория, идеология, религия есть средство экстраполяции прошлого в будущее. Будущее становится узнаваемым, предсказуемым, нестрашным.

Однако, еще не наступив, будущее становится прошлым. В нем возможно только то, что было в прошлом опыте. Причем не в собственном прошлом, а чужом.

Только создатель теории, идеологии, религии творил будущее. Но лишь для себя. В его завтра было то, чего не было в его вчера – теории, идеологии, религии. Для миллионов же последователей он превратил будущее в прошлое.

Осознание связанности

Страсть – это существо человека. Поступок – это содержание реальности. Надо стремиться к осознанию связи своей сущности с внешним содержанием.

Человек не может изменить ни свою сущность, ни событийную реальность. Попытки изменения только своего *Я* или только внешней реальности приводят к помрачению ума (в прямом, клиническом смысле). Человеку дано лишь осознать связь своих мыслей с событиями, связанность мыслей событиями. Дано увидеть канал, по которому события проникают в ум, превращая мысли в страсти.

Осознание этой *связи* дает человеку возможность влиять на нее – влиять на воплощение реальности в себе и себя в реальности.

Осознание же этого *влияния* ведет к пониманию того, что сам человек в своей сущности есть отражение полноты реальности, а реальность – отражение полноты сознания.

Осознание же этого *понимания* устраняет необходимость связи ограниченной мысли со случайным событием, связи страсти с поступком, а следовательно, устраняет причастность человека к страстям и поступкам.

При этом не отчуждается ни капли сознания – наоборот сознание преодолевается за границы событийного мышления. При этом человек не отстраняется от реальности, он видит полноту ее общей причинности, а не ее случайную связанность с единичным сознанием.

Мир и человек

Ты придешь туда, куда идешь.

Мир в прошлом, настоящем и будущем – это совокупность событий, множество точек реализации, завершения действий, вплетенных в деятельные процессы. Траектория движения людей строится случайным образом от точки к точке. Реализатором конкретного события выступает ближайший по положению к нему человек. Это касается и мелких ситуаций на улице и исторически значимых событий.

Человек, меняя свой взгляд на мир, меняет направление и, естественно, попадает уже в другие лунки событий. Если же он поддерживает направление осмысленно, у него появляется вектор, самостоятельная составляющая в деятельном процессе, и вероятность попадания в значимые точки событийного пространства сильно возрастает.

Свободный человек сам генерит действия с осмысленными результатами, вовлекая в свой деятельный процесс других людей.

Творить будущее

Как человек может менять свое будущее? Нет, не банально решить завтра чего-то не делать или сделать что-то новое. А устроить так, чтобы изменилось само завтра (относительно привычного), изменились люди вокруг, вернее, изменились их поступки, их действия стали благоприятны для него. Теоретически все предельно просто: надо силой цепочки своих поступков, или возможно даже мыслей, изменить структуру текущего деятельного процесса, сгустить его по направлению к выбранной цели, обозначить в нем колею, точки притяжения для векторов чужих деятельностей. И если окружающие люди элементарны, они обязательно скатятся по желобу твоей траектории, векторы их действий изменят направление, их поступки попадут в лунки событий твоего деятельного процесса – ведь им все равно, что с ними происходит.

Цель жизни

Цели жизни может и не быть, то есть может отсутствовать само понятие цели – и это великое счастье для человека. Он движется по цепочке случай-

ных событий, не осознавая ни себя, ни жизнь. В этой цепочке лишь два события – рождение и смерть – принадлежат ему, вернее, связаны с его телом. Только они и обозначают его индивидуальность, границы его существования – лишь две даты на камне.

Однако большинство людей все же произносят слово «цель», и это выбивает их из тождественности (пусть изначально пустой) самим себе, вносит разлад в их жизнь. У них появляется будущее и прошлое, появляются не только события, но и поступки.

Переселение душ

Множество людей не имеет собственной души, то есть индивидуального представительства в общем деятельном процессе. Они случайным образом реализуют те или иные события, по времени и пространству совпадающие с их физическим телом. Поэтому, когда тело выбывает из игры, эти действия (вполне утилитарные и незначительные) выполняют другие, подвернувшись по случаю тела.

Иное дело, если некий деятельный процесс имеет однозначную связь с конкретными тонким и физическим телами. Тогда мы говорим о наличии у человека души и воли. Тут возможны различные ситуации.

Деятельный процесс может резонансно слиться с телами. Тогда душа будет связана с человеком до тех пор, пока он реализует целенаправленные действия. Он может потерять душу: либо цель исчерпается и деятельный процесс затухнет, либо он не сможет соответствовать его ритму, и душа уйдет к другому. Но это не будет в чистом виде переселением души, поскольку ее соединение с конкретным телом было в большой степени случайным. Хотя конечно, если человек сумел привнести в деятельный процесс что-то личное, промодулировать его своей индивидуальностью, то это личное может продолжить жить дальше и даже перенестись на последующие тела.

Более интересен вариант, когда человек, обладающий достаточной силой, может самостоятельно возбудить одну или несколько новых целей и расширить свое представительство в общем деятельном процессе.

Что происходит в таком случае после смерти тела? Душа (индивидуальный деятельный процесс) может существовать рассредоточено, опираясь на действия, поступки других людей. Особенно это возможно, если деятельность была связана либо с обучением, либо с творчеством: с созданием научных работ, произведений искусства, философских или религиозных систем. И дело здесь даже не в памяти о человеке, а в деятельном присутствии его души в движении социума. С этой позиции индивидуальное переживание произведения искусства есть не что иное, как воскрешение души творца – подпитка его незатухающего деятельного процесса.

Деятельный процесс

Включаясь в *действия* других людей, человек, с одной стороны, поработает себя, а с другой – отрицательно влияет на их жизнь, смещает события результатов.

Человек обязательно вписан в один из многих деятельных процессов. Но лишь немногим дано перемещаться из одного потока в другой, что увеличивает вероятность попадания в точку новационного события.

Действенное поведение, цепь событий физического тела управляется всеми уровнями иерархии – вопрос в том, обладает ли данное тело индивидуальностью на высших уровнях, то есть соответствует ли ему особая *личная* система (деятельный процесс, творящая система) или оно лишь отражает (реализует) общий поток.

Сознательность

Сознательность – это, по сути, видение своего движения в социуме, видение всех своих поступков. Пусть без – или даже обязательно *без* – понимания их смысла. Смысл поступков, их причинная обусловленность лежат вне сознания человека, и понять их, оставаясь на уровне элементарного сознания, не представляется возможным. Попытка же такого понимания сводится к вписыванию поступков в зафиксированные рассудком схемы, что еще больше ограничивает свободу человека.

Задача осознания состоит не в том, чтобы понять значение цепи обыденных событий, а в том, чтобы увидеть, выявить их случайность, несущественность. И только само это видение сначала освобождает человека от полной зависимости от общего деятельного процесса, а потом позволяет сознательно создавать свои векторы.

Говоря о сознательности, осознании, важно различать разумное, чистое мышление и оценочное, рассудочное, выражающееся в присваивании атрибутов отдельным событиям, связывании событий между собой. Так вот, осознать, видеть себя, помнить себя отнюдь не значит отключать мышление вообще, как того требуют традиционные практики достижения сознательности. Достаточно исключить оценочное мышление. Правда, разделить текущее мышление на оценочное и чистое значительно сложнее, чем просто научиться не думать, не совершать никаких мыслительных операций.

Однако для большинства людей отключение относительного, оценочного мышления равносильно отключению мышления вообще, поскольку другого мышления, мышления не на уровне обыденных событий, для них не существует в принципе. Получается, что для общей массы людей нет никакой необходимости что-либо менять в практике немышления. Просто

нужно сместить акцент с абсолютного требования избавления от мышления как такового на освобождение от элементарного, относительного мышления, на вытеснение его из внутренней жизни человека, на формирование чистого (пустого) мышления, оперирующего не вещами и их качествами, а понятиями.

Закон

Понимание, которое приходит после осознания своей свободы от текущей социумной реальности – это понимание идеального содержания совокупности событий, их закона. Неважно, как мы назовем этот закон. Для одних, это Божий промысел, для других – влияние тонкого мира и т.д.

По сути, само осознание этого высшего закона практически не отличается от понимания законов физических, скажем, закона всемирного тяготения. Ньютон отделил в своем мышлении чистое видение совокупности событий от относительного, оценочного представления их. Очистил свое видение, сведя объекты мышления к точкам во времени и пространстве, освободив их от множества качеств (цвет, форма), заслонявших содержание закона их движения.

Различия между физическими и нефизическими законами возникают при попытке их формулировать. Поскольку физическая реальность лежит по уровню ниже социумной, мы имеем возможность однозначно фиксировать ее законы – перевести понимание в знаковое знание. Понимание же закона отношений социумных событий, очищенных от оболочки случайных определений, принципиально не может быть объективировано, зафиксировано в знаках.

Скажем так, для падающего яблока его падение такое же фатальное, не осознаваемое событие, как для элементарного человека его жизнь со всеми взлетами и падениями. Поднявшись над уровнем этих событий (падения яблока или человека), можно осознать, понять их законы, их осмысленность, их обусловленность. Но если выше физической для нас существуют и другие реальности (уровни с фиксированной событийностью, с элементарными структурами, организмами, существами), то выше социума для нас реальности нет. А следовательно, нет и возможности формально зафиксировать содержание ее закона.

Социум человек

Социум – это совокупность социумных событий: актов производства, обмена, дарения, продажи, приобретения, наставления, учения, управления всем этим и управления этим управлением. И каждое из этих событий реализуется человеком. Социум и есть поток действий людей.

Но и человек является, становится человеком только тогда, когда он влечен в этот поток событий. По сути, если исключить биологическую составляющую *Homo Sapiens*, человек есть совокупность социумных событий, ассоциированных, связанных с одним биологическим телом.

Речь идет о необходимых и достаточных условиях, о том минимальном, что позволяет нам выделить человека социального из ряда биологических организмов, о том, что явлено нам в непосредственности, вне обсуждения причин и оснований, механизмов и обусловленностей.

Социум – это единый поток событий определенного уровня и совокупность субъектов, его реализующих.

Человек социума

Человеку как особи биологического вида *Homo Sapiens* для поддержания жизни надо немного: пища, вода, сон, защита от холода. Ему не нужны вещи – ни которые он производит, ни которые потребляет; ему не нужна собственность.

Но человеку как существу социумному необходимо совершать действия, реализовывать социумные события: производить, потреблять, приобретать.

В основе социумных процессов, в основе реализации социумных событий лежит манипуляция человеческими желаниями, использование отработанного еще на биологическом уровне эволюции механизма их возбуждения и удовлетворения.

А механизм этот прост и изощрен одновременно – самец и самка совершают акт соития не потому, что им надо продлить род, а потому, что у них есть *желание*, которое непременно надо реализовать. И событие свершается. Желание пропадает. Дальше пустота, а может, и смерть. Но биологическое событие свершилось. Единичное событие в непрерывном потоке биологической жизни.

Так и человек, ведомый желанием, свершает и свершает социумно необходимые события. Он не думает об этом своем предназначении. У него есть желания, и он их реализует. С завидным упорством и постоянством. Социум устроен так, чтобы возбуждать желания. Социум паразитирует на механизме биологических желаний. И события свершаются.

Что дальше? Пустота? Нужны ли человеку эти вещи, слава, деньги? Потом, позже, когда желание угасает, наверное, человек понимает, что не нужны... Но это уже мелочи. Социумные события производства, потребления уже свершились. Социум живет. А человек? Но это тоже мелочи – личное дело каждого.

И в этом потоке задействованы все люди. Вернее, любой, кто задействован в этой череде событий, называется человеком. Есть недочеловеки – те,

которые не в состоянии производить, приобретать. Они больные или юридические. У них нет социумно обусловленных желаний, только биологические. Есть уже нечеловеки – они избавились от желаний и не совершают событий. Их принято называть просветленными.

Я

Два момента Я

Я – это, по сути, совокупность всех событий, в которых участвовало *Я*, и одновременно точка *здесь-и-сейчас*, момент осознания, воссоединения всего прошлого опыта. Как таковое, *Я* случайно и необязательно – оно лишь воплощение одной из возможных событийных цепочек в совокупности мировых событий. С этой стороны наше *Я* не более индивидуально, чем произвольная форма ветки дерева со всеми ее изгибами и развилками. Но вне этих изгибов и развилок нет и не может быть *Я* как точки роста ветки, *Я* как осознания самого роста.

Неслучайным здесь видится только принадлежность *Я* дереву, вернее, причастность к его росту. Осмысленность (или бессмысленность) *Я* можно осознать лишь как воплощение роста. Остается лишь бесконечное *здесь*, как совокупность всех возможных событий, или протяженное *сейчас*, как ощущение движения.

Случайная ноша

Кто я? Откуда я? Куда я? Вопросы *Я*, ощущающего свои границы, но не способного их понять.

Счастье и несчастье человека в том, что эволюция наделила его лишь фрагментом *сознания* – позволила нести небольшую, зато собственную порцию единого разума. Но в явном виде не сообщила, что это по сути не его. Что это часть большего. Что это так – на время. Поддержать только. Понести немного. А дальше? Дальше другие понесут.

С помощью этого фрагмента сознания человек увидел себя, Мир. Подумал, что это *он* увидел, что этот мир – *его*. А дальше?..

Кто ответит на вопросы многих *Я* о природе *Я*? Другие фрагменты? Но они так же ограничены во времени и пространстве. Целое? Но на каком языке?

Настоящее

Настоящее мы переживаем как *момент* исключительно потому, что в нем нет воспоминаний о нем и оно не видится в будущем. Настоящее есть нечто между прошлым и будущим. Оно начинается с концом воспоминаний и заканчивается с началом мечтаний. Пространство, не заполненное

нашим прошлым и будущим, пространство, отделенное от прошлого и будущего *их* границами, и есть наше настоящее – наше настоящее бытие, истинное бытие.

Наше настоящее мгновенно, если мы оцениваем любое событие, соотнося его с прошлым и с будущим и таким образом устраняя зазор между воспоминаниями и мечтаниями.

Наше настоящее может быть протяженным, когда мы воспринимаем события непосредственно, таким образом, отодвигая от себя границы прошлого и будущего. И даже безграничным в буквальном смысле слова – без границ, фиксированных воспоминаниями и мечтаниями.

Я и одиночество

Я есть осознанное прошлое. *Я* есть память. *Я* есть множество прошедших событий, которые *Я* сумело распознать и связать с собой.

Я есть набор стандартных, бесконечно повторяющихся событий. Некоторые из них реализуются индивидуально, но большинство требует совместных усилий – одно событие на двоих, троих, а то и на тысячи *Я*. Индивидуальных событий на всех не хватает.

Иллюзия цельности, самостоятельности, самодостаточности *Я* легко разрушается одиночеством. Человек не может вынести одиночества, поскольку большая часть его *Я* (событий, его составляющих) не принадлежит ему одному. Для поддержания его *Я* нужны сожители, сослуживцы, собеседники. А им нужен он.

Социум хитро устроен. *Я* не является персональным *Я*. Оно раздроблено и распределено. Оставаясь в одиночестве, человек теряет свое *Я*.

Душа

Душа посредством ума и физического тела инволюционирует в действия – творит субъектную действительность. А через деятельный процесс творения эволюционирует сама. Она сама и является этой деятельностью. И посему существует лишь во времени. Вернее, время есть существование души. Душа не имеет пространственных измерений, она есть чистое время – она темпоральна.

Темпоральное Я

Соотношение *Я* как последовательности, множества случайных событий и *Я* как целостности можно понять на примере, скажем, литературного или музыкального произведения. По своему формальному воплощению – как последовательность слов или звуков – все сочинения ничем не отличаются друг от друга. Но некоторые из них мы признаем произ-

ведениями искусства – если они представляют собой некую целостность, надформальную систему, нечто большее, чем просто последовательность знаков, звуков.

При сопоставлении темпоральности *Я* и темпоральности произведения искусства более интересно не столько заключение, что множество составляющих *Я* событий или последовательность составляющих произведение слов/нот может восприниматься как нечто *большее*, сколько понимание, что это *большее*, эта целостность не порождается на уровне этих последовательностей – она возникает только при взаимодействии, соотношении множества событий/слов/нот с надстоящими уровнями.

По сути, структурирование элементов любого уровня, объединение их в *Я*, в литературные и музыкальные тексты всегда есть отражение, реализация деятельности надстоящих уровней. Вопрос лишь в том, можно ли конкретные последовательности событий/слов/нот отождествить с целостной деятельностью, с идеей? Большинство последовательностей – *Я*, текстов – реализуют идею лишь в совокупности. И только в некоторых уникальных последовательностях – личностях, произведениях искусства – мы можем увидеть индивидуальное отражение, воплощение надстоящих идей.

Музыка

Она дает нам возможность побыть в *сейчас*. Она приходит из будущего – она, безусловно, там есть, но не как знание, мечтание, а как неотвратимое предчувствие. Она уходит в прошлое. Но существует в нем не как фиксированное воспоминание, а как продленное ощущение.

И не затихнув там, в прошлом, обратной волной стремится в будущее, воплощая его. Музыка это столкновение встречных волн – из будущего в прошлое и из прошлого в будущее. А в центре – мы, захлестываемые музыкой. Мы, не цепляющиеся за прошлое и не думающие о будущем. Просто переживающие *сейчас*.

Жизнь после смерти

Возможна ли жизнь после смерти? При рассуждениях на эту тему (как и на многие другие) прежде всего следует уточнить: а что вопрошается? Можно сформулировать множество вариантов этого вопроса, подразумевающих противоположные ответы.

Возможно ли функционирование конкретного биологического организма после остановки в нем физиологических процессов? Исчерпывается ли понятие *жизнь* физиологическими процессами, то есть можно ли понимать жизнь, как функционирование некой системы в период между ее формированием (рождением) и распадом (смертью)?

Ответы вполне однозначны. Если называть *жизнью* функционирование единичного организма, то жизнь действительно начинается с его рождением и заканчивается с его смертью. Но самый элементарный анализ феномена жизни показывает, что она не вписывается в пространственно-временные рамки индивидуального организма. Основным атрибутом жизни является размножение, по сути, выводящее ее за пределы пространственно-временной локальности. Именно воспроизводство, реализуемое в непрерывной цепи рождений и смертей, указывает на то, что жизнь есть нечто большее (и временно, и пространственно), чем совокупность конечных процессов в конкретном организме. То есть жизнь можно понять именно как феномен, лежащий вне событий рождения и смерти. Но, конечно, не *до* и *после*, а именно вне – *над*.

Итак, жизнь есть мировой феномен, реализующий себя в единичных, локализованных в пространстве и времени организмах, в череде их рождений и смертей. Каждый конкретный организм можно рассматривать как единичное воплощение понятия *жизнь*, интегрально представляющее и все предыдущие ее локальные воплощения, и последующие. Единичная жизнь локально реализует понятие *жизнь*. Последовательность частных жизней интегрально воплощает жизнь как *понятие*. Рождения и смерти лишь необходимые моменты, элементы целого.

Но, конечно же, когда мы задаемся вопросом о жизни после смерти, нас в большей степени волнует не биологический аспект – не проблема нашего биологического воплощения в своем потомстве, да и не возможность бесконечно продлить функционирование своего тела. Нас интересует возможность сохранения своего *Я*, своего сознания после распада биологической оболочки. И опять же, ответ на вопрос о внетелесном существовании *Я* зависит от точной постановки самого вопроса. А вариантов множество... Главный из них: что такое *Я*, что такое сознание?

Прежде всего надо решить вопрос о связи *Я* с организмом. По сути, осознаваемое *Я* в самом элементарном понимании есть совокупность всех событий, в которых принимал участие конкретный человек, его биологический организм – то, что он помнит сам и связывает с собой, и то, что связывают с ним другие. Это множество может быть совершенно случайным, не представляющим собой никакой самостоятельной цельности – то есть единственным объединяющим принципом совокупности событий, составляющих *Я*, может являться лишь их формальная связь с конкретным телом. В таком случае, вопрос о существовании *Я* после смерти получает однозначный ответ: нет тела – нет *Я*.

Сразу же становится понятной и ситуация, когда на вопрос о бессмертии *Я* можно дать другой ответ. Если совокупность событий, с которой ас-

социируется конкретный человек, обладает самостоятельной цельностью, является самодостаточной и вне связи с конкретным человеком, то можно с уверенностью говорить и о независимости существования Я от факта смерти тела.

Сборка целостного Я не завязана на конкретное тело. А значит, совокупность событий, реализуемая этим телом, имманентна общему потоку событий и в Я реализован не случайный набор событий, а безусловно необходимое подмножество. В этом случае пропадает вообще необходимость выделения, фиксации какого-либо Я, какого-либо персонифицированного субъекта, творящего эти события. А значит исчезает и само понятие сознания как того, что связывает некую последовательность событий с конкретным телом. Вопрос о жизни, о продлении Я (сознания) после смерти просто отпадает как некорректно поставленный. Если человек целостно реализовал свое Я при жизни, оно уже не может трактоваться как Я, как сознающий себя в качестве единичного индивидуума субъект: с одной стороны, такое Я не ограничено во времени промежутком человеческой жизни, а с другой, его уже нельзя признать индивидуальным сознанием. То есть можно сказать, что Я, способное продолжить свое существование после смерти тела, покидает его, перестает отождествлять себя с ним еще до нее.

Надежность

Обыденное сознание ассоциирует надежность со статическими структурами бесконечно продленными во времени. Это вселяет уверенность, но и неизбежно порождает страх, вызванный пониманием, что любая структура может разрушиться.

Гораздо надежнее объединение людей в совместной деятельности, в общем деятельном процессе, где череда индивидуальных событий-результатов воплощает, но не исчерпывает единую цель. Завершение какой-либо деятельности необходимо подразумевает начало новой.

Несвобода от прошлого и будущего

Элементарный человек программирует себя на связь с будущими событиями, на сохранение вектора деятельности культивированием прошлых событий, удерживанием в памяти своих страданий и радостей.

Человек тем более несвободен, чем шире распластано во времени в прошлое и в будущее его мышление, чем крепче оно держится за воспоминания и мечтания.

Движение к свободе начинается с подтягивания хвостов из прошлого, отказа от будущих событий. Речь идет не о том, чтобы не думать о прошлом и не смотреть в будущее, а о том, чтобы не строить настоящее мышление на

прошедших и еще не свершившихся событиях, не размазывать мышление по времени, а концентрировать его на текущем моменте.

Истинное продуктивное мышление – это мышление действия. Вернее, мысль – это и есть само действие, совокупность процессов, заканчивающаяся событием результата на любом плане – физическом, витальном, ментальном.

Обыденное мышление по большей части медленно и бессодержательно – действия на физическом и витальном плане редки и однообразны, а ментальный забит воспоминаниями о прошедших событиях и планами, связанными с чередой будущих однотипных событий. Понятно, что подобное мышление не только инертно, но и не лично – события этого мышления не вызваны индивидуальными действиями, а индуцированы коллективным или социальным деятельными процессами.

Память

Не так страшны провалы в памяти, как провалы в память.

Свобода

Свобода – это не состояние, это переход. От одной несвободы к другой несвободе. Любое состояние, любая фиксация уровня – признак несвободы. Лишь в момент перехода человек может ощутить свободу: он еще не попал в тиски нового своего состояния, но уже выпрыгнул из старой колеи. То есть свобода – это момент осознания своей несвободы.

Свобода возможна только при изменении своей действительности, изменении границ бытия. Это справедливо и для человека и для Бога. Бог не творящий – это не Бог. Застывшему миру не нужен Бог, в таком мире нет места для иррациональной акаузальности. Так и человек может ощутить свободу именно в переходе от одного бытия к другому бытию, когда уже вырвался из одной причинности, но еще не связал себя другой причинностью. И тут существенно именно то, что в результате перехода не обретается свобода (любое бытие несвободно), свобода есть только в самом переходе.

Индивидуальность

Есть индивидуальность и есть Индивидуальность. Чем меньше темпоральность человека, тем более незначительными событиями она (индивидуальность) реализуется и тем легче отклоняется вектор человека под воздействием мелких возмущений. Он подобен бумажному кораблику в луже, который уже от легкой ряби бросает из стороны в сторону. Не имея своего индивидуального места в потоке мировых событий, не видя связи между случающимися с ним событиями, он остро ощущает свою локальность,

концентрируется на ней. Каждое волнение за своим бумажным бортом воспринимает как покушение на свою индивидуальность.

Жизнь человека темпорально протяженного фиксируется значительными событиями конкретной целенаправленной деятельности. Он движется в потоке событий как океанский лайнер, который даже сильный шторм не может сбить с курса. Индивидуальность такого человека практически никак локально не проявлена – его как личности нет в *здесь и сейчас*. Его индивидуальность – это целостный поток, течение, не прекращающее свое движение даже после физической смерти человека.

Абсолютное рабство

Уход *от* есть приход *в*. Уход от случайных атрибутов Мира есть прямой путь в сферу их необходимого единства, есть переход от частных к общему, от Бытия в Небытие. Не в абстрактное Небытие, а в Небытие той же событийной реальности. Стремление к свободе от частных – это неизбежная дорога к абсолютному рабству, подчинению Миру как целому.

Проблема свободы (ума, духа) решается не методом ограничения, разграничения, отрицания, а на пути принятия полноты Мира, отождествления с ней, приобретения тотальности как исчерпывающего разнообразия.

Свобода – это не...

Свобода – это не свобода *от* чего и *для* чего. Свобода не может быть привязана ни к прошлому, ни к будущему. Свобода не может быть ни причиной, ни следствием, не может быть ни действием, ни результатом. Она не системна. У нее нет структуры ни во времени, ни в пространстве. Свобода – это истина момента. Свобода не может быть целью, понимаемой как достижимый результат, она есть пребывание в цели, она есть воплощение цели в человеке.

Любовь

Любовь – это бесконечная мысль. Действие, бесконечно продленное и в прошлое, и в будущее – без начального события и без потенциального результата. В этой мысли есть одно событие – текущий момент, и одно содержание – фиксация на своем объекте. Человек любит здесь и сейчас.

Предмет любви, независимо от своей природы, естественно становится бесконечно значим.

Поскольку предмет любви случаен, сама потребность проживать такую бесконечную мысль является, скорее всего, естественной потребностью человека. Можно предположить, что любовь есть проекция бесконечной высшей ментальности на витальный план. Почему, казалось бы, не на бо-

лее близкий ментальный? А тот к сознательному возрасту уже забит конечными, но незавершенными мыслями, продленными в прошлое и будущее. Только витальный уровень может быть на время расчищен под бесконечную мысль или вообще быть еще чистым.

Бесконечная мысль-любовь никогда не заканчивается *в сейчас*. У нее нет финала. Пока ее мыслят. Однако даже при кратчайшем отвлечении на другую мысль любовь может пропасть – не завершиться, а просто исчезнуть. Вся, целиком. Не оставив следа ни в прошлом, ни в будущем.

Предметами всеобъемлющей любви могут стать либо бесконечно близкий, либо бесконечно далекий объекты: человек или Бог.

Любовь может быть превращена в деятельность – обставлена и в прошлом, и в будущем чувствами-мыслями, ритуально обрамляющими текущий момент. Но от этого природа любви не меняется – она остается бесконечной и сконцентрированной на своем предмете. В отличие от других деятельных процессов, у любви-деятельности нет цели в будущем, способной удерживать ее целостность. При устранении предмета любви вся идеальная система мгновенно рассыпается. Ритуальные действия теряют всякий смысл.

Поскольку любовь-мысль не имеет результата, а любовь-деятельность не имеет цели, любовь не может быть ориентиром. Любовь может быть опорой, фактором принятия решения, но она не имеет вектора. Она статична в своей безграничности. Любовь помогает, поддерживает, но не ведет.

Любовь нельзя удержать ни прошлым, ни будущим, привязывая ее к таким понятиям, как ответственность, обязательства. Ограниченная, она теряет самую себя – она начинает с сожалением оглядываться или со страхом смотреть вперед и упускает то, ради чего она существовала – свой объект в настоящем. Нельзя мечтать о любви, нельзя возбудить любовь воспоминаниями.

Для понимания-ощущения любви необходимо одно – мыслить ее здесь и сейчас. Мыслить саму любовь, а не ее объект, перетасовывая воспоминания и мечтания о нем. Держать ее постоянно при себе, не отпускать ни в прошлое, ни в будущее. Не ставить ей никаких памятников ни в прошлом, ни в будущем.

Любовь бесконечна и едина, она не собирается из отрезков обыденных мыслей, она не наращивается и не усекается во времени.

И хотя любовь-действие не имеет результата, а любовь-деятельность не имеет цели, любая мысль, инициированная любовью, любой шаг, вызванный любовью, истинны и чисты.

К любви как к бесконечной мысли, как к действию без начала и конца, как к идее без цели нельзя прийти намеренно, в результате исканий, усилий, опыта.

Любовь непосредственно связана с мыслью, но она не есть итог бесконечных раздумий, она пробуждается при освобождении человека от мысли. Не при устранении мысли, а при освобождении от нее, когда мысль существует только здесь и сейчас, когда мысль имеет свои рождение и смерть. И тогда место во времени, очищенное от череды незавершенных и неначатых мыслей, занимает любовь.

ПОЗНАНИЕ

Мышление

Мышление – не поток внутренней речи, не процедура пристыковки мысли к мысли. Слова и мысли могут быть только *продуктом* мышления, но никак не его материалом. Мышление начинается с внутреннего молчания.

Мышление – не взывание к памяти, не выуживание из нее зафиксированного знания. Мышление начинается с отключения памяти.

Мышление, как музыка, не может напрямую обращаться ни к прошлому, ни к будущему. В прошлом – только уже выпавшие в осадок мысли. В будущем – те же самые мысли, но облеченные в форму мечтаний, планов.

Только в *сейчас* нет мысли. И именно в этой пустоте *сейчас*, в этом зазоре между прошлым и будущим рождается новая мысль.

Знание

Течение, последовательность мыслей – это лишь явление ума. Ум одного человека отличается от ума другого не операционными возможностями, умением перетасовывать понятия, а способностью извлекать мысли из социумного интеллектуального потока. Знания, их формальный набор, с этой точки зрения не исходный материал для мысли, а сеть для ее вылавливания, ну и, конечно, формулирования. То есть знание это не источник мысли, а лишь условия, необходимые для ее взращивания, почва в которую может упасть зерно мысли и пойти в рост.

Молчание

Есть молчание и Молчание.

Первое есть лишь пустота между словами, оно легко обозначается графически – многоточием, пробелами. Оно допускает выбор между говорением и неговорением.

Второе не есть отсутствие, сокрытие чего-то – слов, истин, бытия. Оно есть полнота слов, полнота истин, полнота бытия. Полнота в смысле отсутствия выбора – то или это. Оно наполнено словами, оно существует не между слов, а после слов – и у тебя уже нет выбора молчать или говорить: все

уже сказано, остается лишь всеобъемлющая Пустота, не подразумевающая в себе и для себя ничего другого.

Познание начинается с тишины и заканчивается молчанием.

Медитация

Когда говорят об изгнании из головы мыслей, речь идет лишь о визуальных или словесных образах – осколках физической, витальной или ментальной реальности. Именно об осколках – о незаконченных или толком не начатых мыслях.

Обычно одну или несколько связанных фраз, произнесенных внутренним голосом, называют мыслью. А следовало бы назвать словесным сором – чтобы никого не вводить в заблуждение относительно сути техник медитации. Последние направлены на очищение ума от словесного потока, но никак не на освобождение от мысли.

Феномен – субъект – ноумен

Субъект-объектные отношения никогда не бывают двухсторонними. Любое такое отношение есть отношение в структуре «феномен – субъект – ноумен». То есть восприятие субъектом феномена означает соотношение последнего с ноуменом, а восприятие ноумена есть его проекция на феномен.

Это основной принцип отношения субъекта с порожденной им действительностью. Ведь, по сути, объекты его действительности есть не что иное, как продукты разложения единого универсума событий. Субъект локально восстанавливает полноту – воссоединяет ноумен и феномен в акте познания.

Ум

Сознание как форма субъектно-объектного расщепления Мира порождает мысли – варианты соотношения субъекта и объектов. Мысли необходимы для варьирования поведения. На определенном этапе эволюции сознания мысли фиксируются как стабильные структуры в памяти. Мыслей накапливается много, и их взаимодействие – перестановку, перебор и т.д. – мы называем умом. Иными словами, ум есть не что иное, как деятельность по извлечению, перебору и сопоставлению мыслей – фиксированных в памяти структур, порожденных субъектно-объектными отношениями.

Ум занимается связыванием событий с мыслями – вычленяет из реальности события, для которых у него есть названия.

Индивидуальный разум

Индивидуальный разум прирастает действиями – осознанными поступками. Человек, не совершающий действий, не осознающий и не определяю-

щий свое движение, не имеет разума, поскольку разум обладает не локальной (*сейчас-и-здесь*) природой.

Поиск смысла

Ища смысл, мы ищем смысл феноменального. Нет никакого высшего, ноуменального смысла – смысла, не связанного с конечными предметами. Сам *поиск* смысла есть, с одной стороны, выделение предмета осмысления из пространственного многообразия, а с другой – низведение, сужение некоего ноуменального содержания до точечности предмета.

У ноуменов нет смысла, они темпорально шире смысла – они локализируются в смысле.

У феноменов также нет смысла – они темпорально уже смысла – они под него подпадают.

Мировой разум

Антропоцентризм мешает человеку правильно задавать вопросы. Он спрашивает: существует ли мировой разум? Что на это ответить? Конечно – нет. Ведь, по сути, вопрошается, является ли Мир разумным субъектом или можно ли Миру приписать атрибуты разумного субъекта. При такой постановке вопроса человек противопоставляется Миру или Мир ставится на одну ступень с человеком.

Нельзя одним и тем же словом называть столь различные феномены, как частное свойство конечного образования (человека) и мировую сущность. Если мы называем разумом (интеллектом) некий феномен, отличающий человека от окружающих его неразумных предметов, то этот же атрибут нельзя приписать Миру.

Мир не мыслит в нашем понимании – не связывает ограниченным набором конечных элементов фиксированные во времени и пространстве события. Мир есть исчерпывающая совокупность элементов, связей, событий, включая и явления нашего мышления. С этой позиции Мир, безусловно, разумен, но тогда наш разум есть лишь его частная локальная реализация, *ограниченная самосознанием своей конечности во времени и пространстве*.

Человеческий разум это часть Мира, осознающая себя как часть.

Мышление и смерть

«Время – это интервал, промежуток между наблюдающим и наблюдаемым. Это значит, что наблюдающий, которым являетесь вы, боится встретиться то, что называется смертью.» (Кришнамурти).

Как ликвидировать этот интервал, а следовательно, избежать мысли о смерти, которая заполняет его, вернее, сама есть этот интервал? Ответ

прост: совместить субъект и объект, найти смерть в себе и там изучать ее, в текущем моменте времени.

«Вы не можете жить, если вы не умираете психологически каждую минуту. Это не интеллектуальный парадокс. Чтобы жить полно, целостно, в каждом дне открывая все новую и новую прелесть, нужно умирать для всего вчерашнего; если этого нет, вы живете механически, а механический ум никогда не сможет узнать, что такое любовь или что такое свобода.» (Кришнамурти).

И это проблема не психологическая, а содержательная. Если жизнь – это монотонная мысль из единообразных событий, протянувшаяся из прошлого в будущее, то смерть – неизбежный конец этого процесса. А поскольку эта мысль потенциально нескончаема – у нее нет логичного результата, – то обрыв ее является трагедией для человека. И тут не имеет значения, что это жизнь-мысль не его личная, а лишь случайно связана с его телом – другой у него нет.

А если жизнь это поток мыслей, полноценных мыслей, завершающихся результатом? Что есть смерть для такой жизни? То же, что и для обыденной – обрыв мысли. Мыслящий человек умирает с достижением результата каждой своей мысли, и в будущем у него нет никакого особенного момента. Да, у него будет расставание с физическим телом. Но разве тело определяло его жизнь?

А если человек своими мыслями создал индивидуальный деятельный процесс с далеко отнесенной в будущее целью, то никакая смерть физического тела не разрушит эту темпоральную систему, этот поток действий. (Прямо можно без иронии воскликнуть: «Иисус воскрес! Воистину воскрес!» или «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!»).

Тут только остается открытым вопрос: воплотится ли душа (идея) этого деятельного процесса в новом человеке или будет поддержана действиями (мыслями) множества физических тел. Скорее всего, это зависит от специфики самой идеи (души) – ее масштаба, персонифицированности (индивидуальна ли она или имеет коллективное происхождение), встроенности в социумный деятельный процесс и т.д.

«Умирать – значит иметь ум совершенно пустой от своего собственного содержания, от своих повседневных стремлений, удовольствий и мук. Смерть – это обновление, мутация, в которой мысль совершенно не функционирует, так как мысль есть старое. Когда приходит смерть, возникает нечто совершенно новое. Свобода от известного есть смерть. И только тогда вы живете.» (Кришнамурти).

Если каждая мысль-действие имеет свой конечный во времени результат, не фиксируется как память о прошлом и не продлевается в будущее как ожидание повторения прошедших событий (а только таковые мы можем по-

мыслить в будущем), то эта мысль по своему завершении умирает, оставляя ум пустым – свободным для новых мыслей. Для бесконечной череды рождений и смертей.

Мысль не признак

Мысль есть поток. Чистый поток через точку *сейчас-и-здесь*. Но мысль – это не факт, не событие, не признак, не качество.

Безусловно, у мысли есть начало и конец. Но ни начало, ни конец мысли не принадлежат единичному сознанию. Оно не может помыслить начало и конец мысли. Если же единичное сознание пытается их обозначить, то вместо истинных начала и конца мысли оно подставляет факты, события, признаки своего существования, таким образом ограничивая поток мысли рамками своей конечности. Мысля начало и конец мысли, человек теряет равновесие в точке *сейчас-и-здесь*, теряет поток мысли, выпадает из текущей мысли в прошлое или будущее.

Немысль есть мысль, не привязанная к обстоятельствам, признакам, событиям.

События порождаются Мыслью, события реализуют Мысль, но никакое единичное событие не является мыслью. Мысль не ограничивается событиями: не начинается и не заканчивается событием. Она совокупный поток событий.

Поэтому мыслить значить пребывать в этом потоке, ощущать этот поток во всей его бесконечной протяженности во времени и пространстве, но одновременно находиться в точке *сейчас-и-здесь*, пропуская через себя этот поток.

Мыслить значит мыслить событиями (потоком событий), но не мыслить события.

Мысль, мыслящая событие, признак, сама становится лишь конечным событием, признаком. Более того, сознание, мыслящее признаки, само низводится до частного события, которое может включиться в общий поток мышления лишь в качестве единичного элемента.

Немысль

Отказ от мысли не есть выход за ее границу. Полагание границы – это фиксация мысли, низведение ее до уровня предметности. За обрывом одной мысли в прошлом неизбежно последует начало следующей. Столь же случайной и ограниченной.

Немысль – это отсутствие волнения ума, ряби на его поверхности. Не освобождение от случайных мыслей – не опускание на дно, а скорее, подъем над поверхностью, не уход туда, где нет определенности, а воспарение

над различиями, слияние с потоком, творящим различия – эти волны на границе реальностей.

Рассудочное мышление

Рассудочное, логическое мышление – это процесс, понимаемый как динамическая система в иерархии темпоральных систем. Наше сознание пускает рассудок по цепочке внешних событий феноменальной действительности – таким образом мы мыслим эту действительность.

Но как содержание действительности не сводимо к последовательностям событий – процессам, так и мышление не сводимо к последовательностям слов – мыслям.

И то и другое есть лишь отображение Мира на плоскость пространственных событий. Процессы – лишь элементы действий. И здесь важно не то, что последние состоят из первых, а то, что процессы лишь часть, отображение целого.

Можно ли понять-ощутить этот следующий действенный уровень? Да – но такое восхождение возможно лишь при освобождении сознания от процессуальности, от необходимости следовать по цепочкам событий феноменальной действительности.

Истина

Истину можно познать, но истину нельзя знать.

Любой знающий истину не обладает истиной. Знание всегда относительно – знать нечто, значит выделить это нечто из целого, сопоставить с целым. Истину невозможно сопоставлять.

Истина может быть только *здесь-и-сейчас*. Любой шаг по направлению к истине есть шаг *от* истины.

Инволюция Истины

Достигшие Истины никогда не смогут поведать ее. Даже если бы захотели. Словами «поведать», «рассказать», «изложить», «выразить» мы начинаем инволюционный процесс опускания, реализации, фиксации некоего содержания в явлениях низшего уровня. Но только непосредственно низшего, ниже на одну ступеньку. Для дальнейшего опускания нужен новый субъектный процесс интеграции и новый акт инволюции. Вот и получается, что пока Истина спустится по ступенькам до уровня обыденного понимания, для ее выражения потребуется лишь несколько слов: «любите ближнего своего». Ну что ж поделаешь, если на нашем уровне Мира нет средств-слов для выражения Истины. А если и есть, то они не воспринимаются обыденным сознанием как знаки познания.

Пустота

Пустота – это *здесь*. Пустота – это не отсутствие предмета, а его полное вхождение в сознание, растворение в сознании, слияние с другими предметами.

Пустота не есть промежуток между предметами и мыслями. Познание пустоты – это ощущение полноты предметного мира, когда мысль свободно проходит сквозь него, не задерживаясь на случайных признаках.

Пустота – это воплощенная предметность, это пространство всех признаков, всех событий. Но она не результат, она причина, единая абсолютная причина. Мышление пустоты – не уход от пространства событий и границ, а, наоборот, видение полноты этого пространства с уровня его единой безграничной причины.

Истина и действие

Почему достигшие Истины бездействуют?

Душа не может не действовать. Жизнь души – непрерывное воплощение во времени, в потоке событий. Правда, уровень мировой иерархии, на котором реализуется деятельность познавшего Истину, находится за пределами восприятия обыденного сознания. Обычно ни одно событие социумного уровня невозможно напрямую ассоциировать, связать с действиями мудрого, представить как момент реализации его деятельного процесса.

Знание

Знания, по сути, это память о событиях, отображение событий в сознании. Знание это способ выделения событий из универсума.

Накопленные формальные знания фиксируют уровень человека. Фиксируют и в смысле обозначают, и в смысле стопорят.

На высших уровнях нет знания в нашем понимании. Это сфера чистого познания, где субъект и объект тождественны. Предметом познания является познание.

Абсолют, знание, понимание

В Абсолюте нет истины, знания, понимания. Абсолют инволюционирует в человека, реализуется в человеке в виде истины, знания, понимания. Истина позволяет человеку чувствовать Абсолют; знание – говорить о нем; понимание – действовать согласно ему.

Но чтобы приблизиться к Абсолюту, человеку надо отказаться от истины, знания, понимания. А заодно и перестать быть человеком.

Понимание

Знание – вернее, Понимание – отделено от высказывания. В этом пространстве, в этом временном промежутке и работает ум. Как передаточный элемент между Пониманием и словом.

Нельзя построить Понимание из разрозненных элементов, собрать из слов, фраз, суждений. Но можно построить систему из слов, подобную имеющемуся Пониманию. Не тождественную – только подобную. Не приближающуюся, а просто похожую. У этой системы односторонняя связь с Пониманием: только от Понимания к словам, но никак не обратно.

Безусловно, другому человеку эта словесная система может помочь осознать свое Понимание. Не построить, а осознать. Здесь также нет прямой связи от слова к Пониманию. И осознать именно свое, собственное Понимание, никак не связанное с другими и с тем исходным, отталкиваясь от которого строилась словесная система.

Понимание события

Смысл учения не в том, чтобы знать, а в том, чтобы познать – пройти сквозь знания и оставить их позади, как оставляют события, замечая их, но не фиксируя, не обуславливая их причинами и следствиями. Знания есть застывшие в сознании причины и следствия.

Событие мы возводим в ранг знания, когда находим ему причину и следствие. Эти причинно-следственные связки/мысли мы храним в памяти для опознания будущих событий. И в будущем мы можем опознать только то, что есть в нашем знании.

Опознание события неизбежно требует от нас реакции, действия, которые мы трактуем как следствие, неизбежно требует от нас мыслей/слов, демонстрирующих наше знание.

Смысл настоящего учения в научении видеть, а не знать. Настоящее Понимание не соотносит событие со знанием, оно есть непосредственное видение события, оно не опутывает событие причинно-следственными связями. Понять значит войти в резонанс с событием, принять его, соизмерить с собой, найти в себе процесс-состояние, темпорально равноценное событию. Понимание не есть мышление, оно не порождено мыслями, не фиксируется в мыслях.

Понимание может творить новые мысли. Но не следует видеть в них итог, результат познания, его цель, смысл. Они всего лишь неизбежная дань социумной коммуникации, необходимости фиксировать свое движение в социумной событийной реальности. Любая мысль есть лишь фиксация Понимания, привязка его к событию.

Пределом познания можно считать способность видеть не отдельные события, а весь Мир, универсум, как одно Событие. Такое Событие не имеет ни причин, ни следствий, а значит, и времени. Оно просто есть.

Субъект и смысл

Субъект – это граница (одновременно точечная и бесконечно протяженная) между феноменальным и ноуменальным. Он подобен узкому протоку песочных часов, через него ноумены воплощаются в феномены, а феномены обретают ноуменальный смысл.

Смысл, по сути, и есть форма отношений ноуменов и феноменов: феномены наделяются смыслом при их соотнесении субъектом с ноуменами, которые в свою очередь есть не что иное, как интегрированные смыслы феноменальной действительности. В этой терминологии субъекта можно назвать генератором смыслов. Именно генератором, а не проводником – смыслы не имманентны ни пространственному, ни темпоральному мирам, они порождаются в точке их соприкосновения – в субъекте, самим своим существованием задающим разделение единого Мира на две эти сферы.

Познание и есть порождение смысла: (1) как осмысление (осознание смысла) ноуменального и (2) как осмысливание (наделение смыслом) феноменального. Но осмысление и осмысливание не два отдельных процесса – они реализуются субъектом в едином акте познания: порождение, генерация смысла есть *одновременно* и (1) низведение ноуменального до предметности, и (2) идеализация феноменов, то есть *одновременно* и (2) понимание смысла пространственного мира (его идеализация), и (1) структурная реализация (формализация) понимания.

Безусловно, существенным моментом в этих рассуждениях является представление о множественности субъектов, множественности точек стыковки феноменальных и ноуменальных миров. Понятно, что отнесение того или иного объекта к одному из миров прежде всего зависит от положения, от темпорального уровня субъекта. И, соответственно, содержание познания субъекта – как осмысления и осмысливания – определяется этим же уровнем. Субъекты разных уровней порождают разные смыслы, поскольку по-разному делят Мир на пространственную и темпоральную сферы.

Новые мысли

Если человек уверен в чем-то, то это и есть на самом деле. Ни какого другого «на самом деле» не существует. Понятно, что речь идет не о существовании пачки сигарет на столе в комнате, то есть не том, что легко проверить, открыв дверь. Даже если допустить, что за объектом есть *нечто* (которое притворяется перед нами этим объектом), это *нечто* нельзя помыслить. По-

мысленное *ничто* тут же становится *чем-то*, не сущностью вещи, а самой этой вещью. Когда мы узреваем то, что ранее нам не было дано – скажем, что курить вредно или что существует Истина, – мы не выходим за пределы действительности, не переходим в область сути вещей, туда, где «на самом деле». Мы просто оказываемся в новой действительности. По сути, происходит лишь смена одной «всего лишь картинки», на другую «всего лишь картинку». А то, что «на самом деле», можно лишь попытаться уловить в момент перехода – оно проблескивает в этом зоре.

И повторю – новые мысли, это всего только мысли: мысль об Истине ничуть не лучше и не хуже мысли о пачке сигарет. Ценность мысли об Истине заключается лишь в акте перехода к ней, а не в ней самой, то есть в акте отказа от одной мысли и начала думания другой. Уровень мысли ощущается только при смене уровня. Через некоторое время, когда переход забудется, мысль об Истине уравниется в статусе с мыслью о пачке сигарет.

Познание Единого методом тождества

Познание Единого методом тождества, отождествления можно продемонстрировать на примере восприятия музыки. Мелодию нельзя познать аналитически, хотя она разложима на фиксированные элементы с однозначными характеристиками – ноты определенной высоты и длительности. Познание мелодии не сводится к определению тональности, размера, очередности терций и квинт. Познание мелодии нельзя представить ни как приближение, ни как приращение. Мелодия воспринимается вся целиком и сразу. Казалось бы – логическое противоречие с фактом ее протяженности, отсутствия в *здесь* и *сейчас*; но на самом деле так оно и есть. Слушатель (познающий субъект) как бы отождествляет себя с музыкой, можно сказать, приводит в соответствие движение мелодии и движение чего-то внутри себя. Соотносит, отождествляет свою темпоральную сложность с темпоральным содержанием мелодии.

Относительность реальностей

При переходе сознания на новый уровень обычно возникает впечатление иллюзорности, нереальности покинутого уровня. А поскольку этот шаг делается от уровня реальности, которую принято называть материальным миром, то ему и приписывают иллюзорность, нереальность. Привыкшее к определенности сознание, оторвавшись от одной – пространственно-временной – причинности, тут же плетет сети другой причинности, строит себе новую действительность и называет ее истинной реальностью.

Однако эта новая действительность, фиксированная новым уровнем субъекта, имеет не больше отношения к Миру, чем все другие действительности. Она так же субъектно обусловлена сознанием, как предыдущая.

«Истинного видения Мира» нет ни на одном уровне. Или, наоборот, такое видение возможно на любом уровне, если ты находишься в гармонии с ним, то есть понимаешь/принимаешь правила его игры, или по другому – твоя игра совпадает с игрой уровня.

Конечное число личностей

Собирание знаний есть реализация восходящего потока по поддержанию высших уровней эволюционного движения.

Знание фиксировано – его столько, сколько необходимо для поддержания баланса нисходящих (инволюционных) и восходящих (эволюционных) потоков.

Для реализации этого знания, обеспечения его функциональности необходимо конечное число личностей, индивидуальных деятельных потоков, обеспечивающих цельность знания. И тут нельзя говорить о личной инициативе адептов знания – они лишь используются в качестве носителей.

Знание не опускается ниже уровня адептов, не локализуется на элементарных структурах.

ТВОРЧЕСТВО

Человек и события

Человек не является локализованным источником событий текущей реальности, а уж тем более надреальных сущностей. Люди в большинстве своем даже не стремятся быть авторами своих поступков. Их жизнь – это цепочка случайно реализованных ими событий. Даже те люди, которых мы можем назвать сознательными, те, которые уверены, что творят свою линию жизни, в лучшем случае способны выбрать то или иное predeterminedное не ими событие, придав ему статус поступка. И лишь единицы могут реализовать цепь событий, приводящую к новации – социумно значимому событию. Но и они не являются источником новации – они лишь реализовали, завершили некий внешний по отношению к ним процесс. Источником, субстратом, творящим надсоциумные сущности, является вся совокупность людей, все множество событий социума. Индивидуальный человек может лишь приблизиться к творению, подбирая для себя цепочки событий-результатов в системе-деятельности.

От производства к творчеству

Продукт творчества, как и любой социумный продукт, есть продукт для человека, но не произведение человека. Даже просто исходя из того, что человек – это биологический организм и, как таковой, не производит ничего, кроме отходов жизнедеятельности.

В производстве человек копирует, тиражирует продукты, не имея никакого отношения к их природе, сущности, происхождению. В творчестве – реализует в виде нового локального продукта некое уже имеющееся временно распределенное содержание – то, которое он смог увидеть, понять, почувствовать. То есть и первое появление, творение социумного продукта связано с человеком лишь опосредованно – человек просто локализует, низводит на формальный уровень уже имеющегося социумное содержание, реализует инволюционный акт.

Однако, безусловно, следует отметить, что для свершения этого акта человек сам необходимо должен эволюционировать, сделать шаг вперед к новому видению, пониманию, чувствуваню.

Гениальный взгляд

Мысль (идея) до своей реализации (формализации) имеет протяженность, превосходящую временной «кругозор» элементарного человека (как и в случае с обычным зрением – есть видимый сектор, можно крутить головой, но все пространство вокруг сразу не охватишь). Даже гению не дано охватить идею мысленным (временно протяженным) взглядом. Он гений лишь постольку, поскольку в поле его зрения оказался заключительный перед реализацией (инволюцией в реальность) фрагмент идеи – он знал в какую сторону смотреть. Он увидел эту точку результата идеального деятельного процесса и назвал ее. Реализовал результат называнием.

Творение

Что вкладывается в понятие «творение»? Недетерминированность, нелогичность, отсутствие однозначной причинно-следственной связи новации с предшествующими событиями. Творение – это нечто принципиально отличное от производства (воспроизводства). Не воссоздание, не повторение, а творение.

У каждого свой горизонт творчества – пространственно-временной континуум, который он может охватить одним взглядом, с которым может отождествить свое Я.

Я есть точка, через которую этот континуум, часть Мира выражает себя, воплощает себя – творит реальность.

Творчество – это инволюция

Творчество – это не взлет, не возвышение. Творчество – это нисхождение, низведение. Творение как производство нечто конечного (произведения искусства, научной теории) есть инволюционный акт.

Восхождение ума, духа предшествует творению. Восхождение, подъем, понимание, постижение – необходимое условие творчества, его истинное содержание. Но само творчество – лишь попытка выразить более широкое темпоральное понимание в конечных социумных терминах, зафиксировать содержание высшего уровня в событиях низшего.

Творчество – это всегда разрушение. Начинается оно с разрушения границ индивидуального сознания, снятия преград, запретов, условностей. Начинается оно с нового видения, нового понимания, нового чувствования, вырвавшихся за пределы старых взглядов, знаний, реакций. Но творчество не останавливается на этом. Оно продолжает разрушение – низводит видение, понимание опять на уровень коммуникационной событийности, вгоняет в рамки социумного продукта. И уже сам продукт – если, конечно, это продукт настоящего творчества – производит массовые разрушения в умах. И неизбежно выстраивает новые границы.

В своем уме

Человек, хоть чуть-чуть, хоть недолго пребывающий в своем уме, либо гений, либо потенциальный пациент дурдома (хотя одно не исключает другого). Именно пребывание в чужом уме, чужом для всех, *общем* чужом есть основа взаимопонимания.

Гений – это тот, кто расширяет *общий* чужой ум. У него есть привилегия недолго пребывать в той части чужого ума, которая еще не стала общей и может считаться его личной частью. Правда, лишь номинально, поскольку она все равно есть лишь часть общего ума, которую другие пока еще не заметили и не обжили как *свой* чужой. В этом и состоит отличие гения от сумасшедшего: свой ум сумасшедшего никогда не станет общим, а свой ум гения есть лишь приоритетно застолбленная частичка общего.

Гениальность

В предновационный период поток ноуменальных событий уплотняется. И тогда обязательно должна найтись личность, обладающая достаточной темпоральностью, чтобы индивидуально подхватить этот поток, довести его до новационного события. В таком случае мы говорим о гении.

Но гений лишь инструмент творения – основная его заслуга и признак заключаются в том, что он реализовал последний результат некоего деятельного процесса. Мог ли этот результат реализовать элементарный человек? Вряд ли – для совпадения с творящим потоком необходим собственный вектор с протяженностью, достаточной для перекрытия предновационного уплотнения.

Духовность и творчество

Духовное бытие человека – это внеиндивидуальное его бытие. В минимальном, пассивном своем варианте духовное существование просто не может принести зла – ни самому человеку, ни окружающим. В развитом состоянии духовность активна, она есть творчество. Именно духовность, понимаемая как освобождение от самости, выход за пределы индивидуального сознания, есть исходный момент любого творчества.

Вполне понятна историческая связь духовности с религиями. Религиозное познание, религиозные институты и ритуалы призваны реализовать ту часть индивидуального сознания, которая выходит за пределы самости. И любое творчество традиционно представлялось как сакральное.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Отрицательная определенность

Любая работа над собой может начаться с отрицательного момента, то есть не с *действия*, а с *недействия*. И это понятно, элементарный человек не совершает никаких собственных действий, его поступки (события его жизни) случайны, и единственным проявлением его воли может быть лишь отказ от них. Таким образом он фиксирует свою самость, идентифицирует себя – связывает с со своим физическим телом несколько событий, изначально отрицательных.

Астральное тело

Астральное тело – воплощенная единичным человеком система-действие, зафиксированный деятельный процесс, продолжающий генерировать результаты и после смерти физического тела.

Элементарный человек есть лишь случайная выборка событий из деятельного потока социума, этом потоке нет его личной индивидуальной ветви. Благодаря внутренней работе человек фиксирует в общем потоке личные точки-события, которые могут в будущем собраться в его собственный деятельный процесс, создать структуру астрального тела, его индивидуальный вектор.

Медитация

Для большинства техник единственно возможным способом обозначить чистую, абсолютную мысль, не имеющую бытового, обыденного содержания является остановка мышления. Единственным образом абсолютной мысли мыслится пустота. Все мысли забиваются немислями: монотонными звуками, словами, ритмами.

Однако наиболее действенной для современного человека может оказаться техника медитации, основанная на формуле «Мысль – это мысль». Ведь для того, чтобы очиститься от потока обыденных мыслей, не обязательно сосредоточиваться на немьсли. Можно концентрироваться на *мысли* о мысли. И такая мысль, имеющая саму себя в качестве предмета мышления, одновременно пуста и содержательна, освобождает от потока мыслей, но не останавливает мышление.

Йога

Йога – это методика управления временем: она помогает сжать мировое время до границ взгляда одного человека или, наоборот, расширить временные границы человеческого сознания до абсолюта, при сохранении текущего деятельного масштаба жизни.

Отказ от реальности

Традиционно реализация в себе – вернее, собой – высшего идеального содержания связывается с отказом от реальности. Отказ от физической (телесной) реальности – путь факира. Отказ от духовной (эмоциональной) реальности – путь монаха. Отказ от разумной (мыслимой) реальности – путь йогина.

Что такое отказ от реальности? По сути, это отказ от поступков, от связывания себя с какими-либо событиями. Человек перестает быть реализатором, проводником привычных для социума уровней иерархии. Становится чистым листом, готовым принять тексты высших уровней.

Безусловно, сама пустота (чистота листа), хотя и имеет важное значение, не является решающим фактором просветления. Наиглавнейшую роль тут играют усилия, приложенные для отказа от реальности, для заглушения деятельности тела, эмоций, ума. И если эти усилия выполнены правильно и организм – все еще живой организм – настроен на точный ритм, он имеет полную возможность реализоваться на другом уровне, недоступном для созерцания и понимания с обыденных уровней.

Путь факира – это генерация индивидуальных антисобытий, по сути, противление свершению событий на физическом уровне. Вследствие этой работы факир может приобрести абсолютную волю над своим телом. Но воля эта отрицательная – она может противостоять любым физическим событиям, но не в состоянии сама генерировать события. Вернее, жизнь факира есть одно событие. Он, дойдя до высшей степени концентрации, формально достигает бессмертия – лишается протяженности жизни, а следовательно, и возможности достичь ее конца. Хотя его состояние можно трактовать как бесконечно продленную смерть.

Монах подчиняет все события своей жизни одной линии, одному чувству – религиозному. Он, как генерящий антисобытия факир, творит антиизменения – он не пытается изменить жизнь и себя, а, наоборот, противостоит любым внешним изменениям. Как факир может оставаться одной позе годами, так монах может сколь угодно долго пребывать в одном эмоциональном состоянии. По сути, монах достигает абсолютной воли над своими эмоциями, но эта воля отрицательная – она способна лишь подавлять все эмоции, кроме одной, она принципиально не созидательна. В бесконечно продленной эмоции монах достигает бессмертия. И хотя в этом направлении нет смерти, но нет и жизни, поскольку нет поступков.

Путь йогина – это путь отказа от мыслей. Концентрируясь на немьсли, йогин приобретает абсолютную волю над мышлением, но эта воля отрицательная – она не способна созидать мысли, а лишь дает свободу от мыслей, помогает понять пустотность любой мысли. В итоге йогин помещает себя в бесконечную пустоту, где нет ни пространства, ни времени, поскольку пространство и время – это лишь наши мысли. Где нет смерти, поскольку и смерть – это тоже всего лишь мысль.

Религия

Религия – это не путь, это дорога.

Религия – это не подъем, не восхождение, а поклонение.

Ритуал, канон, заповедь не ведут к Истине, они лишь форма отстранения от истины.

Религия – это колея, по которой может катиться жизнь человека. Религия внешне связывает события его жизни. Безусловно важно, что эти события не случайны, что они суть поступки человека, в них он проявляет свое активное начало. Но внутреннее обоснование и содержание поступков привнесены извне, поступки укладываются в общую для всех адептов данной религии колею. Религиозный человек активен в своем действии, но не свободен в выборе направления и содержания своих поступков. Поэтому у него два пути: либо ограничить свои поступки, превратить свою жизнь в один поступок, то есть посвятить всего себя служению, либо, оставаясь в миру и совершая случайные поступки, обречь себя на биения в колес.

Этапы роста

Элементарный человек – сознательный, осознающий.

Разумный – изменяющий, изменяющийся.

Интеллектуальный – воплощающий, воплощающийся.

Божественный – творящий.

Надсоциумный уровень

Цель практик, направленных на просветление – установление контакта с объектами надсоциумного уровня. Попутно приобретается понимание (видение) идеальных процессов социумного слоя и возможность активного влияния на события социумной реальности.

Описать объекты надсоциумного уровня в социумных понятиях принципиально невозможно по простой причине: эти объекты еще не дошли до этапа своей инволюции в стационарные структуры и динамические образования (организмы, существа).

Восхождение и уровень реальности

Возможен ли переход на другой ментальный уровень без смены реальности? Да, возможен. Воплощение идеального содержания высшего уровня иерархии возможно на основе событий любого нижестоящего уровня реальности. Вопрос только в ритме и длительности цепочки действий. Понятно, что реализация содержания некоторого уровня в структурах непосредственно нижестоящего происходит практически мгновенно. Для воплощения этого же содержания в феноменах, принадлежащих пространству более низкой реальности, потребуется длительный временной отрезок, множество распределенных на нем неслучайно структурированных событий. В качестве иллюстрации этой мысли можно привести примеры достижения просветления людьми, долгое время самоотверженно посвящавших себя простому ежедневному труду.

Изменение

Возможно ли изменить себя, окружающий мир?

Если под изменением понимать *видоизменение* – изменение того, что сохраняется в своем изменении, – тогда все меняется и так. Механически накапливается или растрачивается. Любое мотивированное и осознанное изменение ничего не изменяет, лишь продлевает существующее в будущее. Это не изменение, а перебор предзаданных вариаций.

Реальное изменение возможно лишь при отказе менять. При отказе менять, модифицировать свое прошлое. При отказе от прошлого. И только в этой свободе от прошлого, свободе от того, что может быть изменено, рождается новое. Это новое не будет изменением. Оно просто будет.

Духовность

Если под духовностью понимать просто движение от физической (телесной) реальности, тогда, действительно, все практики, направленные на выключение человека из этой реальности можно назвать духовными.

Для религиозных людей духовность определяется вполне однозначно – приближенностью к Богу. А для нерелигиозных? В светском обществе духовными мы называем людей эмоционально чувствующих мир, часто просто представителей сферы искусства.

Связь духовности с так называемыми духовными практиками не непосредственная, не прямая, не однозначная. Она основана не на позитивном накоплении, а на отрицающем моменте, на отказе. Эти практики *духовны* не потому, что включают в себя духовные элементы, а потому, что отрицают недуховные – по сути, потому, что вырывают человека из обыденной жизни, текущей реальности, основу которой составляют материальные (недуховные) события, поступки, отношения. Они очищают человека от суеты. Образовавшаяся пустота может быть заполнена неформализуемыми, неконечными понятиями из высших уровней бытия.

Сама работа по осознанию себя, по изменению себя независимо от формальной внешней определенности (принадлежности той или иной религии, практике), безусловно, способствует повышению уровня понимания Мира и своего места в нем, предлагает неслучайные основания для поступков. Но сами по себе, по своему формальному содержанию практики духовно нейтральны. Свидетельством тому служат многочисленные примеры полного выпадения из жизни (в том числе и духовной) людей, глубоко погрузившихся в них.

Духовность – это не состояние, а прежде всего, деятельность. Уход от рациональной, обыденной, материальной реальности не означает автоматического прихода к духовному существованию. Часто такой уход выглядит как прекращение всякого существования. Остается лишь задать себе вопрос: можно ли внутреннюю чистоту (пустоту), хоть как-то ассоциировать с духовностью? Наверное, можно, но лишь как абсолютное отсутствие в человеке недуховного содержания. Но с этой точки зрения и камень духовен.

Традиционным рефреном звучат слова мастеров о том, что без пустотности невозможно достигнуть тех или иных результатов в практике. Такая постановка задачи вполне законна, если целью практик ставится уход из социумной реальности, по сути уход из жизни, от жизни. Под духовностью понимается не наличие чего-то в человеке, а лишь отсутствие в нем случайного обыденного содержания.

По-настоящему духовной является только такая школа, где целью объявляется деятельная духовность, а практики считаются лишь средством, методом ее достижения.

Начать духовное восхождение человека обычно побуждают примеры великих Учителей, преклонение перед их духовной деятельностью, явное или неявное желание повторить их путь. Но тысячелетний опыт применения

практик и учений убедительно показывает, что никакие из них, даже при самом точном выполнении всех предписаний и ритуалов, не гарантируют подъема до высот духовной деятельности. Практики помогают, но не гарантируют. Духовность, как таковая, находится вне их. Она сопутствует. Она является скорее условием, чем результатом.

Да, надсоциумный уровень можно ассоциировать с духовным, принимать его сущности как духовные. Но чтобы воспринять их как таковые, надо априори, до восхождения, иметь представление о духовности, надо уметь различать духовное (его отражение) в реальном мире. Без этого предшествующего знания, реального (в реальности) понимания духовности, сущности высших уровней будут восприниматься всего лишь как красивые картинки. Что, конечно, тоже небезынтересно.

Уровень человека

Уровень человека – это уровень событий, с которыми он себя отождествляет. И диапазон широк: от почти биологической суеты и ежесекундных проблем до отождествления себя с единственным событием *жизнь* – от жизни во времени до жизни вне времени.

Жизнь вне времени не есть жизнь вне элементарных событий – человек ест, пьет, спит. Просто эти события не составляют его, они для него вообще не события. Скажем, непрерывный поток химических событий в клетках человека, по сути, составляющий его биологическую жизнь, не воспринимается нами – эти события не являются для нас событиями. Они просто случаются. Все потому, что они имеют существенно меньшую темпоральность по сравнению с феноменом человеческой психики. Так и человек, живущий на уровне выше социумных событий, вне социумного времени, не воспринимает свои психо-физиологические проявления как точки на траектории своего движения, как события в своей жизни. Его темпоральность гораздо шире.

Свобода

Я бы не сказал, что мы ее обретаем/теряем... Ее нельзя держать в руках. Она есть, когда мы о ней не думаем – но разве в эти моменты мы обретаем ее? А как только начинаем думать о ней, она пропадает. Но мы не теряем ее, поскольку и не обретали. А на уровне сознания Будды уже нет того, кто может обретать и терять. Значит, опять нет свободы. Не то, чтобы нет *свободы*, а просто нет необходимости в *мыслях* о ней?

Человек и время

Человек живет в потоке ментальных событий, этот поток – его время. Для человека не существует просто событий – событий в так называемой

реальности. Событием для него является ментальный отклик на внешний Мир – мысль. Но мысль не приходит извне, мысль выуживается из памяти. Сам Мир для человека есть лишь последовательность мыслей. Мир есть память. Человек не видит, не понимает, не чувствует ничего, кроме того, что есть в его памяти.

Мысли – ментальные события – бывают разными: темпорально короткими и темпорально протяженными. Первые мелькают, суетятся – их набивается много в человеческое *сейчас*. И время бежит. Вторые могут остановить время – втянуть в себя человека, расширить его *сейчас* за пределы его темпоральных границ. Тогда человек ощущает вечность.

Просветление и эволюция

Элементарный человек встроен в социумный деятельный процесс. Все, что от него требуется – это объективировать вполне определенные конечные действия, реализовывать цепочки результатов. И в этой встроенности он вполне совершенен, сбалансирован на всех своих уровнях. Существующие внутренние и внешние проблемы – это лишь форма корректировки последовательности его действий, способ согласования, совмещения его с общим социумным потоком. Зачем ему просветление?

Просветление – это эволюционный феномен. И для социума, и для человека. С одной стороны, он указывает направление индивидуальной эволюции человека, направление его самостоятельного движения, не связанного с медленным движением социума. С другой стороны, деятельность просветленных подготавливает плацдарм для последующей эволюции, надстраивает новый уровень реальности, создает ее идеальный каркас.

Взгляд снизу

Что могли бы поведать животным их «просветленные» собратья, как могли бы объяснить содержание, суть высшего мира, которому еще нет названия, но в который они, «просветленные», какими-то ухищрениями (медитацией ли на мозговой косточке) сумели проникнуть?

Прежде всего они сказали бы, что надо освободиться от пут адаптации – не ждать поколениями, когда популяция изменится под новые условия, не тянуть за собой груз старых инстинктов и не надеяться на постепенное возникновение новых признаков. Там, в том новом мире, адаптация происходит мгновенно. Животные, достигшие нового уровня совершенства, не держатся за случайные признаки, а меняют их по необходимости – натягивают и сбрасывают шкуры, меняют их цвет, перемещаются в пространстве быстрее максимально возможной скорости гепарда, держат в лапах огонь, живут в любом из мыслимых миров: летают в небе, плавают в океане.

Поверили бы животные своим «просветленным»? Могли ли «просветленные» твари, что-то продемонстрировать из своих знаний, полученных в «социале»? Наверное – нет. Но зато, как возвышенно, как поэтично...

И это не шутка. Скорее всего, среди животных периодически появлялись «просветленные» особи, наделенные не наследственной и не приобретенной в непосредственном опыте адаптивной гибкостью, свойственной лишь человеческому рассудку. Оказали ли они какое-либо влияние на эволюцию конкретной популяции? Предположительно – нет. Как, наверное, и наши социумные просветленные на жизнь людей.

Сам феномен просветленности, феномен непосредственного межуровневого контакта, скорее всего, имеет больше отношения к формированию последующей эволюционной системы, чем к функционированию текущей.

Путь

Путь не есть праведная дорога, огибающая овраги недостойных поступков, отмеченная верстовыми столбами благодетелей и триумфальными арками побед. Путь не омрачается событиями – ни радостными, ни печальными.

Дорога имеет начало и конец. И даже если она бесконечна, она не есть Путь – Путь не имеет ни протяженности, ни длительности.

На Путь нельзя свернуть, его нельзя выбрать, как одну из дорог на развилке. Путь, он не *откуда* и *куда*, он *где*, он не *от* и *к*, он *в*. По Пути нельзя идти, на него можно ступить. Но ступив, нельзя стоять. В нем нужно пребывать – одновременно и в прошлом, и в будущем.

Расстояние до Пути не измеримо шагами, хотя к нему можно прийти. Но приход не может быть целью, результатом, событием. Путь это отказ от целей и результатов – вернее, он есть абсолютное слияние деятельности с целью, действия с результатом, слияние, исключающее события.

Есть Путь и есть путь к Пути – осознание отсутствия Пути. Развитие этого осознания – не приближение к Пути, но удаление от шумных дорог, расширение горизонта. Однако тишина и пустота нужны не для того, чтобы увидеть Путь вдаль, а для того, чтобы ничто не отвлекало от возможности ощутить Путь *внутри* себя. Путь всегда в самом человеке.

Но неосознанность случайных шагов приковывает человека к событиям дорог, протоптанных в никуда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все написанное не имеет отношения к истине. Искать истину занятие бессмысленное. Тем паче, если пытаться откапывать ее логической лопатой – в лучшем случае получится котлован под фундамент новой логики, в худшем – могила. Братская могила для всех философских систем (впрочем, возможно, туда им и дорога).

Кстати, о системах. Философы-материалисты утверждают, что все (включая мышление) материально, идеалисты заявляют, что все идеально, а я констатирую, что все темпорально. Фактически, если не вдаваться в детали, стандартный философский конструкт, все та же логика – лишь взгляд с некой новой стороны.

И что же мы увидели с этой новой точки зрения? Что все объекты имеют темпоральность: всё, что мы можем выделить в нашей действительности, всё, что можем показать пальцем или упомянуть – темпорально. Скажем так, объекты исключительно плоские во времени ненаблюдаемы. Далес: различение субъектом пространственных и темпоральных объектов, феноменов и ноуменов, идеального и материального относительно – происходит относительно уровня его собственной темпоральности. Следовательно, важнейшими принципами темпоральной ноуменологии являются *локализм* и *релятивизм*: говорить можно только о локальных объектах, выделяемых относительно субъекта (некоторого субъектного уровня). Движение вообще и эволюцию в частности следует понимать только как локальные явления, существующие лишь при определенном взгляде с определенного субъектного уровня. И воспринимается это движение субъектом в его индивидуальном пространстве и времени, которые есть лишь формы, способы различения объектов в субъектной действительности. Вот так – вся книга одним абзацем.

Но это лишь формальные выводы. Главный смысл темпоральной концепции, релятивистско-темпоральных онтологии и гносеологии в утверждении единства Мира во всех его проявлениях: единства субъекта и объекта; единства бытия и мышления (феноменальной и ноуменальной действительностей субъекта); единства жизни и разума; единства всех форм познания – науки, искусства, религии, философии, мистики; единства всех реальностей. И самый главный вывод релятивистско-темпорального мировоззрения можно сформулировать так: понять единство Мира возможно только с трансреальной точки зрения, только выйдя за пределы любой фиксированной реальности, любой концепции, любой логики. И темпорально-иерархическую логику тоже надо преодолеть.

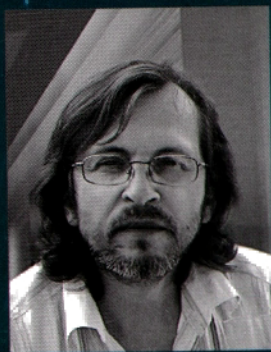
Философия – это огранка мышления. Длительная шлифовка его алмазной крошкой мыслей. Хотя в любом случае результатом будет лишь игра света на гранях.

Александр Владимирович Болдачев
Темпоральность и философия абсолютного релятивизма

Редактор *М. В. Куренная*
Корректор *П. А. Захаров*

Александр
Владимирович
БОЛДАЧЕВ

Петербургский философ,
автор книги «Новации, суждения
в русле эволюционной парадигмы»

кабинет Александра Болдачева: <http://www.boldachev.com>

9 785971 003649 >

9888 ID 121355

интернет-магазин
OZON.ru

78420276